

В.Н. ИЛЬИНЪ
ПРЕПОДОВНЫЙ
СЕРАФИМЪ
САРОВСКІЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

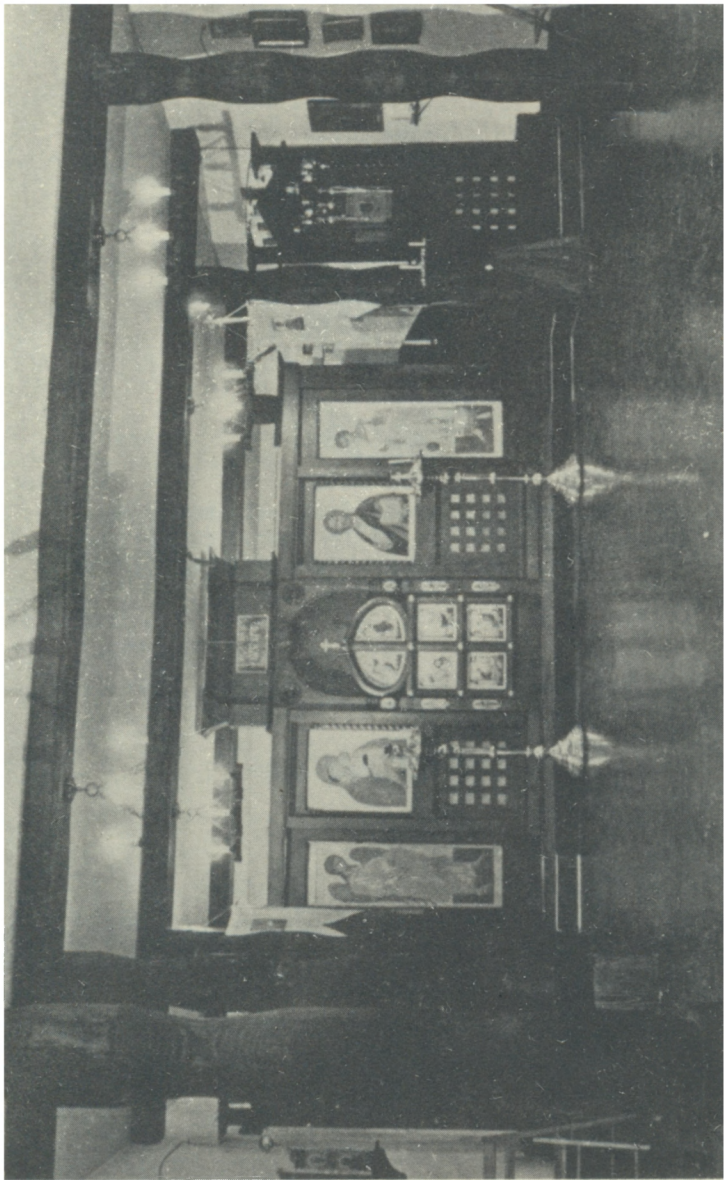
Этот образ преподобного Серафима написан при его жизни, как портрет (во весь рост).

После прославления преподобного образ находился в Дивеевском монастыре. В начале революции, перед разгромом монастыря, образ был вывезен в Киев.

В настоящее время хранится в женском монастыре «Ново-Дивеево» под Нью Йорком (С.Ш.А.).

Эта книга переиздана усердием прихожан церкви преподобного отца нашего Серафима Саровского Чудотворца в память основания церкви двадцать лет тому назад в городе Нью-Йорке.

Радуясь тому, что и в Соединенных Штатах Америки прославляется имя сего дивного угодника Божия, мы молим о его предстоянии пред Господом за многострадальный наш русский народ.

Церковь во имя преподобного Серафима Саровского в Н. И.

Переизданием этой книги восстанавливается книгоиздательство «ПУТЬ ЖИЗНИ», основанное в 1935 году в городе Печеры, Эстония.

Нью-Йорк, 1971 год

Склад издательства:
322 West 108 Street
New York, N.Y. 10025
U.S.A.

ВВЕДЕНИЕ.

Существо Православія вообще и въ частности Православія Русскаго, ни въ чемъ, быть можетъ, такъ полно и такъ ярко не сказалось, какъ въ почитаніи Божіей Матери и Святыхъ. Равно далекое какъ отъ безплоднаго — сухого раціонализма «головы», такъ и отъ нездоровой мечтательной мистики «чрева», исходя отъ сердца — подлиннаго источника здоровой и живой религіозности — почитаніе это цѣликомъ коренится въ библейско-евангельскомъ и святоотеческомъ духъ. Этотъ духъ, какъ въ буквѣ, такъ и въ преданіи составляетъ дѣйствительную основу Русскаго Православія, для котораго національная плоть служитъ гибкимъ, живымъ послушнымъ орудіемъ, покорно принимающимъ всѣ тончайшіе изгибы налагаемой на нее святой печати. Однако эта основа является вмѣстѣ съ тѣмъ и виновницей той небывалой красоты («доброты»), всегда новой и неисчерпаемой, которая несетъ съ собою оправданіе личнаго и національнаго начала.

Нужно раскрыть глаза для этой красоты, нужно всматриваться въ нее пристально, любовно. И если мы это сдѣлаемъ, то увидимъ, что Саровскій Угодникъ и Чудотворецъ является собою одно изъ самыхъ яркихъ выраженій не только всего Русскаго Православія, но въ немъ же и черезъ него — стихіи Вселенскаго Христіанства.

Житіе Преподобнаго, его житійный ликъ, икона, есть живой отвѣтъ на столь многократно задававшійся вопросъ—что такое Православіе? — и неразрывно съ нимъ связанный другой вопросъ: что такое Россія, «русская идея»?

Уже при бѣгломъ знакомствѣ съ житіемъ и дѣянїями преподобнаго, ясно чувствуется нездѣшная новизна, обличеніе того, что до времени сокрыто. И не всуе названъ онъ «земнымъ ангеломъ и небеснымъ челоукомъ». Совѣтуя одному изъ усердствовавшихъ обратить во время чтенія символа въры вниманіе на двѣнадцатый членъ, онъ этимъ устремляетъ къ послѣднему свершенію сердца всѣхъ чтущихъ его святую память. «Воскресеніе мертвыхъ» и «жизнь будущаго вѣка» черезъ Воскресеніе Христова, черезъ Его Пасху дано намъ вкушать еще здѣсь на этой землѣ. И послѣднее съ особенной силой раскрылъ Преподобный въ своемъ благовѣстїи о Св. Духѣ.

Духъ Святой есть «мертвыхъ воскресеніе» согласно преп. Симеону Новому Богослову. И ставъ «избранникомъ возлюбленнымъ» Божіей Матери Преподобный принесъ на землю видимое откровеніе о «сокрытой тайнѣ», о «сокровищѣ безымянномъ» — о Господѣ Святомъ Духѣ.

Осіянный этой новизной не напрасно въ новѣйшую эпоху является великій святой, новое раскрывая и въ самомъ Православіи, раскрывая въ немъ то, что до времени было «сокрытою тайной». Въ свѣтъ этого откровенія Православіе встаетъ передъ нами какъ образъ «свершившагося», какъ символъ и начало уже сущаго Вѣчно Новаго, обновленнаго въ еще пребывающемъ Вѣхѣ Адамъ. Преподобный процвѣтъ среди насъ какъ образъ икона полнаго обновленія, грядущаго въ міръ безъ времени, и сроки котораго хотя скрыты, но прообразованы.

Немного далѣе мы видимъ тысячи ежедневныхъ посятителей самыхъ разнообразныхъ словъ и состояній, и, непрерывный потокъ богомольцевъ по его отшествію, — вплоть до нашихъ дней.

Для всего этого людского моря онъ сталъ великою цѣнностью; и даже скептикъ, если онъ только элементарно добросовѣстенъ, долженъ по изслѣдованію данныхъ недавняго прошлаго и современнаго, настоящаго признать, что здѣсь на лицо нѣчто такое, чему нѣтъ мѣста въ рамкахъ обыденщины — какъ житейской такъ и научной.

ГЛАВА I.

ИЗЪ ПРОШЛАГО САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

«Лѣсъ великій и древо, дубы и сосны, и прочія поросли, и въ томъ лѣсу живуще многіе звѣріе, медвѣди, рыси, лоси, лисицы, куницы, а по рѣчкамъ Сатису и Сарову бобры и выдры и мѣсто то не знаемо бысть отъ человѣка, кромѣ бортниковъ мордвы» (1).

Такъ говорятъ древнія сказанія о томъ мѣстѣ, гдѣ основалась прославленная преподобнымъ Серафимомъ Саровская обитель.

Она имѣетъ свою поучительную, величественную и скорбную исторію.

Начало ея связано съ трудными временами татарскаго нашествія. Въ концѣ XIII вѣка между рѣчками Саровою и Сатисомъ заложенъ былъ ширинскимъ ханомъ Бахметомъ татарскій городъ-становище Сараклычъ. Послѣ Куликовской битвы татары разсѣялись отсюда и городъ Сараклычъ запуслъ; даже самое имя его было

забыто, а мѣстное населеніе назвало бывшую резиденцію Бахмета «Старымъ Городищемъ». Лишь въ XVII вѣкѣ стало заселяться это мѣсто. Первымъ пришелъ сюда пензенскій монахъ Феодосій. Онъ срубилъ себѣ келью на валу и эта скромная келья положила начало Саровской обители. Феодосія смѣнилъ старецъ Герасимъ.

Оба они были свидѣтелями необычайныхъ знаменій какъ бы предвозвѣщавшихъ славу этого мѣста. Гору озарялъ по ночамъ небесный свѣтъ и боръ оглашался благовѣстомъ, отъ котораго колебалась гора. Слыша это, Герасимъ говорилъ: «Мню, яко мѣсто сіе свято». Герасимъ въ послѣдствіи ушелъ въ Краснослободскій монастырь. Мѣсто опять опустѣло, но чудесныя знаменія не прекращались. Громъ въ солнечные дни, трезвонъ — сами вышнія силы благословляли богоизбранное мѣсто.

Первоначальникомъ Саровскимъ и основателемъ обители былъ іеросхимонахъ Іоаннъ, родившійся въ 1670 году. Имя его въ міру было Іоаннъ, въ иночествѣ онъ получилъ имя Исаакія, а въ схимѣ былъ нареченъ опять Іоанномъ. Еще въ молодости, какъ въ послѣдствіи и преподобный Серафимъ онъ искалъ глухой уединенной пустыни гдѣ бы онъ могъ свободно предаваться подвигамъ. И его сердце привлекло «Старое Городище», темный боръ и безлюдіе. Тяжекъ былъ путь этого подвижника. Въ молодости — страшная мучительная болѣзнь, отъ которой онъ едва не умеръ. Много пришлось ему бороться съ потусторонними ужасами, такъ часто искушающими иноковъ, а по-

томъ пришлось ему на время и во все оставить излюбленное мѣсто, гдѣ послѣ него въ одиночествѣ пребывалъ ученикъ подвижника отецъ Ириней. Къ нему присоединилось еще нѣсколько монаховъ и обитель была основана.

«Въ сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни, у святѣй церкви Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея Источника, быть общежительному пребыванію монаховъ. И положихомъ, по свидѣтельству и преданію святыхъ Апостоль и Святыхъ Отець, чинъ уставъ общаго житія. И отнынѣ намъ здѣ всѣмъ живущимъ монахамъ и сущимъ по насъ настоятелямъ и братіямъ держать и хранить безотложно, дондеже благоволеніемъ Божиемъ обитель сія будетъ стоять». Такъ постановилъ 7 іюля 1706 года совѣтъ братіи монастыря возглавленной о. Исаакіемъ. Саровская обитель была основана. Много скорбей претерпѣла она. Случалось, что на монастырь нападали разбойники и жестоко пытали иноковъ, добываясь у нихъ несуществующихъ сокровищъ. Бѣдовершеніемногихъ бѣдъ о.Исаакій опять тяжело заболѣлъ. Онъ принялъ схиму и нарекъся Іоанномъ. Господь воздвигъ его отъ одра болѣзни. Образъ жизни малочисленной братіи въ 36 чело-вѣкъ былъ суровый, трудовой. Всѣ средства къ жизни добывались въ потѣ лица, трудами рукъ своихъ. Основнымъ занятіемъ братіи было хлѣбопашество. Къ этому присоединялись ремесла — столярное, токарное, портняжное.

Воздаяніе тяжкихъ трудовъ своихъ іеросхимонахъ Іоаннъ получилъ у Господа, на землѣ же

суждено было ему въ тяжкихъ испытаніяхъ закончить свои дни. Въ тѣ времена по всей Россіи свирѣпствовала тайная канцелярія, съя пытки, казни и ужасъ. Въ апрѣлѣ 1734 года по приказу тайной канцеляріи отрядъ солдатъ, сопровождавшій ея агентовъ, прибылъ въ Саровскую обитель, и, заковавъ въ цѣпи великаго подвижника и съ нимъ двухъ иноковъ, — увезли ихъ въ Петербургъ. Гремя кандалами, окруженный со всѣхъ сторонъ вооруженными солдатами, онъ молча благословилъ братію, молча положилъ три поклона передъ святыми дверьми созданной имъ обители и былъ увезенъ. Ему не разрѣшено было обмѣняться съ оставляемой братіей ни словомъ. Въ тюрьмѣ ожидало его болѣе тяжкое испытаніе. Въ теченіе четырехъ лѣтъ — времени его заключенія — ему не разрѣшено было причащаться и лишь передъ кончиною получилъ онъ это утѣшеніе. Его смерть послѣдовала 4 іюля 1747 г.

Таково было многострадальное начало великой Саровской обители, въ которой просіялъ Преподобный Серафимъ. Вѣнецъ изгнаннаго «правды ради» украсилъ главу и другого замѣчательнаго ея строителя о. Ефрема. Онъ пятнадцать лѣтъ томился въ правительственной ссылкѣ «разжалованный» въ простые звонари — неизвѣстно за что.

* * *

Эпоха преподобнаго Серафима — середина XVIII и начала XIX вв. является одной изъ самыхъ трудныхъ и мучительныхъ въ исторіи многострадальной русской церкви. Обезглавлен-

ная императоромъ Петромъ Великимъ она потеряла въ лицѣ патріарха своего заступника и печальника.

Вотъ что говоритъ объ этихъ гоненіяхъ правительства на церковь современникъ эпохи Амвросій, архіепископъ Новгородскій. «На благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ истребили, монаховъ поразстригли и перемучили! Спросимъ — за что? Больше отвѣта не услышешь, кромѣ сего: суевѣрь, ханжа, лицемеръ, ни къ чему негодный... Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога, государство весьма любящихъ въ тайную похищали, въ страдныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали (2).

Ярче и опредѣленнѣе живописуетъ страшное время митрополитъ Димитрій Сѣченовъ (1742 г.). «Противницы нашли добрую дорогу; добрый ко утѣсенію насъ сыскали способъ, показывали себѣ, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули; колкое гоненіе на

Церковь Христову и на благочестивую вѣру возстали, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. *Догматы христіанскіе въ басни и ни во что поставляли; святыхъ угодниковъ Божьихъ не почитали, иконамъ святымъ не кланялись; преданія апостольскія и св. отецъ отвергали, а наипаче колікое гоненіе на самихъ священныхъ тайнъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучали, казнили, разстригали;* непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ — куда? зачѣмъ? — монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали, и усть не смѣли о благочестіи отверсти» (5).

Знаменитаго борца за православіе, архіепископа Теофилакта Лопатинскаго три раза поднимали на дыбу и били батогами. Царствованіе Императрицы Екатерины II, правда, не было кровавымъ по отношенію къ духовенству — хотя ею и былъ сосланъ и заморенъ въ каменномъ мѣшкѣ одинъ изъ величайшихъ русскихъ архіереевъ Арсеній Маціевичъ — но тѣмъ ужаснѣе были ея мѣры по расцерковленію Россіи. Указомъ 1764 года упразднено 4/5 русскихъ монастырей (впослѣдствіи Пушкинъ высказался, что эта мѣра нанесла непоправимый ударъ русскому просвѣщенію). Замѣчательно, что Спасо-Зеленогорскій женскій монастырь, упраздненный импе-

ратрицей Екатериной II, былъ возстановленъ преподобнымъ Серафимомъ.

Самымъ страшнымъ и пожалуй самымъ знаменательнымъ было то, что изъ двухъ оберъ-прокуроровъ Святѣйшаго Синода, назначенныхъ Екатериной II, одинъ (Мелиссино) былъ по своимъ убѣжденіямъ крайній протестантъ, предложившій такія мѣры, исполненіе которыхъ превратило бы русскую православную церковь въ баптистское сборище; другой же, бригадиръ Чебышевъ, былъ атеистъ и хульный кощунникъ не стѣснявшійся произносить свои сквернословія и хулы въ засѣданіи Синода; мало того, онъ проповѣдывалъ атеизмъ среди народа.

Темной и тяжелой была также первая половина XIX вѣка. Историческій обскурантизмъ и нездоровая лжемистика архимандрита Фотія пользовались покровительствомъ сверху; большой пріятель Фотія, мало привлекательный Нифонтъ, игумень Саровской обители, сильно тѣснилъ и гналъ преподобнаго Серафима въ старческой періодъ его жизни. Всѣмъ извѣстна неприглядная дѣятельность оберъ-прокурора, кавалерійскаго полковника Протасова, который почти совершенно затормозилъ и свелъ на нѣтъ дѣятельность великаго русскаго архипастыря митрополита Филарета Московскаго...

Церковное управленіе впало въ печальный сервиллизмъ. Но не погасло древнее русское благочестіе. Напротивъ оно загорѣлось яркимъ небывалымъ по силѣ и духовной дѣйстви-

венности явленіемъ русскаго старчества. Величайшимъ русскимъ старцемъ и однимъ изъ благолѣпнѣйшихъ украшеній вселенской православной церкви былъ преподобный Серафимъ Саровскій.

ГЛАВА II.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА ОТЪ РОЖДЕНІЯ ДО РУКОПОЛОЖЕНІЯ ВЪ ІЕРОМОНАХИ.

«Ублажаемъ ты, преподобне отче Серафиме, наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ» — съ такимъ привѣтствіемъ обращается Церковь къ Саровскому Подвижнику.

Житіе преподобнаго Серафима отмѣчено особыми чертами, что онъ по новому, по особенному выдѣляютъ его изъ многочисленнаго сонма христіанскихъ вообще, и русскихъ, въ частности, подвижниковъ.

«Серафическая; ослѣпительная бѣлизна», о которой говоритъ современный русскій богословъ о. Павелъ Флоренскій, сіяетъ на его ликъ съ самага начала жизненнаго пути саровскаго пустынножителя. Здѣсь явная печать предизбранности, предуготованности къ тому назначенію, которое онъ съ такой великой красотой явилъ и выполнилъ.

«Этотъ — нашего рода» — говорила являвшаяся ему двѣнадцать разъ въ его жизни Божія

Матерь. И слово это было сказано святому въ видѣнїи еще ранней юности, на самой зарѣ монашескаго подвига.

Было бы однако заблужденіемъ полагать, что такое «привлеченіе» человѣка Богомъ есть актъ Его произвола, какого-то лицезрѣнїя, божественнаго пристрастія, устраняющаго или обезцѣнивающаго терновый вѣнецъ личнаго подвига. Наоборотъ — земная жизнь Подвигоположника нашего спасенїя и Начальника Святыхъ показываетъ, что избранничество Божіе въ лицѣ Иисуса Христа, имѣющее своимъ предѣломъ существенное (онтологическое) Богосыновство есть жертвенная обреченность — возложеніе на плечи избранника тягчайшаго креста, непосильнаго и невыносімаго для кого бы то ни было другаго.

Избранность или предызбранность не есть личное, ограниченное отъединенное облагодѣтельствованіе и облагодатствованіе даннаго лица по типу человѣческаго лицепрїятїя; такое избраніе есть особая милость оказываемая всему человечеству, которое присутствуетъ въ святомъ, какъ высшемъ выразителѣ человѣческаго типа и, прославляясь, — сіяетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Отдѣльные святые объединяютъ въ семьяхъ «своего рода» тѣхъ, кто сердцемъ влечется къ нимъ, кто внутренно отъ всей души прїемлютъ ихъ святость, ихъ сіяніе. И лишь Христось Богъ, и Его Матерь въ своемъ избранничествѣ обнимаютъ и прославляютъ человѣческое всеединство цѣликомъ и полностью. «Много званнхъ, но мало избранныхъ» — означаетъ

то, что лишь немногіе удостаиваются и могут прославлять въ себѣ человѣческія многоединства. А спасти возвеличить и прославить человѣческое всеединство могъ только единый Всепобѣдитель «Левъ отъ колѣна Іудина» (Откр. V, 5).

По образу этой Всепобѣды Богочеловѣка-Сущаго побѣждаютъ «міръ лежащій возлѣ» чело-вѣкобоги по благодати — святые. Такъ подви-зался и такъ побѣдилъ преп. Серафимъ.

Онъ не пришелъ къ подвигу благодаря какой-нибудь внѣшней катастрофѣ или вслѣдствіе внутренняго перелома, внезапнаго, неожиданнаго «озаренія» и т. п. Монахъ отъ чрева матери — иначе трудно опредѣлить его отношеніе къ подвигу. Все говоритъ за то, что преподобный Серафимъ былъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ представителей человѣческой породы. Хорошій ростъ, значительная физическая сила, огромная выносливость, совершенно исключительная сила воли, благолѣпная въ высшей степени располагающая къ себѣ наружность, обширная память и совершенно исключительный, свѣтлый умъ, способствовавшій, при наличности дара прозорливости, проникновенію въ тайны дѣлъ Божіихъ и человѣческихъ — вотъ какимъ встаетъ передъ нами его обликъ. Рѣдкій даръ слова, позволялъ ему съ величайшей легкостью, непринужденностью и художественно - безыскусственной простотой выражать самое трудное, убѣгающее отъ «словесныхъ» формъ... Если къ этому прибавить, наконецъ, ангельскую доброту, кротость, простоту, смиреніе, радостную просвѣтленность — то

до нѣкоторой степени проясняются таинственныя слова Богоматери: «Этотъ нашего рода».

Его житіе протекло какъ бы на нашихъ глазахъ. И потому оно должно служить къ уясненію подвиговъ и трудовъ тѣхъ древнихъ отшельниковъ сказанія, которыя хотя и принимаютъ иногда форму легенды, но въ основѣ содержать все же реальную правду.

* * *

Въ міру преп. Серафима звали Прохоромъ. Онъ родился 19 іюля 1759 г. въ г. Курскѣ и происходилъ изъ купеческой семьи Мошниныхъ, отличавшейся благообразіемъ и благочестіемъ. Жизнь родителей его — отца Исидора и матери Агаѳи — прошла подъ знакомъ храмостроенія. Послѣднимъ дѣломъ жизни Исидора Мошнина было построение въ Курскѣ извѣстнаго Казанско-Богородицкаго собора. Смерть застала его на этой работѣ. Онъ оставилъ на рукахъ своей жены Агаѳи маленькаго Прохора, которому было тогда три года. Двѣ заботы наполняли жизнь благочестивой женщины послѣ смерти ея мужа — воспитаніе сына, будущаго великаго подвижника и постройка упомянутаго храма продолжавшаяся около 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Агаѳія Мошнина входила въ мельчайшія детали работы. Въ одно изъ посѣщеній ею производившихся работъ, семилѣтній Прохоръ свалился на землю съ большой высоты и остался невредимъ.

Съ 10 лѣтъ началось обученіе его грамотѣ. Оно шло впередъ съ необычайной легкостью и

быстротой, но должно было скоро прекратиться по причинѣ тяжелой болѣзни. Во время этого недуга онъ въ первый разъ увидѣлъ во снѣ Пресвятую Дѣву обѣщавшую ему исцѣленіе — и рассказалъ объ этомъ своей матери. Черезъ нѣсколько дней послѣ видѣнія былъ крестный ходъ съ Чудотворною иконой Знаменія. Благодаря случившемуся въ это время проливному дождю икону пришлось пронести дворомъ Мошниныхъ. Агаѳія вынесла больного мальчика къ иконѣ; онъ приложился къ ней, и самое икону пронесли надъ болящимъ. Послѣ этого скоро выздоровѣлъ и возобновилъ занятія. Онъ быстро овладѣлъ грамотою и усердно принялся за чтеніе Часослова, Псалтири, Библии и прочихъ духовныхъ книгъ, къ которымъ уже въ раннемъ отрочествѣ у него обнаруживалось явное и рѣшительное тяготѣніе. Обстоятельства какъ младенчества, такъ и отрочества ясно опредѣляли и раскрывали то, чему предстояло осуществиться въ недалекомъ будущемъ.

Находясь еще въ міру и будучи еще совсѣмъ юнымъ, Прохоръ тѣмъ не менѣе ни въ какомъ смыслѣ не былъ мірскимъ. Торговое дѣло, которымъ занимался его старшій братъ Алексѣй совершенно не привлекало его и занимался онъ имъ до поры до времени, исключительно повинуюсь старшимъ. Все существо его было поглощено чтеніемъ святыхъ книгъ, стремленіемъ постоянно — и въ праздникъ и въ будни — посѣщать храмъ; уже въ это время наблюдалась у него склонность и къ уединенному богомыслию. Къ

этому періоду относится его дружба съ однимъ юродивымъ, надѣленнымъ даромъ прозорливости, который предсказалъ Агаѳии Мошниной великое будущее ея сына.

Духовное созрѣваніе юнаго Прохора подвигалось необычайно быстро, уже къ 18-му году у него сложилось твердое рѣшеніе вступить на путь иноческій, о чемъ онъ и раньше не разъ говорилъ со своею матерью. Замѣчательно, что и тогда онъ думалъ о вполнѣ опредѣленной обители — о той именно, которую впоследствии прославилъ. Мать, вполнѣ сочувствовала Прохору въ его благочестивомъ намѣреніи и съ радостью отпустила сына, благословивъ тѣмъ самымъ мѣднымъ Распятіемъ, которое онъ всю жизнь носилъ поверхъ одежды на груди.

Предварительно онъ рѣшилъ идти въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мощамъ Печерскихъ угодниковъ. Окружавшіе Прохора друзья и знакомые не только поощряли избранный имъ путь, но нѣкоторые изъ нихъ рѣшили вмѣстѣ съ нимъ уйти изъ міра и посвятить себя Богу. Изъ этихъ пяти паломниковъ впоследствии четыре стали монахами. Всѣ они были изъ курскихъ купцовъ, равно какъ и тогдашній «строитель» (игумень) саровскій іеромонахъ Пахомій (въ міру Борисъ Назаровичъ Леоновъ)

Въ виду этой необычайной легкости вступленія будущаго Саровскаго Чудотворца на путь монашеской жизни, такой легкости, какъ будто онъ никогда и не покидалъ монастырскихъ стѣнъ — невольно вспоминается трагическая

борьба преп. Ѳеодосія Печерскаго съ матерью, болѣзненно-страстная, но вполнѣ мірская любовь которой причинила столько старданій и ей и ему, прежде чѣмъ обоихъ приняла и навсегда успокоила иноческая келья. Не зналъ молодой подвижникъ также и борьбы съ плотію, борьбы наполнявшей неоднократно всю жизнь отшельниковъ (напр. Іоанна Многострадальнаго).

Онъ остался навсегда дѣвственнымъ, — что видно изъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ имъ уже въ старости: «Какъ я и самъ дѣвственникъ, то и Царица Небесная благословила, чтобы въ обители моей были бы только однѣ дѣвушки». — Рѣчь идетъ о Серафимо-Дивѣевской обители.

Во время пребыванія Прохора въ Кіевѣ его благословилъ на подвигъ подвизавшійся въ Китаевской пустыни прозорливый старецъ схимонахъ Досіеѳей, направивъ его въ Саровскую обитель.

Проживъ два года въ Курскѣ послѣ кіевскаго паломничества и уже въ этотъ періодъ своей жизни находясь въ состояніи полной отрѣшенности, Прохоръ вступилъ въ Саровскую обитель, въ вечеръ наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы (20 ноября 1779 г.). Въ это время ему было 19 лѣтъ. этимъ заканчивается первый періодъ его жизни.

Принявъ Прохора въ число послушниковъ строитель Пахомій поручилъ его руководству іеромонаха Іосифа, казначея обители. Послѣдовательно исполнялъ новопринятый послушанія въ хлѣбнѣ, въ просфорнѣ и столярнѣ.

Общая одаренность его природы сказалась и здѣсь; онъ обнаружилъ настолько большое мастерство и сноровку въ этомъ ремеслѣ, что его даже наименовали Прохоромъ-столяромъ. Онъ съ большимъ искусствомъ занимался рѣзаньемъ кипарисныхъ и иныхъ крестовъ; а затѣмъ онъ исполнялъ послушаніе будильщика и пономаря. Во всѣхъ этихъ должностяхъ онъ обнаружилъ необычайное усердіе и добросовѣстность; но особенно выдѣлялся онъ своимъ молитвеннымъ рвеніемъ — усердіемъ какъ къ церковной такъ и къ келейной молитвѣ. Въ свободное отъ молитвы и послушанія время онъ занимался чтеніями Священнаго Писанія, Святоотеческой, аскетической и житейной литературы. (Шестодневъ св. Василия Великаго, бесѣды св. Макарія Великаго, Лѣствицу преп. Іоанна, Добротолюбіе и др.) Замѣтимъ, что самъ способъ, манера его чтенія облегчала проникновеніе въ читаемое и способствовала усвоенію его въ соотвѣтствующемъ направленіи. Это было не простое чтеніе, а именно особый духовномолитвенный методъ, вниканіе, внѣдренія въ читаемое, особаго рода аскеза—такъ какъ читалъ онъ въ молитвенномъ настроеніи, стоя передъ образами. Для послушника Прохора чтеніе было одновременно и исполненіемъ читаемаго, согласно словамъ ап. Іакова «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только» (Іак. 122).

Исключительное воздержаніе въ пищѣ и снѣ составляетъ уже въ этотъ періодъ отличительную особенность его жизни. Онъ ѣлъ одинъ разъ въ

день, да и то мало. По средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ. Тогда же испросивъ благословенія отъ своего старца онъ сталъ удаляться въ лѣсъ для того, чтобы въ полной сосредоточенности совершать молитвенное правило св. Пахомія Великаго. Такимъ образомъ пустынножителство преподобнаго можно считать начавшимся еще въ періодъ его послушничества, т. е. ранней юности. Въ этотъ же періодъ для него наступило испытаніе, давшее ему возможность проявить силу и красоту столь рано созрѣвшаго духа. 1780 г. ознаменовался для молодого подвижника началомъ тяжкаго недуга мучившаго его около трехъ лѣтъ. Большую часть этого времени ему пришлось пролежать. Онъ отклонилъ предложеніе его старцевъ — Пахомія и Іосифа — призвать врача, но попросилъ молитвъ о себѣ. Были отслужены Всенощная и Литургія о здравіи больного; его исповѣдали и причастили. Послѣдовало быстрое выздоровленіе (конецъ 1782 г. или начало 1783 г.). Лишь незадолго до своей кончины подвижникъ рассказалъ о тайнѣ своего исцѣленія: оно, которое было чудомъ, явленнымъ на немъ, какъ и въ первый разъ, Божіей Матерью. Пресвятая Дѣва явилась ему со словами *«этотъ — нашего рода»* (слова, обращенные къ ап. Іоанну Богослову, который сопровождалъ Ее вмѣстѣ съ ап. Петромъ въ чудесномъ посѣщеніи больного). Коснувшись рукою головы его, а жезломъ, бывшимъ у Нея въ рукѣ — бока — Она исцѣлила его.

Послѣ своего выздоровленія послушникъ

Прохоръ сталъ собирать на больничную монастырскую церковь, заложенную въ 1784 г. и обошелъ со сборомъ ближайшіе къ Саровской обители города. Впослѣдствіи преподобный причащался преимущественно въ больничной церкви гдѣ стоялъ, сработанный имъ въ благодарность за исцѣленіе, кипарисный престоль. На это исцѣленіе, такъ же какъ и на послѣдующее, послѣ того какъ онъ былъ изувѣченъ злодѣями, надо смотрѣть не только какъ на частное проявленіе всемогущества и благодати Божіей. Въ немъ невольно усматривается и символическое значеніе: вся жизнь человѣческая послѣ грѣхопаденія есть въ сущности больница, какой бы «здоровой» она ни казалась. Всюду подстерегаютъ человѣка злыя силы. И единственное средство исцѣлѣть — т. е. спасти себя отъ вѣчной гибели — всецѣло отдаться въ руки Бога «единого цѣлителя душъ и тѣлъ», какъ любилъ выражаться преподобный.

Нося еще мірское имя, Прохоръ былъ уже инокъ въ самомъ глубокомъ смыслѣ слова. Наконецъ, однако, наступила для него пора принять внѣшніе, видимые знаки «равноангельскаго чина». 13 августа 1786 г. Прохоръ былъ постриженъ въ иночество и нареченъ Серафимомъ.

«Серафимъ» — слово еврейское; въ единственномъ числѣ можно перевести его какъ «жгучій», «сжигающій», «пламенѣющій», «пламенный», «зажигающій»; а по толкованію т. наз. Діонисія Ареопагита — «согрѣвающій». Постриженіе совершилъ іеромонахъ Пахомій. Восприемными отцами его

были старцы Іосифъ и Исаія. Вновь постриженному подвижнику было въ это время 27 лѣтъ. По общему свидѣтельству онъ былъ необычайно мужественнаго тѣлосложенія, несмотря на воздержаніе и перенесенную болѣзнь. Лицо его отличалось особымъ, характернымъ для преп. Серафима благообразіемъ. Осенью или зимой того же года онъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Викторомъ, еп. Владимірскимъ, въ санъ іеродіакона.

Имя свое вновь рукоположенный оправдалъ полностью. Теперь наступили для него дни непрерывнаго молитвеннаго горѣнія и совершенно исключительнаго прилежанія и ревности о храмъ Божіемъ, изъ котораго онъ уходилъ только для краткаго ночнаго отдыха, сведеннаго къ тому же до совершенно непостижимой малости. Среди такихъ молитвенныхъ и богослужебныхъ трудовъ, преподобный удостоился новыхъ видѣній. Онъ видѣлъ ангеловъ сослужащихъ и поющихъ въ церкви и, наконецъ, глаза его раскрылись для лицезрѣнія самаго Господа Іисуса Христа, который явился ему въ образъ Сына Человѣческаго, шествующаго въ храмъ съ небесными силами и благословляющаго молящихся и служащихъ.

«Возсія въ тебѣ новой боговидецъ, Моисею подобный, Серафиме блаженне: непорочно бо служеніе алтарю Господню совершая, сподобился еси зрѣти Христа во храмъ со безплотными силами грядуща» (6).

Случилось это на литургіи въ Страстной Четвергъ. Ослѣпленный такимъ страшнымъ и

сладостнымъ видѣніемъ, преподобный долго не могъ говорить. Придя въ себя онъ разсказалъ объ этомъ своимъ старцамъ — Пахомію и Іосифу, умолчавъ передъ другими. Опасность гордости была устранена ихъ совѣтами — и преподобный съ этого дня еще болѣе преуспѣвалъ въ монашескомъ житіи въ самоуничиженіи и смиренномудрїи, которыя и были его «истинной мантией монашеской». Но и дѣйствительно, это видѣніе было еще не увѣнчаніемъ его подвига, а укрѣпленіемъ на дальнѣйшемъ трудномъ пути монашескаго крестоношенія — вплоть до кроваваго мученичества, чаша котораго не миновала великаго подвижника.

ГЛАВА III.

ПРЕП. СЕРАФИМЪ ВЪ ПЕРІОДЪ ПУ- СТЫННОЖИТЕЛЬСТВА И ПОДВИГА.

Въ 1793 г. 2 сентября преподобный прибылъ въ Тамбовъ, гдѣ, 34 съ лишнимъ лѣтъ, былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Таинство священства совершилъ надъ нимъ преосв. Теофиль Тамбовскій. Годъ продолжалось усердное служеніе въ этомъ санѣ съ ежедневнымъ причащеніемъ Св. Таинъ. Въ это время умеръ о. Пахомій. Послѣ этой смерти, произведшей на преподобнаго глубокое впечатлѣніе, аскетическая одаренность его встаетъ передъ нами во всей блескъ. Скоро начинается и пустынножительство, съ послѣдовавшимъ, затѣмъ, затворомъ.

Дремучій, вѣковой сосновый боръ окружавшій обитель въ которой «ангельски пожилъ» святой какъ-бы самъ звалъ его для того, чтобы дать возможность до конца уйти въ богомысліе, собрать свою личность для всецѣлой, ничѣмъ не прерываемой и не развлекаемой службы Богу, для непрерывнаго предстоянія ему въ дневной и

ночной молитвѣ — согласно Псалмопѣвцу: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и бури» (пс. 54,8). Жертва Богу однако есть неизбѣжно и жертва людямъ; пройдя послѣдовательно пустынножителство, невинное страданіе, столпничество (моленье на камнѣ), молчалиничество и затворъ — онъ выходитъ на служеніе людямъ во всеоружіи богатѣйшаго духовнаго опыта, святости и тайнозрительнаго ума, выходитъ для старчества, которымъ и завершается его земной путь.

Еще въ бытность послушникомъ и іеродіакономъ преподобный временами удалялся въ лѣсную чащу для сосредоточенной молитвы. Теперь же, получивъ благословеніе у новаго строителя Саровской обители іеромонаха Исаи, онъ окончательно удалился въ «пустыньку» и поселился въ ней.

Это была, такъ называемая, «дальняя пустынька» — небольшая келія-хижина въ лѣсной глуши въ верстахъ пяти отъ Саровской обители. Въ 1827 году ему была построена маленькая келія безъ оконъ, въ двухъ верстахъ отъ обители; называлась она «ближней пустынькой». Въ нее и ходилъ преподобный въ послѣдніе годы своей жизни. «Ближняя пустынька» находилась вблизи источника, называвшагося ранѣе «Богословскимъ», а потомъ «Серафимовымъ». Его очищаль, обкладываль камнями и приводилъ въ порядокъ самъ преподобный. Источникъ этотъ отмѣченъ многими чудесами.

«Проповѣдуетъ пустыня Саровская подвиги и труды твоя, Богоносне угодниче Христовъ: дебри бо и лѣса молитвою облагоухаль еси, пророку Божію Іліи и Крестителю Господню Іоанну подражая, явился еси пустыни прозябеніе многоплодное дарами Духа Святаго. Его же дѣйствиємъ многая и славная совершилъ еси»... (7).

Отдавая почти все время молитвѣ, остававшееся онъ посвящалъ труду въ расположенномъ около «пустыньки» небольшомъ огородѣ, что давало ему возможность питаться исключительно отъ трудовъ рукъ своихъ, правда, въ величайшей скудости. Впослѣдствіи онъ однако пересталъ питаться и овощами, поддерживая свое существованіе одною травой — «снитью»(7). Многие дни (въ томъ числѣ каждую среду и пятницу) онъ вовсе оставался безъ пищи.

Совсѣмъ переставши брать хлѣбъ изъ обители, онъ жилъ безъ всякой отъ нея помощи болѣе двухъ лѣтъ съ половиной. Братія удивлялась, недоумѣвая — чѣмъ могъ питаться старецъ все это время, не только лѣтомъ, но и зимою. Онъ же тщательно скрывалъ свои подвиги отъ взоровъ людей. Но передъ смертію, въ разговорѣ 20 мая 1832 года съ одною довѣренною особой, которая тогда же и записала свою бесѣду, преп. Серафимъ открылъ это, начавши такъ: «Ты знаешь снитку? Я рвалъ ее, да въ горшочекъ клалъ; немного вольешь, бывало, въ него водицы — славное выходитъ кушанье» (8).

Молитвенный подвигъ, бывшій главнымъ

содержаніемъ его отшельничества, имѣлъ въ своемъ основаніи длинное и трудное правило св. Пахомія Великаго. Къ нему присоединялось чтеніе св. Писанія, а также, какъ и раньше, святоотеческой, аскетической и житійной литературы. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность его пустынножительства: различныя мѣста лѣсной чащи, окружавшей его келію, были названы и освящены именами городовъ и мѣстъ святой земли (были святой градъ Іерусалимъ, Назареть, Виелеемъ, Өаворъ, Голгоѳа, рѣка Іорданъ и друг.). Молясь на этихъ мѣстахъ, онъ вспоминалъ соотвѣтствующія событія изъ исторіи нашего Спасенія. И, далекая по разстоянію святая земля дѣлалась близкой по духу, какъ бы освящая своимъ внѣпространственнымъ, внѣвременнымъ, вѣчнымъ бытіемъ чашу дремучаго сѣвернаго лѣса. Для Русской земли и для Русскаго народа это духовное перенесеніе Святой земли, совершенное блаженнымъ молитвенникомъ должно имѣть и, вѣримъ, имѣетъ глубокое таинственное значеніе.

Велико было совершенство, достигнутое преподобнымъ въ это время. Живя на землѣ, среди лѣсовъ и дебрей, въ наше грѣшное время, онъ превращалъ пустыню «въ рай сладости»... Благодатные токи исходившей отъ него святости осѣняли не людей только, но и звѣрей. Многочисленные свидѣтельства изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ всѣ говорятъ за то, что отношеніе преподобнаго къ звѣрямъ было совершенно особымъ, выходящимъ за предѣлы какъ дикой

свирѣпой войны, такъ и рабскаго прирученія. Совершалось какое-то частичное и временное возвращеніе въ райское состояніе. Звѣри, оставаясь дикими, никѣмъ и ничѣмъ, какъ будто въ своей свободѣ неограничиваемые, тѣмъ не менѣе «добровольно» приходили къ хижинѣ подвижника, чтобы получить отъ него корку хлѣба. Медвѣди, зайцы, волки, лисицы и прочее звѣрье — прибѣгало и приползало къ кельѣ святого, окружало преподобнаго. Но не капканъ и не оружіе, не страданіе и смерть — хлѣбъ и ласку получали они отъ него. Старица Дивѣевской обители матрона Плещеева сама видѣла, какъ преподобный Серафимъ изъ своихъ рукъ кормилъ пришедшаго къ нему медвѣдя. Она свидѣтельствуешь:

«Особенно чуднымъ показалось мнѣ тогда лицо великаго старца: оно было радостно и свѣтло, какъ у ангела» (9).

«Радуйся, звѣри дивіи (дикіе) кротостью твоею покоривый» (10).

Труденъ путь пустынножительства, тяжекъ этотъ подвигъ. Невѣрно думаютъ тѣ, которые издали считаютъ его легкимъ, а то и празднымъ времяпрепровожденіемъ, мечтательствомъ на досугѣ. Пустынножительство, какъ и вообще христіанскій подвигъ не идиллія, а трагедія.

И преподобному Серафиму пришлось испытать это на себѣ въ полной мѣрѣ—прежде всего въ видѣ

противоборства злыхъ силъ, которыя до безконечности разнообразяють свой видъ въ зависимости отъ времени и мѣста — стараясь, гдѣ только возможно, мѣшать росту добра. Мѣшали онѣ какъ только могли и подвигу преп. Серафима.

* * *

Ночной страхъ, жуть одиночества среди безлюдной лѣсной тущобы въ длинныя осеннія и зимнія ночи, жестоко терзали преподобнаго. Самымъ тяжелымъ испытаніемъ праведниковъ является чувство богооставленности. Его пережилъ въ полной мѣрѣ Подвигоположникъ на крестѣ — и побѣдилъ. Переживали и побѣждали это ужасное испытаніе и великіе подвижники. Совершенство и святость — тяжелый крестъ, иногда тягчайшій. Томилъ онѣ и плечи саровскаго подвижника все болѣе по мѣрѣ того, какъ совершенствовался онѣ въ своемъ пустынномъ подвигѣ... Не много извѣстно намъ о тайнѣ его страданія въ этотъ періодъ, но изъ того, что онѣ сказалъ, есть болѣе чѣмъ достаточно основанія заключить объ ихъ характерѣ. На вопросъ, заданный ему впослѣдствіи, незадолго до кончины: — видѣлъ-ли онѣ бѣсовъ? — послѣдовалъ отвѣтъ: «Они гнусны...»

Очевидно, что истончившаяся духовная его природа, видѣла много такого, что скрыто отъ грубаго и близорукаго взора человѣческой обы-

денщины, не только привыкшей къ смраду бѣсовщины, но и находящей въ немъ (до поры) «удовольствіе».

Не однимъ только лютымъ ужасомъ безконечныхъ зимнихъ ночей среди непроходимыхъ дебрей лѣсной трущобы терзался преподобный. Демонскія силы обрушивались на него со всею яростію вплоть до тѣлесныхъ ранъ и поврежденій. Но было и худшее — непрестанная борьба «брань», съ хульными помыслами... Изнемогая отъ наважденій, подвижникъ день и ночь зывалъ ко Христу Спасителю и къ Божьей Матери. Та же внутренняя брань съ хульными помыслами подвигла его на тысяченощное моленіе на камнѣ.

Горькую чашу искушенія и страданій пришлось выпить ему до дна. Злые люди, въ тупой и безумной корысти, вздумали искать какихъ-то сокровищъ у нищаго праведника, единственнымъ богатствомъ котораго были непрестанная молитва да крѣпкое упованіе на Бога. Многимъ приходится страдать отъ насилія преступниковъ. На этомъ мѣрѣ стоитъ. Но какъ часто эти страданія бываютъ лишь обратной стороной богатства и прочихъ житейскихъ «благъ»... Какъ часто вина лежитъ и на самомъ пострадавшемъ, лишь испуающемъ да и то далеко не въ достаточной мѣрѣ, грѣхи «богатства неправеднаго».

Совсѣмъ иное дѣло — страданіе преп. Серафима отъ рукъ разбойниковъ-истязателей. Здѣсь онъ былъ только жертвой. Наконецъ — и это самое главное — онъ понесъ мученичество соблю-

дая заповѣдь Христову: «говорю вамъ: не противя злomu» (Мате. 5, 39) — и памятуя другое слово Спасителя: «Всѣ взявшіе мечъ мечомъ погибнуть» (Мате. 26, 52).

Подвижникъ былъ занятъ работою въ лѣсу, недалеко отъ своей «пустыньки» когда подошли злодѣи и стали требовать денегъ. Всѣ возможности самообороны были въ его рукахъ: большая физическая сила, топоръ въ рукахъ — этого было болѣе чѣмъ достаточно, такъ какъ нападавшихъ было всего двое. Въ отвѣтъ на требованіе денегъ и угрозы, онъ опустил топоръ на землю, сложилъ крестообразно руки на груди и покорно отдался на ихъ волю. Далѣе послѣдовала расправа надъ безоружнымъ пустыннокомъ. Его стали бить по головѣ обухомъ его же собственнаго топора. Кровь полилась у него изо рта и изъ ушей. Онъ упалъ на землю. Послѣ этого его принялись избивать полѣномъ, топтать нсгами; таща по землѣ и продолжая бить приволокли къ кельѣ, и тамъ уже потерявшаго сознаніе связали по рукамъ и ногамъ. Все было разломано, разбито, перерыто въ убогомъ жилище пустытника. Но въ немъ они нашли лишь немного картофелю. А единственнымъ сокровищемъ преподобнаго была икона. Совершивъ злое дѣло, разбойники удалились оставивъ подвижника избитымъ, израненнымъ истекающимъ кровью и связаннымъ. Нападеніе произошло 12 сентября 1804 г. на 46-мъ году жизни преподобнаго.

Это обстоятельство лишь на время прер-

вало его пустынножительство. Послѣ недѣли жесточайшихъ страданій, понесенныхъ имъ отъ поврежденій признанныхъ врачами смертельными, послѣ недѣли мучительной бессонницы, опять какъ и въ дни его послушничества, удостоился онъ видѣнія Божіей Матери, пришедшей къ нему въ сопровожденіи ап. Порта и Іоанна съ тѣми же словами: *этотъ — нашего рода*. Быстрое выздоровленіе, при отсутствіи медицинской помощи (святой отказался принять ее отъ приглашенныхъ врачей) снова обличило истинную, подлинную реальность этого посѣщенія. Хотя съ этого дня онъ опять началъ по мѣрѣ силъ предаваться своимъ аскетическимъ подвигамъ, но лишь черезъ пять мѣсяцевъ жизнь подвижника вошла въ свою обычную колею. — когда онъ вновь удалился въ свою пустыньку.

Знакомъ жестокой борьбы со зломъ, изъ которой онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, стала его согбенность отъ понесенныхъ поврежденій: получивъ ихъ онъ уже навсегда сталъ ходить согнувшись и постоянно опираясь на палку и свой рабочій топоръ, либо мотыку. Страдальческая согбенность «убогаго Серафима» (такъ называлъ онъ себя) какъ бы видимо символизировала его смиреніе; послѣднее сказалось не только въ мужественномъ и кроткомъ перенесеній «злостраданій» отъ насильниковъ, но и въ прощеніи ихъ, въ молитвѣ за нихъ (придя въ себя послѣ избіенія онъ первымъ долгомъ помолился за своихъ обидчиковъ) — въ духѣ словъ Христовыхъ: «молитесь за обижающихъ васъ»

(Мѣ. V, 44). Мало того — онъ горячо заступился за злодѣевъ, послѣ того какъ спустя нѣкоторое время они были случайно обнаружены (10). Здѣсь преподобный не остановился даже передъ угрозою, лишь бы только предотвратить нависшую надъ его обидчиками кару: онъ рѣшительно заявилъ, что уйдетъ вовсе изъ обители и вообще покинетъ край, если что-нибудь съ ними сдѣлаютъ.

Этою «жизнью во Христвѣ», этимъ «облеченіемъ во Христа» кажется была достигнута высшая мыслимая для человѣка ступень совершенства: во всѣхъ смыслахъ: цѣломудріе, бдѣніе (т. е. непрерывная память о Богѣ), постъ, непрестанная молитва, кротость, смиреніе, послушаніе, совершенное, незлобіе — наконецъ и видимое, наружное возложеніе и ношеніе «язвъ Господа Іисуса Христа на тѣлѣ» — по слову апостола.

Но для совершенства нѣтъ предѣловъ и изощренный. въ опытѣ духовности, какъ молнія озаряющій въ глубинѣ своей и чужой души взоръ подвижника видѣлъ ступени, по которымъ еще надлежало ему восходить.

Начинается столпническій періодъ его житія. Днемъ на одномъ камнѣ — ближе къ «пустынькѣ», а ночью на другомъ — въ самой гущѣ лѣса посрединѣ пути между «пустынькой» и обителью, почти безъ перерыва стоитъ онъ съ поднятыми къ небу руками.

Днемъ и ночью гудитъ вѣковой боръ древняго Сараклыча. Вслушаемся благоговѣйно въ этотъ шумъ могучихъ сосенъ и, въ вѣковѣчномъ гулѣ

стенаніи, наше сердце уловить молитву мытаря, которую взывалъ преподобный: «Боже, милостивъбуде мнѣ грѣшнику».

Вѣримъ, знаемъ и исповѣдуемъ, что подлинно міровое дѣло совершалось въ глуши саровскихъ лѣсныхъ дебрей. Черезъ великаго подвижника и въ его по новому повторяемой евангельской молитвѣ, оскверняемая беззаконіями земля со всѣми тварями ея взывала къ Богу: «Возьми отъ меня бремя тяжкое, грѣховное» (11).

«Странное чудо видимъ на тебѣ, преподобне: яко старецъ сый немощный и претрудный, тысящу днй и тысящу нощій на камени въ молитвѣ пребывалъ еси. Кто доволенъ изрѣщи болѣзни и боренія твоя, блаженне отче, еже претерпѣлъ еси, воздѣвая преподобне руцѣ твои къ Богу, врага мысленнаго побѣждая» (12).

Въ 1807 году умеръ Саровскій «строитель» о. Исаія. Вслѣдствіе рѣшительнаго отказа преп. Серафима принять начальство надъ обителью, его взялъ на себя о. Нифонтъ. Игумень этотъ, пріятель темнаго лжемистика и прелестника, печальной памяти архимандрита Фотія, — не любилъ саровскаго подвижника, завидовалъ ему и утѣснялъ его самымъ недостойнымъ образомъ въ этотъ послѣдній періодъ жизни, періодъ затвора и старчества. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые считали старчество «опаснымъ новшествомъ». Но всего печальнѣе были гоненія, которымъ подвергался святой отъ братіи монастыря. Преподобнаго донимали чѣмъ только могли; однажды, напр., разобрали у него и испор-

тили яечь. Поистинѣ, какъ говорить св. ап. Павелъ: «бѣды во лжебратіи» (II Кор. 11,26).

Онъ пересталъ выходить къ посѣтителямъ своей пустыньки. Если встрѣчалъ кого-нибудь въ лѣсу — падалъ лицомъ на землю и находился въ такомъ положеніи, пока встрѣченный не удалялся. Такъ какъ къ концу этого подвига онъ вслѣдствіе болѣзни ногъ не въ состояніи былъ самъ приносить себѣ изъ обители пищу, то ему приносилъ ее кто-нибудь изъ братіи. Но ни слова не говорилъ онъ брату приносившему изъ обители скудное питаніе (хлѣбъ или капусту). Даже не благословлялъ пришедшаго, про себя произнеся «аминь» когда послѣдній давалъ о себѣ знать произнесеніемъ молитвы Іисусовой.

Молчаніе, какъ дознано всѣми углубленно мыслящими и чувствующими — есть вообще одно изъ самыхъ мощныхъ средствъ устрое нія души и усовершенствованія ея жизни. Христіанство окончательно осмысливаетъ его, придавая обрѣтеннымъ его помощью дарамъ полновѣсную положительную и абсолютную цѣнность. Постигнувъ во всей глубинѣ значеніе этого аскетическаго средства, воспринявъ послѣднее изъ наставленій древнихъ подвижниковъ преподобный выразилъ свой опытъ въ немногихъ, но ясныхъ, богатыхъ и углубленно мудрыхъ словахъ, въ которыхъ онъ исчерпалъ всю философію молчанія». Подведя подъ нее, на основаніи данныхъ собственнаго опыта, прочный богословскій и психологическій фундаментъ, онъ завѣщалъ этотъ опытъ всякому желающему

взять на себя иго Христова. Въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены слова преподобнаго.

Молчальничество продолжалось и въ затворѣ — послѣднемъ подвигѣ святого. Затворъ начался 9 мая 1810 года по возвращеніи его въ обитель. Оно послѣдовало послѣ двукратнаго приглашенія братіи и имѣло своей ближайшей причиной болѣзнь ногъ преподобнаго, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе ходить въ обитель причащаться (болѣя ногами и раньше, онъ все же могъ ходить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ обитель для причащенія. Теперь же и это ему было не по силамъ).

Впочемъ, въ этомъ полунасильственномъ прекращеніи пустынножительства преп. Серафима — естественнѣе всего усмотрѣть темное дѣяніе омраченнаго завистью игумена Нифонта и его недостойной братіи.

Возвратился онъ 8 мая 1810 года, посѣтилъ больницу, выстоялъ Всенощную въ Успенскомъ Соборѣ и раннюю Литургію на слѣдующій день. Отстоявъ ее и взявъ благословеніе у «строителя» о. Нифонта, преподобный затворился въ келіи, находившейся въ братскомъ корпусѣ. Въ это время ему шель 51-й годъ.

Затворъ былъ очень суровымъ. Лишь изрѣдка и случайно видѣлъ его кое-кто изъ братіи. Уединеніе своего онъ не нарушилъ даже при посѣщеніи въ 1815 г. Саровской обители епископомъ Іоной — не вышелъ къ нему. Образъ жизни былъ также до крайности суровъ. Огонь горѣлъ только въ лампадкѣ — передъ единственной иконой,

находившейся съ его келіи — иконою Божіей Матери «Умиленіе» (святой называлъ ее — «Радость всѣхъ радостей»). Келія не отапливалась никогда, несмотря на то, что святой носилъ во всякое время года одну и ту же одежду съ холщевымъ легкимъ балахономъ наверху, съ уже извѣстнымъ намъ мѣднымъ Распятіемъ, материнскимъ благословеніемъ, а на голову надѣвалъ родъ камилавки — крашенинную черную шапочку. Только причащаясь возлагалъ онъ на себя знаки своего сана — эпитрахиль, поручи и мантию. Постели въ келіи не было и спалъ онъ на мѣшкахъ съ камнемъ. Впрочемъ, вообще, ложился онъ рѣдко, а дремалъ обыкновенно сидя или на колѣняхъ ничкомъ и то недолго.

«Противу сна — свидѣтельствуеть «Лѣтопись» — о. Серафимъ подвизался очень строго. Извѣстно стало въ послѣдніе годы, что онъ предавался ночному покою иногда въ сѣняхъ, иногда въ келіи. Спалъ же онъ, сидя на полу, спиною прислонившись къ стѣнѣ и протянувши ноги. Въ другой разъ онъ преклонялъ голову на камень или на деревянный обрубокъ. Иногда же повергался на мѣшкахъ, кирпичахъ и полѣняхъ, бывшихъ въ его келіи. Приближаясь же къ минутѣ своего отшествія, онъ началъ опочивать такимъ образомъ: становился на колѣни и спалъ ницъ къ полу, поддерживая руками голову» (13).

Надлежитъ вспомнить здѣсь, что подобнымъ образомъ боролся съ искушеніями сна великій

подвижникъ православнаго любомудрія и большой почитатель Саровскаго Угодника — Николай Федоровичъ Федоровъ.

Молитвенный подвигъ состоялъ въ слѣдующемъ. Ежедневное совершалось безъ всякихъ сокращеній и упущеній огромное правила св. Пахомія Великаго. Затѣмъ въ понедѣльникъ прочитывалось цѣликомъ Евангеліе отъ Маттея, во вторникъ — отъ Марка, въ среду — отъ Луки, въ четвергъ — отъ Іоанна. Въ пятницу преподобный совершалъ службу Кресту Господню, а въ субботу — службу всѣмъ святымъ. Къ этому присоединялъ ежедневно по 1000 поклоновъ. Во всѣ Воскресенья и праздники подвижникъ причащался св. Таинъ, приносимыхъ ему отъ ранней Литургіи. (Онъ вообще совѣтовалъ никому не пропускать годовыхъ праздниковъ не причастившись).

Въ число аскетическихъ упражненій затворника въ это время входило и ношеніе на плечахъ тяжелаго желѣзнаго креста. Что касается веригъ въ собственномъ смыслѣ слова и власяницы, то онъ считалъ, что безропотное и кроткое перенесеніе обидъ «и вериги наши... и власяница». Такое отношеніе къ названнымъ орудіямъ аскетическаго изнуренія плоти вытекало лишь изъ чувства глубокаго смиренія и сознанія своего недостойнства: онъ считалъ, что вериги такихъ подвижниковъ какъ напр. Феодосій Печерскій, Феодосій Тотемскій, Василій Блаженный и др. были заключительнымъ по качеству моментомъ ихъ подвига, его такъ сказать увѣнчаніемъ,

предварить которое нужно подвигами смиренія, перенесенія обидъ и постомъ.

Сентябрь 1815 г. ознаменовался ослабленіемъ затвора. Онъ благословилъ пришедшихъ къ его келіи супруговъ Безобразовыхъ — келейную дверь открылъ. Въ это время посѣщать и видѣть его могли всѣ желающіе. Но молчаливость все еще продолжалось. Вскорѣ однако онъ сталъ вступать въ душеполезныя и наставительныя бесѣды съ приходившими къ нему за совѣтами и поученіями членами братіи. Все болѣе и болѣе увеличивалось число иноковъ и мірянъ жаждавшихъ его благословенія и поученій. Слишкомъ ужъ явнымъ и яркимъ свѣтомъ сіяла его святость, чтобы она могла укрыться отъ взоровъ даже непосвященныхъ и грѣшныхъ людей.

ГЛАВА IV.

СТАРЧЕСТВО И ОТШЕСТВИЕ.

По особому повелѣнію вновь явившейся ему въ сопровожденіи свв.Петра Александрійскаго и Климента Римскаго Божіей Матери преп.Серафимъ окончательно прикратилъ свой затворъ и сталъ принимать всѣхъ приходящихъ къ нему за помощью, наставленіями и совѣтами. Этимъ онъ вступилъ на путь старчества, т.е. дѣятельнаго служенія на духовную пользу ближнимъ, что произошло 25 ноября 1825 г. Затворъ продолжался такимъ образомъ 15 лѣтъ. Старчествомъ и закончилась земная жизнь подвижника.

Теперь ясными дѣлаются смыслъ и цѣль этой святой жизни: достигнувъ непрестанными аскетическими трудами и суровой борьбой со зломъ исключительной близости къ Богу, «сокрушивъ главы невидимыхъ змievъ», созрѣвъ для Царствія Божьяго и Небеснаго, онъ въ то же время сталъ близокъ по новому и къ людямъ. Получивъ власть надъ міромъ духовнымъ, получилъ онъ ее и надъ міромъ матеріальнымъ. Вмѣстѣ съ наставленіями и утѣшеніями полился обиль-

ный токъ чудесныхъ исцѣленій и удивительныхъ предсказаній и прозрѣній.

Первымъ былъ исцѣленъ М. В. Мантуровъ (въ 1823 г.) еще за два года до полнаго открытія затвора. Болѣзнь была настолько сложная и безнадежная, что врачи отказались отъ него. Знаменуя болящаго елеемъ, святой сказалъ: «По данной мнѣ отъ Господа благодати, я перваго тебя врачую».

Тутъ же выздоровѣвъ, Мантуровъ съ восторгомъ бросился къ ногамъ подвижника. Святой его поднялъ и сказалъ ему строго слѣдующее: «Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить, низводить во адъ и возводить? Что ты, батюшка! Это — дѣло единаго Господа, который творить волю боящихся Его и молитву ихъ слушаетъ. Господу Всемогущему да Его Пречистой Матери даждь благодареніе».

Это исцѣленіе имѣло рѣшающее значеніе въ судьбѣ М. В. Мантурова. Исполняя послушаніе, возложенное на него преподобнымъ, онъ принялъ добровольную нищету, отдавъ все свое состояніе на храмостроеніе. Сестра его, Елена Васильевна, впослѣдствіи стала замѣчательной подвижницей и прославилась своей кончиной по послушанію. Вообще вся семья Мантуровыхъ какъ-бы вошла въ небесную область благодатнаго старца, въ послушаніи ему найдя новую вѣчную и блаженную жизнь.

Многія тысячи народа изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ и состояній посѣщало теперь старца, который разсыпалъ имъ безъ конца

сокровища подвигомъ добытаго небеснаго клада. Надо здѣсь отмѣтить еще одну особенность его старчества (и всякаго другого подлиннаго старчества); особенность, которая тоже пропастью отдѣляетъ его отъ свѣтскаго учительства. Всякій приходящій видѣлъ и чувствовалъ въ немъ не общее мѣсто святости, не благочестивую пропись (для этого достаточна и книги), а особое къ нему только обращенное и для него только существующее живое лицо. Старчество и состоитъ вѣдь въ полнотѣ духовнаго участія и въ поспраніи, преодолѣніи всякой прописи, всякой схемы, всякой самости — которая и приводитъ къ безжизненной схемѣ. Идеальнымъ старцемъ всѣхъ старцевъ является Самъ Господь Іисусъ — какъ Прообразъ, входящій въ каждую личность. Ибо вѣдь по образу Христову она создана и, принимая Его, возрастаетъ «въ мѣру возраста Христова». Слова апостола Павла «ужь не я живу, а живетъ во мнѣ Христось» означаютъ не подавленіе личности, а наоборотъ — ея высочайшій цвѣтъ, устаненіе общихъ мѣсть, участіе въ одной изъ живыхъ граней Абсолютной Личности. Христось-Старець есть Христось Творецъ. И образъ Его отношенія къ человѣку можно усмотрѣть въ насыщеніи немногими хлѣбами — тысячь, и, особенно, въ таинствѣ Евхаристіи.

Преподобнаго Серафима знаютъ кроткимъ, радостнымъ, вдумчиво задушевымъ, всегда христосующимся, всѣмъ гсворящимъ «радость моя», знаютъ его, какъ подающаго мудрые совѣты прозорливца и милостиваго чудотворца, напоив-

шаго своей благодатной силой названный его именемъ источникъ. Это именованіе «радостью» и «сокровищемъ» — не есть только выраженіе общей радости просвѣтленнаго подвигомъ духа: — для преп. Серафима въ этотъ періодъ его жизни открывался образъ Божій въ каждомъ человѣкѣ, и этотъ образъ былъ для него дѣйствительной подлинной «радостью о Господѣ». Такова настоящая христіанская любовь. «Лѣтопись» говоритъ: «Всего болѣе усладительна была его бесѣда. Умъ у о. Серафима былъ свѣтлый, память твердая, взглядъ истинно христіанскій, сердце для всѣхъ доступное, воля непреклонная, даръ слова живой и обильный. Рѣчь его была столь дѣйствена, что слушатели получали отъ нея душевную пользу. Бесѣда его была исполнена духомъ смиренія, согрѣвала сердце, снимала съ очей какъ бы нѣкоторую завѣсу, озаряла умъ собесѣдниковъ свѣтомъ духовнаго разумѣнія, приводила и въ чувство раскаянія и возбуждала рѣшительную переменъ къ лучшему, невольно покоряя себѣ сердце и волю другихъ, разливала въ нихъ миръ и тишину» (14). Къ этому періоду и относится нетлѣнное, безсмертное реченіе преподобнаго старца, сказанное имъ одному благочестивому посѣтителю: «Радость моя! стяжи себѣ мирный духъ, и тысячи вокругъ тебя спасутся».

Еще ярче выступаетъ на страницахъ «Лѣтописи» образъ великаго старца въ особенностяхъ его смиренія и любви: «Особеннымъ свойствомъ его обхожденія и бесѣды была любовь и смиренномудріе. Кто-бы ни приходилъ къ нему, бѣднякъ

ли въ рублищѣ, или богачъ въ свѣтлой одеждѣ, съ какими бы то ни приходилъ нуждами, въ какомъ бы грѣховномъ состояніи ни находилась его совѣсть, онъ всѣхъ лобзаль съ любовью, всѣмъ кланялся до земли и, благословляя, самъ цѣловаль руки, даже у непосвященныхъ людей» (15).

Но всего замѣчательнѣе былъ взглядъ преподобнаго на радостное настроеніе. Въ «Лѣтописи» имѣются о томъ свидѣтельства Ксеніи Васильевны, послушницы Елены Васильевны Мантуровой: «Веселость, не грѣхъ, матушка, она отгоняетъ усталость, а отъ усталости, вѣдь, уныніе бываетъ, и хуже его — нѣтъ. Оно все приводитъ съ собою. Вотъ и я, какъ поступилъ въ монастырь-то, матушка, на клиросѣ тоже бываль, и такой веселый-то былъ, радость моя, бываль какъ ни приду на клиросъ-то, братья устануть, ну и уныніе нападетъ на нихъ, и поють-то уже не такъ, а иные и вовсе не придуть. Всѣ соберутся, а я и веселю ихъ, они и усталости не чувствуютъ; вѣдь дурное что говорить-ли, дѣлать-ли — нехорошо, и въ храмѣ Божиѣмъ не подобаеть, а сказать слово ласковое, привѣтливое, да веселое, чтобы у всѣхъ передъ лицомъ Господа духъ всегда весель, а не уныль былъ — вовсе не грѣшно, матушка»... (16).

Но рѣдко воспоминають, а еще рѣже задумываются надъ тѣмъ, какимъ тяжкимъ крестнымъ путемъ достигъ святой этого «убѣленія паче снѣга». Цѣлая долгая жизнь превышающихъ всякія силы человѣческія подвиговъ — но зато и стяжаніе сокровища выше всѣхъ земныхъ

мѣрокъ — отмѣрилось ему «мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною» (Лк, VI, 38) — благодати Духа Святого. Святое и божественное происхождение чуднаго дара было удостовѣрено 25 марта 1832 г. послѣднимъ и славнымъ явленіемъ Божіей Матери *на яву въ присутствіи благочестивой свидѣтельницы этого страшнаго и неслыханнаго событія.*

Разсказъ объ этомъ событіи старицы Дивневскаго монастыря Евпраксіи (умершей въ 1865 г.) таковъ:

— Батюшка за два дня приказаль мнѣ придти къ этому дню. Когда я пришла, батюшка объявилъ: «намъ будетъ видѣніе Божіей Матери» и, наклонивъ меня ницъ прикрыль своею мантиею и читаль надо мною по книгѣ. Потомъ, поднявъ меня, сказалъ: «ну, теперь держись за меня и ничего не убойся». Въ это время сдѣлался шумъ, подобно шуму лѣса отъ большого вѣтра. Когда онъ утихъ слышалось пѣніе, подобное церковному. Потомъ дверь въ келію сама собою отворилась, сдѣлалось свѣтло — бѣлѣе дня, и благоуханіе наполнило келію, похожее, но лучше роснаго ладана. Батюшка стоялъ на колѣняхъ, воздѣвъ руки къ небу. Я испугалась. Батюшка всталъ и сказалъ: «не убойся, чадо: это не бѣда, а ниспосылается какъ отъ Бога милость. Вотъ Преславная, Пречистая Владычица наша, Пресвятая Богородица, грядетъ къ намъ!». Впереди шли два ангела, держа — одинъ въ правой рукѣ, а другой въ лѣвой рукѣ — по вѣтви, усаженной только что расцвѣтшими цвѣ-

тами. Волосы ихъ подобились золотисто-желтому льну и лежали распущенные на плечахъ. Они стали впереди. За ними шелъ: св. Іоаннъ Предтеча и св. Іоаннъ Богословъ. Одежда на нихъ была бѣлая, блестящая отъ чистоты. За ними шла Богоматерь, а за нею двѣнадцать дѣвъ. Царица Небесная имѣла на себѣ мантию, подобно той, какая пишется на образѣ Скорбящей Божіей Матери, блестящую, но какого цвѣта — сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую подъ шею большою круглою пряжкой убранною крестами, разнообразно изукрашенными, но чѣмъ — не знаю, а помню только, что она сіяла необыкновеннымъ свѣтомъ. Платье, сверхъ коего была мантия, было зеленое, препоясанное высоко поясомъ. Сверхъ мантии былъ какъ бы *епитрахиль*, а на рукахъ *поручи*, которыя, равно какъ и епитрахиль убраны были крестами. Ростомъ Она казалась выше всѣхъ дѣвъ. На головѣ Ея была возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сіявшая такимъ свѣтомъ, что нельзя было смотрѣть глазами, равно какъ на пряжку, застежку и на самое лицо Царицы Небесной. Власы ея были распущены по плечамъ и были длинные и прекраснѣе ангельскихъ. Дѣвы шли за Нею попарно, въ вѣнцахъ, въ одеждахъ разнаго цвѣта, были разнаго роста, разныхъ лицъ и разнаго цвѣта волосъ, лежащихъ также по плечамъ, всѣ великой красоты, но однѣ другихъ были лучше и стали кругомъ всѣхъ насъ. Царица Небесная была въ срединѣ.

Келья сдѣлалась просторная и верхъ весь исполнился огней, какъ бы горящихъ свѣчь. Свѣтлѣе было полдней; свѣтъ былъ особый, непохожій на дневной свѣтъ, было свѣтлѣе и бѣлѣе солнечнаго свѣта. Я испугалась и упала, Царица Небесная подошла ко мнѣ и, коснувшись правою рукою, изволила сказать: «встань, дѣвица, и не убойся Насъ. Такія же дѣвы, какъ ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, какъ встала. Царица Небесная зволила повторить «не убойся, Мы пришли посѣтить васъ». О. Серафимъ стоялъ, уже не на колѣняхъ а на ногахъ предъ Пресвятою Богородицею и Она говорила съ нимъ столь милостиво, какъ бы съ роднымъ человѣкомъ. Объятая великою радостію, спросила я о. Серафима, гдѣ мы. Я думала, что я уже не живая; потомъ, когда спросила его: кто это? то Пресвятая Богородица приказала мнѣ подойти къ дѣвамъ и самой спросить ихъ. Онѣ стояли постепенно по сторонамъ, какъ шли: въ первыхъ мѣстахъ стояли великомученица *Варвара* и *Екатерина*, во-вторыхъ св. первомученица *Фекла* и св. великомученица *Марина*, въ-третьихъ св. великомученица и царица *Ирина* и преподобная *Евпраксія*, въ четвертыхъ св. великомученицы *Пелагея* и *Доротея*, въ пятыхъ преподобная *Макрина* и мученица *Іустина*, въ шестыхъ св. великомученица *Іуліанія* и мученица *Анисія*. Я подходила къ каждой изъ нихъ, каждая мнѣ сказала свое имя и подвиги мученичества и жизнь Христа ради, сходно съ тѣмъ, какъ написано о нихъ въ Четіихъ-Минеяхъ; всѣ го-

ворили: не такъ Богъ дароваль намъ эту славу, а за страданія, за поношенія. И ты пострадаешь». Видѣніе кончилось тѣмъ, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «скоро, любимче мой, будешь съ нами». Простились съ нимъ и всѣ святые: св. Іоаннъ Предтеча и Іоаннъ Богословъ благословили его; а дѣвы цѣловались съ нимъ рука въ руку. Мнѣ сказано было: это видѣніе тебѣ дано ради молитвъ о. Серафима, Марка, Назарія и Пахомія. И потомъ въ одно мгновеніе стало все не видимо. Видѣніе продолжалось не одинъ часъ» (17).

Это событіе нельзя назвать видѣніемъ въ томъ особомъ спеціальному и суженномъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяють съ понятіемъ «видѣніе», когда подъ послѣднимъ подразумѣваютъ проникновеніе запредѣльнаго міра душу удостоившагося, усмотрѣнія этого міра внутреннимъ зрѣніемъ. То что произошло въ Саровской обители 25 марта 1832 г. можетъ быть названо принявшимъ пространственно-матеріальныя и временныя формы приходомъ Царствія Небеснаго и Божьяго на землю. Удаливъ отъ земли послѣ грѣхопаденія Свой испепеляющій Ликъ, Господь не переставаль посѣщать ее. Какъ Ветхій такъ и Новый Заветы полны этихъ посѣщеній силъ Божіихъ, осуществлявшихся въ «обществѣ Господнемъ» т. е. въ Церкви.

Нельзя ни на одно мгновеніе забывать, что Христось пришелъ исцѣлить «растлѣвшее грѣхомъ естество наше» во всей его полнотѣ — съ душою, духомъ и плотью, что безъ «святой пло-

ти» нѣтъ христіанства, ибо таинство Евхаристіи есть его душа.

Въ «Лѣтописи» повѣтствуетъ о. Василій Садовскій о такомъ случаѣ.

«Однажды пошелъ я къ батюшкѣ Серафиму въ Саровскую пустынь и нашель его въ кельѣ безъ посѣтителей. Принялъ онъ меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, началъ бесѣду о богоугодномъ житіи святыхъ какъ они отъ Господа сподобились дарованій, чудныхъ явленій, даже посѣщеній Самой Царицы Небесной. И довольно побесѣдовавши такимъ образомъ, онъ спросилъ меня: «Есть ли у тебя, батюшка, платочекъ?». Я отвѣтилъ, что есть. «Дай его мнѣ!» — сказалъ батюшка. Я подаль Онъ его разложилъ, сталъ класть изъ какой-то посуды пригоршнями сухарики въ платокъ, они были столь необыкновенно бѣлы, что я сроду такихъ не видывалъ. «Вотъ, у меня, батюшка, была Царица, такъ вотъ это послѣ гостей-то и осталось!» — изволилъ сказать батюшка. Личико его до того сдѣлалось божественно при этомъ и весело, что и выразить невозможно! Онъ наклалъ полный платочекъ и, самъ завязавъ его крѣпко-на-крѣпко, сказалъ: «Ну гряди, батюшка, а придешь домой, то самыхъ этихъ сухариковъ покушай, дай своему подружью (такъ онъ всегда звалъ жену мою), потомъ поди въ обитель и духовнымъ-то своимъ чадамъ каждой вложи самъ въ уста по три сухарика, даже и тѣмъ, которыя и близъ обители живутъ въ кельяхъ, онѣ всѣ наши будутъ!». Дѣйстви-

тельно, въ послѣдствіи всѣ поступили въ обитель. По молодости лѣтъ я не понялъ, что Царица Небесная посѣтила его, а просто думалъ, не какая-ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить не посмѣлъ, но потомъ самъ угодникъ Божій уже разъяснилъ мнѣ это, говоря: «Царица Небесная, батюшка, Сама Царица Небесная посѣтила убогаго Серафима и во, радость-то намъ какая, батюшка! Мать-то Божія неизъясною благостью покрыла убогаго Серафима. «Любимиче мой!» — рекла Преподобная Владычица Пресвятая Дѣва, — «проси меня, чего хочешь!». Слышишь-ли, батюшка? Какую намъ милость-то явила Царица Небесная!» И угодникъ Божій весь самъ такъ и просвѣтлѣлъ, такъ и сіялъ отъ восторга. «А убогій-то Серафимъ» — продолжаеъ батюшка, — «Серафимъ-то убогій и умолилъ Мать-то Божию о сиротахъ своихъ, батюшка! И просилъ, чтобы всѣ, всѣ въ Серафимовой-то пустынѣ спаслись бы сироточки, батюшка! И обѣщала Мать Божія убогому Серафиму сію неизреченную радость, батюшка! Только тремъ не дано «три погибнуть!» — рекла Мать Божія. При этомъ свѣтлый ликъ старца затуманился» (18).

Тамъ же встрѣчаемъ слѣдующій удивительный разсказъ:

«Однажды, когда Прасковья Ивановна (старшая сестра дивѣевской Маріи) работала у источника, къ ней батюшка вышелъ съ свѣтлымъ сияющимъ лицомъ и въ новомъ бѣломъ балахончикѣ. Еще издали воскликнулъ онъ: «что я тебѣ, ма-

тушка, принеси!»). И подошелъ къ ней, держа въ рукахъ зеленую вѣточку съ фруктами. Сорвавъ одинъ, онъ вложилъ ей въ уста, и вкусъ его былъ невыразимо приятенъ и сладокъ. Затѣмъ, вкладывая въ уста еще такой-же фруктъ, онъ произнесъ: «вкуси, матушка, это райская пища!». Въ это время года еще не могли созрѣть никакія фрукты». (19).

Во время своего старчества преподобный опять сталъ предаваться пустынножительству. Онъ отправлялся въ два часа ночи въ свою такъ наз. ближнюю пустыньку (за 2 версты отъ монастыря) и тамъ оставался до 7-8 час. утра, возвращаясь къ этому времени опять въ монастырь, гдѣ онъ послѣ принималъ братію и желающихъ обыкновенно въ теченіе цѣлаго дня. Въ монастырѣ онъ оставался по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ причащаясь св. Таинъ за ранней Литургіей. Число ежедневныхъ посѣтителей преподобнаго возросло въ это время до необычайности и достигало тысячъ.

Шли года и преподобный сталъ приближаться къ концу своего земного пути. Все болѣе и болѣе просвѣтляясь духомъ онъ изнемогалъ тѣлесно. По поводу постигавшихъ его въ это время многочисленныхъ непріятностей и огорченій онъ однажды сказалъ: «всѣ сіи обстоятельства означаютъ то; что я скоро не буду жить здѣсь, что близокъ конецъ моей жизни».

Уже двано въ сѣнцахъ его келіи стоялъ сработанный имъ самимъ дубовый гробъ-колода.

Теперь онъ около него сталъ часто предаваться молитвеннымъ размышленіямъ. Думы о часѣ смертномъ часто сопровождались горькими слезами. Приемы сократились и стали рѣже. Со многими изъ своихъ почитателей онъ разставаясь сталъ прощаться навсегда. Нѣкоторымъ изъ братіи онъ говорилъ многознаменательныя слова «жизнь моя сокращается, *духомъ я какъ бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ*».

За четыре мѣсяца до смерти, говоритъ Лѣтопись высокопреосвященнѣйшій Арсеній, въ слѣдствіи митрополитъ кіевскій, бывши епископомъ тамбовскимъ и обозрѣвая въ первый разъ епархію, посѣтилъ и Саровскую обитель. Старецъ Серафимъ, несмотря на то, что былъ тогда въ пустынь, почелъ долгомъ придти въ монастырь, единственно для того, чтобы вмѣстѣ съ братією встрѣтить своего новаго архипастыря. Провожая навѣстившаго его владыку Арсенія, онъ стоя на колѣняхъ долго кланялся удалявшемуся архипастырю. Вслѣдъ за этимъ онъ попросилъ келейника владыки передать ему принесенныя свѣчи и вино — явно для своего поминовенія. Это было въ августъ 1832 г. (20). Незадолго до того святой прямо сказалъ дивѣвской сестрѣ Параскевѣ Ивановнѣ о томъ, что онъ умираетъ и оставляетъ ихъ на милость Божіей Матери.

Оканчивался декабрь 1832 г.; это были послѣдніе дни праведника. Они ознаменовались двумя чудесными самовозженіями лампы передъ иконою Божіей Матери въ его келіи и пред-

сказаніемъ братіи, что его кончина «откроется пожаромъ».

Наступило 1-е января 1823 г. — канунъ его кончины. Праведникъ отстоялъ въ больничной церкви раннюю литургію и причастился св. Таинъ.

Приложившись къ Распятію, къ иконѣ Божіей Матери и обойдя вокругъ престола, святой удалился въ свою келію. Приближались послѣдніе часы. Изъ келіи преподобнаго доносились пасхальныя пѣсни.

Рано утромъ 2 января 1833 года обезпокоенные дымомъ пробивавшимся изъ щелей запертой двери келіи преподобнаго и полнымъ безмолвіемъ, монахъ Павелъ и послушникъ Аникита сорвали дверь съ крючка. Тлѣвшіе отъ упавшей свѣчи свѣчи вещи были сейчасъ же потушены снѣгомъ.

Когда внесли свѣчу—увидѣли преподобнаго стоящаго на колѣняхъ передъ иконой «Умиленія» Божіей Матери со сложенными крестообразно руками. Глаза почившаго праведника были закрыты; выраженіе лица полно молитвеннаго покоя.

Все возраставшая высота духовнаго подъема заключалась этой блаженной, славной и радостной кончиной, къ которой въ полной мѣрѣ своего значенія могутъ быть отнесены наименованіе «успенія» и «преставленія».

Къ такой кончинѣ надлежитъ относиться съ такою же, если не большею радостью, какъ и къ земному рожденію — потому что оно есть дѣйствительно рожденіе въ свѣтъ незаходящаго

солнца, начало «невечеряющаго дня» — *dies natalicii*. Въ кареагенскомъ календарѣ, относимомъ къ VII вѣку, такъ и говорится: «Здѣсь содержатся дни рожденія духовнаго, т. е. преставленія мучениковъ и (дни) преставленія епископовъ, которыхъ ежегодныя памяти празднуетъ церковь кареагенская» (21). Такая кончина въ рожденіе воочію показываетъ намъ, что у смерти дѣйствительно «вырвано жало», что у ада дѣйствительно отнята побѣда.

«Радуйся, въ молитвѣ предъ иконою Бого; матере умиленный духъ твой Богу предавай, радуйся неболѣзненнымъ исходомъ пророченія твоя исполнимый. Радуйся вѣнцемъ безсмертія отъ рукъ Вседержителя увѣнчанный. Радуйся блаженство райское со всѣми святыми унаслѣдованный» (22).

Церковь поетъ: «Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его» — и радуется въ день преставленія Саровскаго Угодника (2 января) такъ же, какъ и въ день его рожденія (19 іюля — онъ же день открытія его мощей и причисленія къ лику святыхъ).

Переходъ преподобнаго въ иной міръ менѣе всего означалъ оставленіе всѣхъ тѣхъ, кто съ вѣрою и любовію приходилъ къ нему. Если Господомъ Иисусомъ было сказано: «не оставляю васъ сиротами; приду къ вамъ» (Іо XIV, 18)—то эту возможность пребывать въ таинственномъ благодатномъ, вполне реальномъ общеніи съ любящими предоставилъ Онъ и прославившимся о Его имени святымъ. Можно сказать, что въ

Богъ и черезъ Бога святые получаютъ нѣкоторое вездѣсущіе, способность быть услышанными и присутствовать всюду, гдѣ бы ни произносилось ихъ имя.

Обѣщаніе особаго присутствія на мѣстѣ своего вещественнаго упокоенія преподобный Серафимъ выразилъ въ словахъ полныхъ той серьезной ласковости, любовнаго покоя и сіяющей духовности, которыя такъ ему свойственны:

«Когда меня не станетъ — вы ко мнѣ на гробикъ ходите! Какъ вамъ время, вы и идите — и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все что есть у васъ на душѣ, чтобы ни случилось съ вами, придите ко мнѣ, да все горе съ собой-то и принисите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите, и услышу я васъ, вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть и буду во вѣки!

ГЛАВА V.

Гл. V — ДѢЛА И ЧУДЕСА ПРЕПОДОБ- НАГО СЕРАФИМА.

Дѣло, осуществленное преп. Серафимомъ было очень разнообразно. Въ немъ мы будемъ различать: собственно дѣянiя, и — ученiе; въ послѣднемъ въ свою очередь можно усматривать: богословскiя воззрѣнiя, во-первыхъ, и практически-аскетическiя наставленiя къ благочестивой жизни инокамъ и мiрянамъ — во-вторыхъ.

Слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что, хотя созерцательная сторона жизни преподобнаго занимаетъ центральное мѣсто въ его житiи — все-же аскетика этого святого имѣетъ направление практическое, дѣйственное.

Въ ликъ святыхъ Онъ вошелъ блаженнымъ старцемъ — т. е. благодатнымъ устройтелемъ жизни. Устройство жизни ближняго тѣсно связано въ аскетическомъ старцествѣ съ личнымъ устройствомъ («врачу исцѣлися самъ»). Въ обоихъ дѣйствуетъ одно и то же начало имя которому — *Духоносность*.

Преподобный сдѣлался средоточіемъ, хранителемъ особыхъ, чрезвычайныхъ даровъ Святого Духа, къ Которому онъ сталъ въ особыя и таинственныя отношенія: «Радуйся Духа Святаго жилище украшенное» (акаеистъ преп. икосъ 6-й). Определить послѣднія врядь-ли кто дерзнетъ, но усмотрѣть ихъ можно до нѣкоторой степени черезъ созерцаніе отношенія къ нему Божіей Матери, а также черезъ вдумчивое вниканіе въ совершенныя имъ чудеса, въ его прозрѣнія, основаніемъ новыхъ обителей, одухотвореніе ихъ (преимущественно Серафимо-Дивѣевской женской обители) и наконецъ, путемъ знакомства съ его собственнымъ ученіемъ о Святомъ Духѣ.

Ни одного лишняго или «такъ себѣ» сказаннаго слова, ни одного дѣйствія, жеста или поступка, которые не были бы таинственно связаны съ судьбами людскими, съ прошлымъ, настоящимъ и грядущимъ, со всѣмъ «домостроительствомъ спасенія».

Наглядность, простота и внѣшняя, какъ будто бы, незамысловатость—еще болѣе отгѣняютъ и обнажаютъ передъ нами глубины священнаго вѣдѣнія открывшіяся всякому подвижнику, къ которому съ полнымъ основаніемъ можно приложить эпитеты «вѣщаго»—«знающаго», «мудраго».

...Одинъ саровскій братъ, находясь въ уныніи, близкомъ къ отчаянію, просилъ другого раздѣлить съ нимъ нѣсколько минутъ скорби. Вышли эти два брата изъ монастыря послѣ вечерни и пошли вокругъ ограды, утѣшаясь взаимною бесѣдою. Подошли къ конному двору,

около котораго лежала дорожка къ Серафимову источнику, скорбящій братъ хотѣлъ своротить въ сторону, чтобы въ такомъ болѣзненномъ состояніи духа не повстрѣчаться ему съ о. Серафимомъ. Но прежде чѣмъ успѣли они отойти отъ дороги, вдругъ увидѣли вблизи себя старца, идущаго навстрѣчу имъ. Старець явился имъ въ довольно странномъ нарядѣ. Часть бѣлаго его балахона была поднята, по обычаю рабочихъ, подъ кушакъ, а полы опущены. На немъ былъ огромный зеленаго цвѣта левантиновый платокъ, у котораго одинъ конецъ тащился по землѣ, а другой обвивалъ шею. Два брата упали ему въ ноги. Старець же, какъ чадолюбивый отецъ, съ необыкновенною ласкою благословилъ ихъ, потомъ пропѣлъ слѣдующій стихъ 9-й пѣсни канона, *поемаго во всякой душевной скорби и обстояніи (паклисиса): «радости исполни мое сердце, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи»*. Потомъ топнувъ ногою, старець сказалъ: «нѣтъ намъ дороги унывать, потому что Христось все побѣдилъ, Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ.» Душевное состояніе старца какъ бы перелилось въ души скорбящихъ братій, и они, оживотворенные его радостью, возвратились въ обитель въ мирномъ и благодушномъ расположеніи сердца». (24).

Есть одинъ примѣръ исцѣленія въ которомъ знаніе угодникомъ судьбъ и возвѣщеніе ихъ рисуетъ послѣднія въ формѣ ничего общаго съ фаталистической предопредѣленностью не имѣ-

ющей: горячая молитва «обреченнаго» подвигнула Божіе милосердіе исполнить просимое. Случай этотъ исполненъ библейской серьезности и простоты, во всѣхъ отношеніяхъ напоминаетъ эпизодъ съ царемъ іудейскимъ Езекией, которому пророкъ Исаія сначала предсказаль смерть, а потомъ, послѣ молитвы обреченнаго — исцѣлилъ его.

...«Въ маѣ 1829 г. сильно заболѣла жена Алексѣя Гурьевича, Ворошилова жителя Горбатовскаго уѣзда, села Павлова. Онъ же имѣлъ большую вѣру въ силу молитвъ о. Серафима, и старецъ, по свидѣтельству знающихъ людей любилъ его какъ бы своего ученика и наперсника... Ворошиловъ отправился въ Саровъ и, несмотря на то, что пріѣхаль туда въ полночь поспѣшилъ къ келіи о. Серафима. Старецъ, какъ бы ожидая его, сидѣлъ на крылечкѣ келіи и, увидавши его, привѣтствовалъ его сими словами: «что, радость моя, поспѣшилъ въ такое время къ убогому Серафиму?». Ворошиловъ со слезами разсказаль ему о причинѣ поспѣшнаго прибытія въ Саровъ и просилъ помочь болящей женѣ его. Но о. Серафимъ, къ величайшей скорби Ворошилова, объявилъ, что жена его должна умереть отъ болѣзни. Тогда Алексѣй Гурьевичъ, обливаясь потокомъ слезъ, припаль къ ногамъ подвижника, съ вѣрою и смиреніемъ умоляя его помолиться о возвращеніи ей жизни и здоровья. О. Серафимъ тотчасъ же погрузился въ *умную* молитву минутъ на десять потомъ открылъ очи свои и, поднимая Ворошилова на ноги, сказалъ: «ну, радость моя,

Господь даруетъ супружницѣ твоей животъ. Гряди съ миромъ въ домъ твой». Съ радостью Ворошиловъ поспѣшилъ домой. Здѣсь онъ узналъ, что жена его почувствовала облегченіе именно въ тѣ минуты, когда о. Серафимъ пребывалъ въ молитвенномъ подвигѣ. Вскорѣ же она и совсѣмъ выздоровѣла». (25).

«Призовемъ имя Господа — такъ наставлялъ святой старецъ — и спасемся. Когда у насъ имя Божіе будетъ на устахъ — мы спасены. Открой ко Господу путь и уповай на Него, и Той сотворишь, помилуетъ тя, изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою яко полудне (Псал. 36, 5-6), только повинись Господу и умолай Его». (26).

Прозорливость преподобнаго проявлялась *въ знаніи имъ содержанія полученныхъ и нераспечатанныхъ писемъ.*

Лѣтопись свидѣтельствуесть: «О. Серафимъ часто, не распечатывая, зналъ ихъ (писемъ) содержаніе и давалъ отвѣты, говоря обыкновенно, такъ: «вотъ что скажи отъ убогаго Серафима и проч.». Въ этомъ удостовѣряютъ многіе боголюбивыя особы, общавшіяся съ отцомъ Серафимомъ лично или черезъ письма. Послѣ смерти старца въ келіи его нашли много нераспечатанныхъ писемъ, по которымъ, однако-же, даны были въ свое время изустные отвѣты». (27).

Важнѣйшимъ прозрѣніемъ и предсказаніемъ преподобнаго, особенно волнующимъ насъ, современниковъ его прославленія и наступившей затѣмъ великой скорби, является слѣдующее.

«Вотъ, матушка, говорить онъ, когда у насъ будетъ соборъ, тогда московскій колоколь Иванъ Великій самъ къ намъ придетъ! Когда его повѣсятъ да въ первый-то разъ ударятъ въ него и онъ загудитъ — и батюшка изобразилъ голосомъ — тогда мы съ вами проснемся! О! вы, матушки вы мои, какая будетъ радость! Среди лѣта запоютъ Пасху! А народу-то, народу-то со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ сторонъ!» Помолчавъ немного, продолжалъ батюшка: «но эта радость будетъ на самое короткое время; что далѣе матушки, будетъ... такая скорбь, чего отъ начала міра не было!» и свѣтлое лицо батюшки вдругъ измѣнилось, померкло и приняло скорбное выраженіе. Опустя головку, онъ поникъ долу и слезы струями полились по щекамъ» (28). Это свидѣтельство старицы Ирины Семеновны.

И еще на ту же тему: «...время придетъ такое у васъ, матушка, что ангелы не будутъ поспѣвать принимать души». Это было сказано старцемъ Евдокии Ефремовнѣ — матери Евпраксіи (29).

Несомнѣнно, огромная доля того, что онъ зналъ, осталась невысказанной и пребывала для всѣхъ тайной — какъ тайной стало все его существо, несмотря на его кристалльную прозрачность и чистоту — или, можетъ быть именно благодаря имъ. Но и того, что онъ сообщилъ своему и нашему вѣку, вполне достаточно, чтобы составить огромное наслѣдіе новаго богатства духовнаго. Можно сказать, что, несмотря на «подражаніе» какъ будто въ своемъ дѣланіи подвигу древнихъ «столповъ благочестія», не-

смотря на строгій консерватизмъ устремленій, понятіи, всего вообще стилия святости — эта перенесенная въ 19-ый вѣкъ святость выгладить по новому — сіяеть, Великою Новизною, быть можетъ однимъ изъ лучей того, «не уявися что будемъ», приближающихъ насъ прообразовательно и символически къ гранямъ послѣднихъ свершеній.

Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, что явленіе преп. Серафима есть конкретное знаменіе Послѣдняго Дня. О немъ знаетъ лишь Господь. А самъ преподобный въ своемъ отвѣтѣ, на прочитанный имъ въ мысляхъ одного брата вопросъ о времени Второго Пришествія, отвѣтилъ:

«Радость моя! ты много думаешь объ убогомъ Серафимѣ: мнѣ ли знать, когда будетъ конецъ міру сему, и тотъ великій день, въ который Господь будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздастъ каждому по дѣламъ его! Нѣтъ, сего мнѣ знать невозможно!». (30).

* * *

Преподобный Серафимъ принесъ на землю Благовѣстіе и Богословіе о Святомъ Духѣ. Съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ и надо разсматривать его дѣянія и его ученія. «Старчество» преподобнаго состоявшее въ поученіяхъ, совѣтахъ, исцѣленіяхъ и устроеніи жизни, все можетъ быть сведена къ одному базису: базисъ этотъ — знаніе и прозрѣніе, какъ даръ духовности.

Всезнаніе есть одновременно и всемогущество, полнота силъ и источникъ чудотворенія. Оно принадлежитъ Богу, который есть Чудотворецъ (— Творецъ) по преимуществу: «кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса».

Черезъ Бога и отъ Бога это знаніе-обладаніе, предвидѣніе-чудотвореніе принадлежитъ и «благоугодившимъ» Ему, т. е. своимъ житіемъ совершившимъ подвигъ Богоуподобленія, святымъ въ которыхъ Онъ «дивень Сый», и въ которыхъ Онъ «удиви вся хотѣнія своя». Отдачей себя всецѣло Богу, смиреніемъ и «истощаніемъ» по образу Христову святой получаетъ ту или иную степень приобщенія Христову всевѣденію и всемогуществу.

Такимъ образомъ чудеса и прозорливость (— знаніе) святого есть принципиальное и полное отрицаніе какой бы то ни было формы оккультизма и магизма (въ томъ числѣ и хозяйственно-техническаго), въ основѣ которыхъ всегда лежитъ та или иная степень самостной и безлюбивой гордыни (почему и все, что они производятъ безъ имени Божьяго есть лишь «видимость», «мистификація», лишенная какого бы то ни было онтологическаго корня, всегда восходящаго къ Богу и только къ нему: «Безъ мене не можете творити ничесоже».).

Послѣднему насъ научаетъ преподобный Серафимъ въ своей бесѣдѣ со строителемъ Высокогорской пустыни іеромонахомъ Антоніемъ, пришедшимъ къ нему вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Владимірской губерніи купцомъ. Объ этомъ

передаетъ іеромонахъ Іоасафъ в слѣдующихъ словахъ:

«Строителя о. Серафимъ попросилъ състь подождать, а съ купцомъ сталъ немедленно говорить. Милостиво и ласково обличалъ онъ его въ порокахъ и дѣлалъ наставленія: «всѣ твои недостатки и скорби, говорилъ онъ, суть слѣдствіе твоей страстной жизни. Оставь ее, исправи пути твои»... Послѣ бесѣды, когда купецъ вышелъ весь въ слезахъ, къ преподобному обратился о. Антоній со слѣдующимъ вопросомъ:

— Батюшка! душа человѣческая предъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ: на моихъ глазахъ не выслушавши духовныхъ нуждъ и скорбей бывшего сейчасъ богомольца, вы все ему высказали.

О. Серафимъ не сказалъ ни слова.

«Строитель» продолжалъ:

— Теперь я вижу — умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничего не сокрыто въ сердцѣ ближняго.

О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ:

— Не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу и одинъ Богъ сердецѣдѣцъ, а *приступитъ человекъ и сердце глубоко.*

«Строитель» опять спросилъ: «да какъ же, батюшка, вы не спросили отъ купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?».

Препод. Серафимъ началъ тогда объяснять:

— Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты, шелъ, яко къ рабу Божию: я, грѣшный

Серафимъ такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій: что повелѣваетъ Господь, какъ рабу Своему, то я и передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божиимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое-либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ, — въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки.

...«Какъ желѣзо ковачу, такъ и я предаль себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то и передаю» (31).

Итакъ все насъ убѣждаетъ въ томъ, что высшее и вѣщее знаніе подвижника, его могущество и сила, въ чудотвореніяхъ являющаяся, есть плодъ нищеты духовной по слову Писанія: «Богъ горднымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать». Духовное богатство есть слѣдствіе нищеты духовной — потому что отрекающійся отъ человѣческаго *ради Божьяго* — Божье получаетъ взамѣнъ. Но надо помнить одно: стреченіе отъ человѣческаго, т. е. въ концѣ концовъ «юродство» имѣетъ значеніе только если оно «*Христа ради*».

Мы уже говорили, что въ самыхъ простыхъ и незамысловатыхъ дѣйствіяхъ преподобнаго неожиданно открывался глубокой вѣщей, прооб-

разующій смыслъ. И наоборотъ, каждая мельчайшая черта приходившихъ къ нему открывалась какъ ходъ въ глубины, казавшіяся совершенно «заключенными». Это дѣлаетъ преподобнаго страшнымъ, несмотря на его доброту.

«Спроста», «такъ себѣ», «случайно» вообще ничего не дѣлается. Но въ то же время придуманная для объясненія міропорядка, безконечная во обѣ стороны причинная цѣпь есть совершенно бессмысленная и насквозь искусственная фикція немощнаго духа. Провиденціализмъ, вѣра въ Провидѣніе есть усмотрѣніе во всѣхъ «вещахъ» міра того осмысливающаго начала, которое соединяетъ «логосы» всѣхъ малѣйшихъ вещей и явленій въ систему одного великаго смысла, которое въ Богословіи называется Домостроительствомъ.

Падшій и потемнѣвшій, запутавшійся мыслями человекъ глухъ для именъ, которыя онъ самъ же нарекъ. Онъ ослѣпъ для символовъ всего совершающагося въ мірѣ. Но міръ конечно, не лишился ни именъ, ни символовъ ни смысловъ. Они только ушли отъ человека, какъ ушелъ отъ него рай — по той причинѣ, что грѣхъ и смыслъ несовмѣстимы. Грѣхъ есть въ извѣстномъ смыслѣ «глупость», «бессмыслица», «просчетъ». Грѣшный человекъ есть человекъ «поглупѣвшій», растлившійся разумомъ, суемудренный «просчитавшійся». Грѣшный умъ есть умъ «поддѣльный». По этой причинѣ «Пришедшій въ міръ грѣшныя спасти» пришелъ какъ «свѣтъ разума» — и о Его имени возстанавливается

видѣніе и вѣдѣніе смысловъ, которое идетъ параллельно и въ единствѣ съ осмысливаніемъ «вразумленіемъ» собственной жизни. По мѣрѣ того какъ совершается послѣднее — все окружающее пріобрѣтаетъ смыслъ и сами, дѣйствія, «поведенія» дѣлаются системой дѣйствій, смысловъ. Осмысленность же (какъ пассивная, узрѣвающая, такъ и активная — дѣйствующая) есть одинъ изъ аспектовъ того знанія о которомъ говорилось выше. А путь достиженія его одинъ — это «узкій путь», ведущій въ спасеніе. «Страхъ Господень научаетъ мудрости, и славѣ предшествуетъ смиреніе» (Притчи XV 33). Смыслы суть голоса и зовы Господни. Но чтобы услышать ихъ и отозваться на нихъ надо изгнать «нѣмого» и «глухого» бѣса, получившаго къ человѣку доступъ въ большей или меньшей степени вмѣстѣ съ грѣхомъ.

Гордостью вошла эта нѣмота и глухота въ міръ — смиреніемъ отъ нихъ исцѣляемся. Смиреніе аскетически является какъ постъ — посту же неизбѣжно сопутствуетъ, окружая его и питая, атмосфера вѣры, выражаемая въ молитвѣ. Таковъ одинъ изъ смысловъ, какъ намъ кажется, того, что «духъ нѣмый и глухій» изгоняется только «молитвою и постомъ». — Видѣніе промысла Божьяго, соучастіе какъ бы въ немъ, узрѣніе смысловъ и осмысливаніе собственныхъ дѣяній есть плодъ только богоуподобляющаго подвига вѣры (молитва) и смиренія (постъ).

Мы, грѣшные, всѣ въ большей или меньшей степени одержимы «духомъ нѣмымъ и глухимъ».

Мы «запрещены» въ возможности со всею полнотою обращаться къ Богу и слышать его зовы, къ намъ обращенные, въ самомалѣйшихъ мелочахъ (это и есть «подлинный космологическій аргументъ, до неузнаваемости искаженный деистами въ деревянномъ и безжизненномъ «умозаключеніи отъ часовъ къ часовщику»). Духъ «нѣмый и глухій» есть духъ невѣрія, духъ «сердечнаго окаменѣнія»; въ этомъ Господь Исусъ Христосъ неоднократно обвинялъ «фарисеевъ», «книжниковъ», «лицемѣровъ» и даже своихъ учениковъ, тогда еще не облеченныхъ «силою свыше отъ посланнаго имъ Утѣшителя. Выйти духъ «нѣмоты и глухоты» можетъ лишь подвигомъ, привлекающимъ Духа Божія, подвигъ который устраняетъ средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ, средостѣніе мѣшающее слышать его зовы. Надо отказаться отъ этого средостѣнія, сдѣлавшагося какъ бы второю природою (alter ego), надо «отвергнуться себе». Но этого мало. Нужно волевое преодоленіе нѣмоты. Молитва и есть такое преодоленіе; молитва желаніе Господа, сердечный подъемъ къ нему. «Вѣрую Господи, помоги моему невѣрію».

Конечно, никто не можетъ придти ко Господу, если Онъ самъ не привлечетъ къ Себѣ. Но изъ Его же словъ мы знаемъ, что стоитъ только блудному сыну «издали» показаться въ виду Отца — и Онъ выйдетъ, «выбѣжить» навстрѣчу и обниметъ и привлечетъ. Надо только «придти въ себя» и воззвать къ Нему.

Постъ есть поворотъ сердца и души, движеніе

ихъ по горизонтали, такъ сказать. Молитва есть подъемъ сердца и души, движеніе по вертикали— кратчайшій путь къ Богу. Вотъ почему надъ всѣмъ стоитъ у преп. Серафима молитва. Въ частности про молитву Іисусову онъ говорить слѣдующее:

«Въ этомъ да будетъ все твое вниманіе и обученіе! Ходя и сидя, дѣлая, и въ церкви стоя, входя и исходя, сіе непрестанное вопіянiе да будетъ и на устахъ и на сердцѣ твоємъ. Съ нимъ найдешь покой, приобрѣтешь чистоту духовную и тѣлесную, и вселится въ тебя Св. Духъ, источникъ всякихъ благъ и управитъ жизнь твою въ святыни, во всякомъ благочестіи и чистотѣ» (32).

Во всемъ разнообразіи и какъ бы даже пестроты чудесныхъ и славныхъ дѣяній, совершенныхъ Саровскимъ угодникомъ, чувствуется сводящій ихъ въ стройный хоръ, стройную систему образъ правды Божіей, суда святого, которое есть, конечно, чудо Божіе есть одновременно и судъ, свершеніе судебъ неисповѣдимыхъ, стоящихъ выше человѣческихъ по этому предмету понятій, хотя и склоняющійся часто къ человѣческой немощи. Безконечное милосердіе, но и правда, часто грозная и страшная, часто таинственная и непонятная встаетъ въ дѣлахъ праведнаго.

Уговаривая одну женщину приложить возможные усилія къ исправленію своего мужа (преподобный обвинялъ его въ невоздержаніи, дерзости, несправедливостяхъ, притѣсненіи под-

чиненныхъ и жестокосерди) — онъ пригрозилъ такъ: «Если мужъ твой не оставитъ этихъ страстей, вкоренившихся въ немъ, то онъ (такъ передаетъ эта женщина слова преподобнаго) непременно будетъ наказанъ Богомъ».

Говоря это, онъ взялъ съ печки пучекъ спичекъ, подалъ ихъ мнѣ и прибавилъ: «на, возьми эти спички и храни ихъ».

Грозный смыслъ страннаго и непонятнаго подарка выяснился, когда (по разсказу той же женщины) во время грозы «сильный ударъ грома раздался надъ нашимъ домомъ, и въ одно мгновеніе, вслѣдъ за сверкнувшею молніею, оторванъ былъ отъ окна деревянный карнизъ и расщепленъ въ мельчайшія спички; большая часть ихъ вонзилась въ лицо и бороду моего мужа. Пораженный этимъ ударомъ, онъ жилъ недолго, и вскорѣ скончался. ... Послѣ сего я невольно вспомнила слова о Серафима, и уже тогда только поняла значеніе его страннаго, повидимому, подарка, и удивляюсь его чудной прозорливости» (33). Характерно, что одновременно съ вреченіемъ женщинѣ орудія кары (вѣрнѣе образа его), было оговорено: «если мужъ твой не исправится». Удивительнымъ образомъ подлинное ясновидѣніе не уничтожало свободы. Преподобному дано было узрѣть смыслъ происходящаго, нуда входили какъ возможность исправленіе, такъ и кара. Здѣсь мы находимся «по ту сторону» свободы и необходимости — въ царствѣ смысловъ.

Вотъ еще другой очень показательный примѣръ раскрытія смысла вопреки поверхностной

очевидности «здраваго смысла», часто бывающаго по существу больной безсмыслицей. (Собщеніе іеромонаха Сѣровской пустыни Савватія, въ схимѣ Стефана).

«Я былъ духовнымъ отцомъ двухъ дѣвицъ, — одной молодой, изъ купеческаго званія, а другой, уже пожилой, изъ благородныхъ. Эта послѣдняя отъ юности горѣла любовію къ Богу и желала посвятить себя монашеской жизни, но этому противились всегда ея родители.

Однажды обѣ онѣ пришли къ о. Серафиму для полученія отъ него благословенія и совѣтовъ. При этомъ случаѣ благородная дѣвица рѣшилась просить у него благословенія на поступленіе въ монашество.

Но о. Серафимъ, напротивъ, началъ ей совѣтовать вступить въ бракъ, говоря:

— «Жизнь брачная Богомъ Самимъ благословлена, матушка. Въ ней только нужно соблюдать съ обѣихъ сторонъ вѣрность супружества, миръ и любовь, и ты будешь счастлива. А въ монашество нѣтъ тебѣ дороги. Монашеская жизнь трудна и не для всѣхъ выносима».

Другую же дѣвицу, юную, самъ благословилъ въ монашество и назвалъ даже монастырь, въ который она поступить.

Выслушавъ отъ старца такое противорѣчіе своему желанію, дѣвица пожилыхъ лѣтъ такъ оскорбилась, что совершенно охладѣла къ нему, да и меня было сначала поколебало.

Я много дивился и не понималъ, почему старецъ отвлекаетъ дѣвицу уже пожилыхъ лѣтъ

отъ такого спасительнаго пути, къ которому отъ юности она стремилась, и какъ, напротивъ того, онъ благословляетъ юную. Но вскорѣ дѣйствительно случилось такъ, какъ предрекъ прозорливый старецъ.

Благородная дѣвица, сколько ни горѣла любовію къ монашеской жизни, но въ преклонныхъ уже лѣтахъ вступила въ бракъ и, несмотря на то, была совершенно счастлива въ брачной жизни и возымѣла твердую вѣру къ о. Серафиму, благословившему ей этотъ путь жизни. А юная дѣвица, дѣйствительно вступила въ тотъ монастырь, въ который благословилъ ее о. Серафимъ». (34).

Здѣсь мы имѣемъ примѣръ проникновенія въ то, что популярное Богословіе называетъ (и совершенно справедливо) «судьбами Божиими неисповѣдимыми.» Смирившагося и «нищаго духомъ» подвижника Господь какъ бы дѣлаетъ созерцателемъ таинъ мірозданія, соучастникомъ въ направленіи Домостроительства по законамъ, которые «поглупѣвшій» въ грѣхѣ (— гордынѣ) не понимаетъ.

Вотъ еще яркій и показательный случай прозорливости старца-праведника. Среди безчисленнаго множества проявленій его духовнаго дара, мы остановились на этомъ, потому что здѣсь чрезвычайно характерно противопоставлены туповатая, тяжеловѣсная и грѣховная т. ск. неуклюжесть мірскаго человѣка и всепроникающая, легкопарящая острота подвижника. Нѣкто Богдановичъ (или Богдановъ) рассказываетъ:

Я спросилъ: «учить-ли дѣтей языкамъ и прочимъ наукамъ?». Онъ отвѣчалъ: «что же худого знать что-нибудь». Я же грѣшный подумалъ по мірскому, что нужно, впрочемъ, ему самому быть ученымъ, чтобы отвѣчать на это, и тотчасъ же услышалъ отъ прозорливаго старца обличеніе: «гдѣ мнѣ, младенцу, отвѣчать на это противъ твоего разума! спроси кого по-умнѣ».

Всякое чудо есть, если такъ можно выразиться, иррегулярное таинство потому что въ немъ, такъ же какъ и въ таинствѣ подъ видимымъ знакомъ подается невидимая благодать Божія «побѣждающая естества чинъ». Въ чудѣ «духъ дышетъ, гдѣ хочеть» и святой-чудотворецъ свободенъ свободою его наполняющаго Духа выбирать знакъ, мѣсто и время совершенія чуда, равно какъ и самый «объектъ», «предметъ». Суровъ «естества чинъ». Чудо есть большею частью смягченіе или устраненіе его, утишеніе причиняемыхъ имъ болей, изъятіе, восхищеніе изъ его «полей», изъ его сферы. По Божественному соизволенію можетъ быть явлено и устрашающее или же вразумляющее чудо («пораженіе» и «знаменіе») Но всегда чудо свядано съ Домостроительствомъ спасенія. Чудо есть выдѣленный и подчеркнутый смыслъ (съ религіозно-гносеологической точки зрѣнія).

Къ числу чудесъ особенно характерныхъ для преп. Серафима надо отнести благословеніе имъ горькой и печальной судьбы, которую онъ по внушенію свыше не измѣнилъ, но наложилъ какъ нужное и спасительное послушаніе.

Вотъ что пишетъ Наталія Евграфова:

«Бывши отъ роду пяти лѣтъ, я была нечаянно облита кипяткомъ и отъ сильныхъ ожоговъ находилась въ крайней опасности. Обыкновенныя въ такихъ случаяхъ врачевныя пособія не приносили мнѣ никакой пользы. Тетушка моя, по неосторожности которой я пострадала, была въ жуасной скорби и смущеніи, и не находя болѣе средствъ, обратилась въ молитвѣ къ о. Серафиму. Принеся ко мнѣ его изображеніе, она дала мнѣ наставленіе, чтобы я сама призывала на помощь благодѣтельнаго старца. Изображеніе его поставила у меня въ головахъ, и я, какъ умѣла, мысленно молилась ему и въ первую же ночь увидѣла о. Серафима во снѣ.

Мнѣ снилось, что я вмѣстѣ съ родными своими пріѣхала въ Саровскую пустынь, и будто бы, о. Серафимъ, увидѣвъ меня, сказалъ: ты будешь малютка здорова и бабушка твоя выздоровѣтъ (бабушка была тоже очень больна). Проснувшись отъ этого видѣнія я уже не чувствовала прежней мучительной боли отъ ожога, и вскорѣ совершенно выздоровѣла.

Черезъ нѣсколько времени отправилась я со своими родными въ Саровъ, и когда подходила къ пустынькѣ о. Серафима, то меня все удивляло: я шла какъ будто по знакомымъ мѣстамъ, но потомъ вспомнила, что всѣ эти мѣста и въ такомъ точно видѣ я видѣла во снѣ. Когда же взглянула на о. Серафима, то до слезъ была поражена тѣмъ, что именно въ такомъ видѣ представился онъ мнѣ во снѣ, каковъ былъ на яву. Старецъ ласково

обратился ко мнѣ и сказалъ: «о! и малютка ко мнѣ пришла!». При этомъ онъ обнялъ меня, поцѣлсвалъ въ голову и долго ласкалъ. Тетушка моя, бывши тутъ же со мною, сказала старцу: «она во время болѣзни, батюшка, видѣла васъ во снѣ и вы ей сказали, что она выздоровѣетъ». О. Серафимъ, какъ бы съ удивленіемъ выслушавъ слова моей тетушки, вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «а не хочешь ли луку? онъ у меня сладкій!» Угощая лукомъ, Онъ еще спросилъ: «что, сокровище мое, вѣдь лукъ-то сладокъ?».

Послѣ уже, черезъ многіе годы, когда жизнь моя сдѣлалась вполнѣ горькою, часто мнѣ приходило на мысль, что угощеніе сладкимъ лукомъ, было отдаленнымъ указаніемъ на мою дѣйствительно горькую участь, и тогда я только услаждалась надеждою на покровительство о. Серафима» (35).

Еще ярче это утѣшающее осмысливаніе страданій выразилось въ случаѣ, сообщенномъ тому же игумену Іоасафу Александрой Ивановной О. про свою мать.

— «Около 1831 г. мать моя, пензенская дворянка Т. Ѳ. Бѣляева, въ первый разъ удостоилась видѣть св. старца, чтобы посоветоваться съ нимъ о ея печальной семейной жизни. Труденъ былъ для нея путь за 300 верстъ отъ Ломова до Саровской пустыни, потому что, при разстроенномъ здоровьѣ отъ постояннаго горя и заботъ, она была еще въ послѣднемъ времени беременности, но радость свиданія подкрѣпляла ее. Тотчасъ по прибытіи въ монастырь, она пошла въ келію

старца, но по множеству народа, обычно тѣснившагося у него, и здоровому человѣку трудно было пробраться. А потому она рѣшилась вдали ожидать старца, покуда будетъ въ силахъ. Но вскорѣ, къ великому своему удивленію, она увидѣла, что о. Серафимъ, выйдя изъ своей келіи, пошелъ сквозь толпу народа, именно въ ту сторону, гдѣ стояла Бѣляева. Несказано изумлена и обрадована она была, что св. старецъ машетъ ей рукою и говоритъ: «гряди сюда, раба Божія». Старецъ, благословивъ подошедшую и посмотрѣвъ на нее, сказалъ: «тяжело тебѣ, раба Божія, какое горе! Гряди за мною», и увелъ ее къ себѣ въ келію, не останавливаясь съ народомъ.

Пришедши къ нему, она не могла безъ слезъ подумать о такой чрезвычайной къ ней милости старца, не надѣясь увидѣть его скоро; но вдругъ безвредно прошла до келіи. Тамъ о. Серафимъ посадилъ ее на отрубокъ дерева, приглашая отдохнуть, а потомъ началъ кормить ее изъ деревянной чашки хлѣбомъ, размоченнымъ въ водѣ. Послѣ сего, какъ бы предвидя ея вопросъ, вдругъ началъ говорить такъ: «нѣтъ тебѣ дороги хромать: тяжело тебѣ Іовово терпѣніе, но св. Іовъ многострадальный все имѣлъ: и семейство, и славное имя, и богатство, но все взялъ Богъ у него, все, — и дѣтей всѣхъ взялъ». Бѣляева внезапно залилась слезами и, упавъ на колѣни, сказала: «неужели дѣтей, послѣднее мое утѣшеніе, — дѣтей моихъ Господь возьметъ отъ меня?». Старецъ какъ бы не замѣчая ея волненія, сказалъ: «все отъ Іова взялъ, а потомъ, ты знаешь, все

возвратилъ сторицею. Такъ, раба Божія, все возвратилъ, и тебѣ нѣтъ дороги хромать»... Онъ продолжалъ: «Юовово терпѣніе помни, раба Божія, Юовово терпѣніе! И награду небесную за терпѣніе: Господь даетъ награду большую».

Далѣе послѣдовало исполненіе предсказанія.

«Вскорѣ умеръ мужъ, потомъ разстроились дѣла по имѣнію. Съ огромнымъ семействомъ, безъ средствъ она надѣялась отдохнуть подъ кровомъ ея старшаго сына, находившагося на службѣ, но и это утѣшеніе дано ей было не надолго, — сынъ любящій и добрый внезапно умеръ». Несчастливая судьба остальныхъ двухъ сыновей прибавила новое горе матери. «Началась тяжелая, бѣдная старость. Супружества дочерей были несчастны и вскорѣ одна изъ нихъ умерла. Утѣшеніемъ только были слова старца, когда-то тяжело звучавшія, а теперь ободрявшія до такой степени, что при каждомъ новомъ испытаніи она мирилась съ нимъ только потому, что на смиреніе и терпѣніе обрекли ее слова о. Серафима и онѣ постоянно на ней оправдывались. Небольшой клочекъ земли, бывшій у нея, былъ отъ нея отнятъ. Это въ конецъ подорвало ея силы и на 78-мъ году Бѣляева скончалась, утѣшивъ передъ кончиною окружающихъ тѣмъ, что о. Серафимъ теперь исцѣлилъ ее отъ всѣхъ страданій» (36).

Когда эта женщина, во время свиданія съ архіеп. Воронежскимъ Антоніемъ (около 1831 г.) передала ему предсказаніе преп. Серафима и

попросила наставленія въ утѣшеніе, владыка отвѣтилъ ей:

«Что же я могу прибавить къ утѣшенію вашему, если такой великій старецъ, какъ о. Серафимъ открылъ вамъ всю будущность вашу и указалъ на примѣръ смиренія и терпѣнія, за которыя ожидаетъ васъ небесная щедрая награда» (тамъ же).

Священный символизмъ таинства чуда, соединенный съ предвидѣніемъ (знаніе какъ обладаніе и мощь) мы видимъ на слѣдующемъ примѣрѣ.

«11-лѣтній мальчикъ, Андрей Корсаковъ заболѣвъ глазами, почти ослѣпъ. Родители его пріѣхавъ въ 1829 г. въ Саровъ и прождавъ пять дней (преп. Серафимъ въ это время находился въ затворѣ), были приняты святымъ старцемъ. Вотъ какъ рассказываетъ о самомъ исцѣленіи въ послѣдствіи подробно о немъ освѣдомленная жена исцѣленного.

«Пригласивъ къ себѣ больного отрока съ его матерью словами: «грядите, грядите», онъ благословилъ ихъ и потомъ началъ дуть больному въ уши и глаза, и въ то же время оградилъ его голову крестнымъ знаменіемъ. Потомъ еще разъ благословивъ больного, онъ сказалъ ему: «будешь здоровъ». Наконецъ, при выходѣ больного изъ келіи, вслѣдъ за предсказаніемъ выздоровленія, предрекъ ему и имя будущей его супруги: именно онъ сказалъ: «ты будешь женатъ на Серафимѣ». А матери его сказалъ: «грѣхъ праздника не почитать» — открывая этими словами то, что

она согрѣшила на пути въ Саровъ. Едва только вышли они изъ келіи о. Серафима, какъ тотчасъ же больной ощутилъ въ себѣ силу молитвъ и благословенія великаго старца, — онъ снова увидѣлъ свѣтъ Божій, а черезъ мѣсяць совсѣмъ сдѣлался здоровъ. Исполненіе же предсказанія о. Серафимомъ больному отроку, касательно имени будущей его супруги, оправдалось тогда, когда я, Серафима, сдѣлалась его женою». (37).

Необходимо остановиться на исцѣленіи Н. А. Мотовилова, такъ какъ впослѣдствіи преп. Серафимъ сдѣлалъ его собесѣдникомъ своимъ и передалъ ему ученіе о цѣли жизни христіанской и ученіе о Св. Духѣ. Кромѣ того сообщеніе это какъ сдѣланное самимъ исцѣленнымъ, человѣкомъ интеллигентнымъ и незауряднымъ, пріобрѣтаетъ особенный *критическій интересъ*, въ виду того, что подлинность его сомнѣнію не подлежитъ. Событіе относится къ сентябрю 1831 года.

«Великій старецъ Серафимъ исцѣлилъ меня отъ тяжкихъ и немовѣрныхъ, великихъ ревматическихъ и другихъ болѣзней, съ разслабленіемъ всего тѣла и отнятіемъ ногъ, скорченныхъ и въ колѣнкахъ распухшихъ съ язвами пролежней на спинѣ и бокахъ коими страдалъ неисцѣлимо болѣе трехъ лѣтъ. Исцѣленіе это было слѣдующимъ образомъ. Велѣлъ я везти себя, тяжело больного, изъ сельца Бритвина, Нижегородскаго Лукояновскаго имѣнія моего, къ батюшкѣ о. Серафиму. 5 сентября 1831 г. я былъ привезенъ въ Саровскую пустынь; 7 сентября

и 8 на день Рождества Божіей Матери удостоился имѣть я двѣ бесѣды, первая съ батюшкой о. Серафимомъ до обѣда и послѣ обѣда въ монастырской келіи его, но исцѣленія еще не получилъ. А когда на другой день, 9 сентября, привезень былъ я къ нему въ ближнюю его пустыньку, близъ его колодца, и четверо человѣкъ, носившіе меня на своихъ рукахъ, а пятый поддерживавшій мнѣ голову, принесли меня къ нему, находящемуся въ бесѣдѣ съ народомъ, во множествѣ приходившемъ къ нему, тогда возлѣ большой и очень толстой сосны, и до сего времени на берегу р. Саровки существующей, на его сѣнокосной пожнинкѣ, меня посадили. На просьбу мою помочь мнѣ и исцѣлить меня онъ сказалъ: «да вѣдь я не докторъ, къ докторамъ надобно относиться, когда хотятъ лѣчиться отъ болѣзней какихъ-нибудь». Я подробно рассказалъ ему бѣдствія мои и что я всѣ главные способы лѣченія испыталъ, но ни отъ одного способа не получилъ исцѣленія болѣзней моихъ и затѣмъ ни въ чемъ уже не полагаю себѣ спасенія и не имѣю другой надежды получить исцѣленіе отъ недуговъ, кромѣ какъ только лишь благодатію Божією. Но будучи грѣшенъ и неимѣючи дерзновенія самъ ко Господу Богу, прошу его св. молитвъ, чтобы Господь исцѣлилъ меня. И онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: «а вѣруете-ли вы въ Господа Іисуса Христа, что Онъ есть Богочеловѣкъ, и въ Пречистую Его Божію Матерь, что Она есть Приснодѣва?». Я отвѣчалъ: «вѣрую» — «А вѣруете-ли, продолжалъ онъ меня спра-

шивать, «что Господь какъ прежде исцѣлялъ мгновенно и однимъ словомъ Своимъ или прикосновеніемъ Своимъ всѣ недуги, бывшіе въ людяхъ, такъ и нынѣ также легко и мгновенно можетъ попрежнему исцѣлять требующихъ помощи однимъ же словомъ Своимъ, и что ходатайство къ Нему Божіей Матери за насъ всемогуще и что по сему Ея ходатайству Господь Іисусъ Христосъ и нынѣ также мгновенно и однимъ словомъ можетъ исцѣлить васъ?». — Я отвѣчалъ, что истинно всему этому всею душею моею и всѣмъ сердцемъ моимъ вѣрую, и если бы не вѣровалъ, то не велѣлъ бы везти себя къ вамъ. «А если вѣруете», заключилъ онъ, — «то вы здоровы уже!». — «Какъ здоровъ, спросилъ я — когда люди мои и вы держите меня на рукахъ». — «Нѣтъ!». сказалъ онъ мнѣ, — «вы совершенно всѣмъ тѣломъ вашимъ теперь уже здоровы въ конецъ!». И онъ приказалъ державшимъ меня на рукахъ своихъ людямъ моимъ отойти отъ меня, а самъ, взявши меня за плечи, приподнялъ отъ земли и, поставивъ на ноги мои сказалъ мнѣ: «крѣпче стойте, тверже утверждайтесь ими на землѣ, вотъ такъ; не робѣйте, вы совершенно здоровы теперь». И потомъ прибавилъ, радостно смотря на меня: «вотъ видите-ли, какъ вы хорошо теперь стоите». Я отвѣчалъ: «поневолѣ хорошо стою, потому что вы хорошо и крѣпко держите меня». И онъ, отнявъ руки свои отъ меня, сказалъ: «ну, вотъ уже и я теперь не держу васъ, а вы и безъ меня все крѣпко же стоите; идите же смѣло, батюшка мой.

Господь исцѣлилъ васъ, идите же и трогайтесь съ мѣста». Взявъ меня за руку одною рукою своею, а другою въ плечи мои немного поталкивая, повелъ меня по травѣ и по неровной землѣ, около большой сосны, говоря: «вотъ, ваше боголюбіе, какъ вы хорошо пошли!». Я отвѣчалъ: «да, потому что вы хорошо меня вести изволите!» — «Нѣтъ», сказалъ онъ мнѣ, отнявъ отъ меня руку свою: «самъ Господь совершенно исцѣлитъ васъ изволилъ, и Сама Божія Матерь о томъ Его упросила, вы и безъ меня, теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же», и стала толкать меня, чтобы я шель. «Да я эдакъ упаду и ушибусь»... сказалъ я. «Нѣтъ», противорѣчилъ онъ мнѣ, — «не ушибетесь, а твердо пойдете»... И когда я почувствовалъ въ себѣ какую-то свыше осѣнившую тутъ меня силу, пріободрился немного и твердо пошелъ, то онъ вдругъ остановилъ меня и сказалъ: «довольно уже», и спросилъ: «что, теперь удостовѣрились-ли вы, что Господь васъ дѣйствительно исцѣлилъ во всемъ и во всемъ совершенно? Отъялъ Господь беззаконія ваши и грѣхи ваши очистилъ есть Господь. Видите-ли какое чудо Господь сотворилъ съ вами нынѣ: вѣруйте же всегда несомнѣнно въ Него, Христа Спасителя нашего, и крѣпко надѣйтесь на благоутробіе Его къ Вамъ, всѣмъ сердцемъ возлюбите Его и прилѣпитесь къ Нему всею душою вашею и всегда крѣпко надѣйтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ея къ вамъ великія милости. Но такъ какъ трехлѣтнее страданіе ваше тяжко изнурило васъ,

то вы теперь не вдруг по многу ходите, а постепенно: мало по малу приучайтесь къ хожденію и берегите здоровье ваше, какъ драгоцѣнный даръ Божій»... И довольно потомъ еще побесѣдовавъ со мною, отпустилъ меня на гостиницу совершенно здоровымъ. Итакъ, люди мои пошли одни изъ лѣса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивныя милости Его ко мнѣ явленныя въ собственныхъ глазахъ ихъ, а я самъ одинъ сѣлъ съ гостиникомъ, отцемъ Гуріемъ, твердо безъ поддержки людской, сидя въ экипажѣ, возвратился въ гостиницу Саровской пустыни. А такъ какъ многіе богомольцы были со мною при исцѣленіи моемъ, то прежде меня возвратились въ монастырь, всѣхъ возвѣщая о великомъ чудѣ этомъ» (38).

Существуетъ еще удивительное сообщеніе о чудесномъ стояніи святого въ воздухѣ, полное глубокаго смысла. Въ немъ сказывается сила молитвенной устремленности побѣждающей «естества чинъ».

Говоритъ святой старецъ внесенному къ нему въ келію больному:

— «Ты, радость моя, молись и я буду за тебя молиться, только, смотри, лежи, какъ лежишь, и въ другую сторону не оборачивайся».

Больной долго лежалъ повинуюсь словамъ старца. Но терпѣніе его ослабѣло, любопытство подстрекало взглянуть, что дѣлаетъ старецъ. Оглянувшись же онъ увидѣлъ о. Серафима *стоящимъ на воздухѣ* въ молитвенномъ положеніи

и отъ неожиданности и необычности видѣнія вскрикнулъ.

О. Серафимъ, по совершеніи молитвы, подойдя къ нему сказалъ:

— «Вотъ, ты теперь будешь всѣмъ толковать, что Серафимъ — святой, молится на воздухъ... Господь тебя помилуетъ... А ты, смотри, огради себя молчаніемъ и не повѣдай того никому до дня преставленія моего иначе болѣзнь твоя опять вернется»(39).

Подобный же случай передаетъ «Лѣтопись»; преп. Серафимъ пошелъ въ пустыньку въ сопровожденіи Анны Алексѣевны и трехъ сестеръ; А. А. передаетъ объ этомъ событіи въ такихъ словахъ:

«Идемъ это мы лугомъ, трава зеленая, да высокая такая... оглянулись, глядимъ, а ба-тюшка-то и идетъ на аршинъ выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему въ ножки, а онъ говоритъ намъ:

«Радости мои! никому о семъ не повѣдайте пока я живъ, а послѣ моего отшествія отъ васъ, пожалуй, и скажите!». (40).

Знаніе тайнъ и власть надъ ними съ особенной силой обнаруживаются у преподобнаго въ самомъ важномъ и страшномъ — въ видѣніи часа смертнаго Въ 1832 г. преп. Серафимъ предсказалъ кончину Алексѣя Мееодьевича Прокудина и обстоятельства этого предсказанія сопровождались символикой, отмѣченной чертами печальной величавости. Это произошло лѣтомъ 1832 г.

когда А. М. Прокудинъ посѣтилъ Саровскую пустынь вмѣстѣ съ Аксаковыми.

«Прощаясь съ нимъ при отъѣздѣ, преп. Серафимъ пригласилъ его въ свою келію. Здѣсь онъ вышелъ къ Прокудину съ пучкомъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Налѣпивъ четыре свѣчи на края стоявшаго въ сѣнцахъ своего гроба, преп. Серафимъ поманилъ къ себѣ Прокудина и затѣмъ пристально и грустно взглянулъ ему въ глаза. Перекрестивъ дубовый гробъ широкимъ пастырскимъ крестомъ, онъ глухо, но торжественно проговорилъ: «въ Покров!».

Слова святого старца и Прокудинымъ и присутствовавшими были поняты, какъ предсказаніе его, Прокудина, кончины.

Предсказаніе преп. Серафима сбылось въ тотъ-же годъ сверхъ всякаго ожиданія, потому что Прокудинъ въ этотъ самый день чувствовалъ себя бодрымъ и веселѣ принималъ многочисленныхъ гостей, пріѣхавшихъ поздравить его съ принятіемъ св. Тайнъ. Вдругъ въ половинѣ третьяго часа пополудни онъ, кого бѣдные и богатые называли другомъ нищихъ и убогихъ, опустился на кресло, и умеръ тихо и незамѣтно, какъ засыпаетъ младенецъ на колѣняхъ матери» (41).

Есть свѣдѣнія о томъ, что смерть своего брата Алексѣя святой старецъ тоже предсказалъ. Именно, преподобный во время своего предыванія въ Курскѣ въ 1785 г. сказалъ брату: «знай, что когда я умру и твоя кончина вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ» (42). И дѣйствительно, незадолго до

полученія извѣстія о преставленіи брата-угодника имъ овладѣла сильная тоска. Онъ отговѣвъ, исповѣдался и причастился. Получивъ же извѣстіе о смерти брата скоро самъ скончался, по совершеніи надъ нимъ таинства елеосвященія.

Извѣстны еще случаи предсказаній имъ смерти и смертнаго часа. Однако мы остановимся на одномъ, гдѣ ясно сказалось сочетаніе знаній съ властью. Великіе подвиги святого, богатство даровъ Св. Духа, излившихся на него, обнаружались и въ духовной властности, простиравшейся вплоть до *распоряженія часомъ смертнымъ*, т. е. до состоянія сознательнаго и свободнаго орудія Божіей воли.

Было уже упомянуто выше о Михаилѣ Васильевичѣ Мантуровѣ, «первенцѣ» среди исцѣленныхъ преподобнымъ. Этотъ Мантуровъ далъ обѣтъ добровольной нищеты и остался прислуживать своему цѣлителю и исполнять его волю (онъ много содѣйствовалъ устройству Дивѣвской общины). Его сестра, Елена Васильевна, была въ числѣ 12 сестеръ этой общины. И ей преподобный *далъ послушаніе умереть*.

«Призвалъ разъ батюшка Елену Васильевну и сказалъ: «ты всегда меня слушала, радость моя, и вотъ теперь хочу я тебѣ дать одно послушаніе. исполнишь-ли его, матушка?» «Я всегда васъ слушала, отвѣтила она, и всегда готова васъ слушать!». «Во, во, такъ, радость моя!» воскликнулъ старецъ и продолжалъ: «вотъ, видишь-ли, матушка, Михаилъ Васильевичъ,

братецъ то твой, болень у насъ и пришло время ему умирать... Умереть надо ему, матушка, а онъ еще нуженъ для обители то нашей, для сиротъ-то... Такъ вотъ и послушаніе тебѣ: умри-ты за Михаила-то Васильевича, матушка!...» ...«Благословите, батюшка!» отвѣтила Елена Васильевна смиренно и какъ будто покойно. О. Серафимъ послѣ этого долго-долго бесѣдовалъ съ ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдругъ смутилась и произнесла: «Батюшка! я боюсь смерти!». «Что намъ съ тобой бояться смерти, радость моя! — отвѣтилъ о. Серафимъ, — «для насъ съ тобой будетъ лишь радость вѣчная!». Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порогъ келіи, тутъ же упала... (43)

Ксенія Васильевна подхватила ее, батюшка о. Серафимъ приказалъ положить ее на стоявшій въ сѣняхъ гробъ, а самъ принесъ святой воды, окропилъ Елену Васильевну, далъ ей напиться и такимъ образомъ привелъ въ чувство. Вернувшись домой, она заболѣла, слегла въ постель и сказала: «теперь уже я болѣе не встану!». ...За эти нѣсколько дней болѣзни Елена Васильевна особоровалась и насколько возможно часто приобщалась св. Таинъ. Духовникъ ея о. Василій Садовскій, видя ея слабость, посовѣтовалъ было ей написать брату Михаилу Васильевичу, который ее сильно любилъ, но она отвѣтила: «нѣтъ, батюшка, не надо! Мнѣ будетъ жаль ихъ и это возмутитъ мою душу, которая

уже не явится ко Господу такую чистою, какъ то подобаетъ!»

На третій день по кончинѣ Еленѣ Васильевны, Ксенія Васильевна пошла вся въ сезахъ къ батюшкѣ о. Серафиму. Увидѣвъ ее, великій старецъ, любившій покойную праведницу не менѣе всѣхъ сестеръ, невольно встревожился и, сейчасъ же отсылая Ксенію домой, сказалъ ей: «Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы всѣ 40 дней ежедневно была бы обѣдня и, какъ хочешь, въ ногахъ валяйся у батюшки о. Василя, а чтобы обѣдни были!». Захлебываясь отъ слезъ, ушла Ксенія Васильевна, а о. Павелъ, сосѣдь съ о. Серафимомъ по келіи, видѣлъ, какъ батюшка долго, долго ходилъ растревоженный по комнатѣ своей и восклицалъ: «Ничего не понимаютъ! Плачутъ!.. А кабы видѣли, какъ душа-то ея летѣла, какъ птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы разступились! Она удостоилась сидѣть не далеко отъ святой Троицы, аки дѣва!».

Когда Ксенія Васильевна пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны къ батюшкѣ о. Серафиму по его приказанію, то старецъ, утѣшая свою любимую церковницу, сказалъ радостно: «Какія вы глупыя, радости мои! Ну что плакать-то! вѣдь это грѣхъ! Мы должны радоваться; ея душа вспорхнула, какъ голубица, вознеслась ко св. Троицѣ. Передъ нею разступились Херувимы и Серафимы и вся Небесная сила! Она прислужница Матери Божіей, матушка!»

Фрейлина Царицы Небесной Она, матушка!
Лишь радоваться намъ, а не плакать должно!»
(144).

Слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о блаженной и святой кончинѣ Маріи Семеновны Мелюковой (схимонахини Марѳы), имѣющей много общихъ чертъ съ отшествіемъ Елены Васильевны. Обѣимъ обители блаженныхъ были открыты рукою Великаго Старца: наставляя ихъ при жизни, онъ имъ былъ вѣрною опорой и въ часъ смертный, молитвами его превратившійся для нихъ въ часъ необычайнаго прославленія. Будучи еще 13-ти лѣтъ, она поступила вмѣстѣ со своей сестрой Прасковьей Семеновной въ Дивѣевскую Общину («увязалась за сестрой», по выраженію монастырскихъ памятниковъ). Провидя ея праведность преп. Серафимъ оставилъ ее въ обители, несмотря на юный возрастъ. ...«О. Серафимъ, говорить «Лѣтопись», передавалъ этому своему духовному другу всѣ тайны, касающіяся будущей славы обители, и даже откровенія, полученныя имъ отъ Царицы Небесной со строгимъ заповѣданіемъ молчанія. Эта чудная отроковица была всегда погружена въ ничѣмъ не разсѣивающуюся молитву и во всемъ была руководствуема самимъ о. Серафимомъ. Какъ примѣръ ея безусловнаго послушанія рассказывали, что разъ при вопросѣ родной сестры ея Прасковьи Семеновны о какомъ-то Саровскомъ монахѣ, она удивленно и ребячески невинно спросила: «А какіе видомъ-то монахи, Параша, на батюшку, что-ли похожи?». Удивленная, въ свою очередь, вопросомъ сестры,

Прасковья Семеновна отвѣтила ей: «Вѣдь ты такъ часто ходишь въ Саровъ, развѣ не видала, что спрашиваешь?». «Нѣтъ, Парашенька, сказала смиренно Марія Семеновна, вѣдь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафимъ мнѣ приказалъ никогда не глядѣть на нихъ, и я такъ навязываю платокъ на глаза, чтобы только видѣть у себя подъ ногами дорогу». Вотъ какова была эта юная подвижница, прожившая всего 6 лѣтъ въ обители и 19-ти лѣтъ отъ рожденія мирно и тихо отошедшая ко Господу (21 августа 1829 г.)»...

...«Батюшка о. Серафимъ пожелалъ ей дать отъ себя гробъ, дубовый, круглый, выдолбленный. За нимъ поѣхала Прасковья Семеновна съ Акулиною Васильевною. Сестра Прасковья Семеновна была сильно огорчена и батюшка принялъ ее отечески, обласкалъ и пріободрилъ. Затѣмъ сложивъ вмѣстѣ руки Прасковьи Семеновны и Акулины Васильевны, онъ имъ сказалъ: «Вы будете теперь родныя сестры, а я вамъ отецъ, духомъ васъ породилъ! Марія же схимонахиня Марѳа, я ее посхимилъ! У нея все есть: схи́ма и мантия и камилавочка моя, во всемъ этомъ ее и положите! А вы не унывайте, матушка, произнесъ о. Серафимъ, обращаясь къ Прасковьѣ Семеновнѣ, ея душа въ Царствіи небесномъ и близъ Святой Троицы у престола Божія и весь родъ вашъ по ней спасенъ будетъ!»

О. Серафимъ всѣхъ, кто только приходилъ въ эти дни къ нему, посылалъ въ Дивѣевъ монастырь на похороны Маріи Семеновны. Когда прибылъ къ батюшкѣ родной братъ Маріи Семеновны,

Иванъ, который также ѣздилъ на похороны сестры, зорко осмотрѣвъ знакомаго ему Ивана Семеновича, тотъ вдругъ сказалъ: «Да развѣ ты братъ Маріи?» «Да», батюшка, отвѣтилъ онъ. И еще вторично глядя на него, спросилъ батюшка: «Ты родной братъ Маріи?» «Да, батюшка», опять отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ. Послѣ этого старецъ долго, долго думалъ и, еще пристальнѣе взглянувъ на стоящаго передъ нимъ Ивана, вдругъ сдѣлался такъ радостенъ и свѣтелъ, что отъ лица его какъ-бы исходили лучи солнечные и Иванъ долженъ былъ закрыться отъ о. Серафима, не будучи въ состояніи смотрѣть на него. Затѣмъ батюшка воскликнулъ: «Вотъ радость моя! Какой милости снадобилась она отъ Господа! Въ царствіи Небесномъ у престола Божія, близъ Царицы небесной со святыми дѣвами предстоить! Она за весь вашъ родъ молитвенница! Она схимонахиня Марѳа, я ее постригъ. Бывая въ Дивѣевѣ, никогда не проходи мимо, а припадай къ могилкѣ, говоря: «Госпоже и мати наша Марѳо, помяни насъ у престола Божія во царствіи небесномъ!» (45).

Благодатня властность святого старца выразилась въ участіи его въ основаніи монастырей, обителей, церквей, въ ихъ процвѣтаніи, «благостояніи». Тутъ и прозорливость его и даръ чудотворный сказался во всемъ блескѣ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ поставимъ, конечно, Серафимо-Дивѣевскій, женскій монастырь (двѣнадцать верстъ отъ Саравской обители).

Основанный въ 1780 г. Агаѳеѳею Семеновной

Мельгуновой (въ иночествѣ мать Александра), онъ какъ-бы весь напитанъ духомъ и направле-ніемъ великаго подвижника, вслѣдствіе чего можетъ считаться его дѣтищемъ. Преп. Серафимъ, будучи еще іеродіакономъ участвовалъ въ пред-смертномъ соборованіи матери Александры, со-вершенномъ саровскими старцами о. о. Пахо-міемъ и Исаіей. О. Пахомію передала она заботу о своихъ послушницахъ, а послѣдній, передъ своей кончиной, поручилъ ихъ попеченію преп. Серафима (это было въ ноябрѣ 1794 г.).

Преподобный былъ исполненъ глубокаго ува-женія къ первоначальницѣ, матери Александрѣ и въ значительной мѣрѣ на долю почитанія памяти этой замѣчательной подвижницы конца 18-го вѣка надо отнести участіе, принятое препо-добнымъ въ начатомъ ею дѣлѣ.

Но такъ какъ преподобный не считалъ ду-ховно-полезнымъ постоянное общеніе сестеръ-дѣвицъ съ сестрами, бывшими въ замужествѣ, то онъ раздѣлилъ обитель на два отдѣленія. Осно-ваніе второго отдѣленія (для дѣвицъ) соверши-лось на мѣстѣ указанномъ преп. Серафиму Бо-жіей Матерью. Приказавъ обнести это мѣсто (въ ста саженьяхъ отъ Казанской церкви первой общины основанной м. Александрой) канавой и валомъ, онъ же повелѣлъ поставить тамъ вѣт-ряную мельницу о двухъ поставахъ для питанія Дивѣевской общины («Мельница-Питательни-ца»). Съ благословенія Божіей Матери основалась такимъ образомъ «Серафимова Дѣвичья Мель-ничная Община». Преп. Серафимъ сказалъ, что

сама Царица Небесная назвала Себя Верховной ея Игуменьей и указала весь укладъ.

«Самое это мѣсто, гдѣ теперь канавка, ровное и хорошее было мѣсто, и на немъ-то и приказывалъ батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во вѣки вѣковъ для всѣхъ тропа, коею прошла Матерь Божія, Царица Небесная, въ удѣлъ свой, взявъ Дивѣево» (46). Въ той же «Лѣтописи» имѣется рассказъ о. Василия Садовскаго объ этой канавкѣ: «Много чуднаго говорилъ батюшка Серафимъ объ этой канавкѣ. Такъ, что канавка эта — стопочки Божіей Матери. Тутъ ее обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до небесъ высока. Землю эту взяла въ удѣлъ Сама Госпожа Пречистая Богородица. Тутъ у меня, батюшка, и Аeonъ, и Кіевъ, и Іерусалимъ! И какъ Антихристъ придетъ, вездѣ пройдетъ, а канавки этой не перескочить!» (47). Подобное же передаетъ и сестра Ксенія, въ монашествѣ Капитолина: «О канавкѣ говорилъ мнѣ батюшка, да и всѣмъ говорилъ, потому что она такъ вырыта, что эта самая тропа, гдѣ прошла Царица Небесная, взявъ въ удѣлъ Себѣ обитель. Тутъ стопочки Царицы Небесной прошли... стопочки Царицы Небесной, матушка!» (48). О самой общинѣ преп. Серафимъ говорилъ: «Царица Небесная Сама ей Игуменья. Сама Матерь Божія обителью управить, всему Она Сама научить, все устроить и укажетъ... все, все Сама совершить, какъ Ея токмо единой волѣ здѣсь-то угодно! Вотъ, на что я, батюшка, отцомъ называюсь имъ, гляди! Исповѣдую тебѣ и Богомъ свидѣтельству-

юсь, что ни одного камешка я по своей волѣ у нихъ не поставилъ, ниже слова единого отъ себя не сказалъ имъ, и не единую изъ нихъ не принималъ я по желанію своему, противъ воли Царицы Небесной! А коли я убогій, которому Сама Матерь Божія поручила ихъ, не соизволилъ своего и своему, выполняя лишь только святѣйшія приказанія Ея, колыми паче другимъ надлежитъ то, батюшка»... (49).

Въ 1842 г. произошло соединеніе общинъ Казанской (основанной матерью Александрой) и Мельничной — основанной преподобнымъ. Новая община стала называться Серафимо-Дивѣвской.

Къ началу 20 вѣка Серафимо-Дивѣвскій монастырь пышно расцвѣлъ; строгость же его уклада, равно какъ и благолѣпіе и чистота стилия вполнѣ соотвѣтствовали большому культурному значенію.

Въ главномъ предѣлѣ собора св. Троицы этой обители находятся двѣ драгоцѣннѣйшія святыни: икона Божьей Матери «Умиленіе» (передъ которой преподобный почилъ) и икона «Нерукотвореннаго образа Спаса», чрезвычайно древняя (болѣе 700 лѣтъ) русская національная святыня, сопровождавшая русскія войска во многихъ походахъ и битвахъ. Кромѣ того, въ оградѣ монастыря находятся также очень цѣнныя реликвіи: заключенныя въ три деревянныхъ футляра домика: ближняя «пустынька» (хижина) преп. Серафима, келія матери Александры и келія старицы Пелагій Ивановны (Серебрянниковой), Христа ради юродивой (ум. въ 1884 г.).

Такъ же хранятся и нѣкоторые предметы, оставшіеся послѣ святого. Въ монастырѣ съ любовію хранять и соблюдаютъ завѣты преподобнаго, сохраняя память о немъ до мельчайшихъ подробностей.

Къ обителямъ, привлечшимъ вниманіе и молитву преподобнаго надо отнести Ардатовскій Покровскій женскій монастырь (основанъ въ 1810 г. Вассой Дмитріевной Полуховой) и Спасо-Зеленогорскій женскій монастырь. Относительно послѣдняго слѣдуетъ замѣтить, что онъ возникъ на мѣстѣ существовавшей съ 1653 г. и упраздненной въ 1764 антицерковной дѣятельностью имп. Екатерины II, обители. Кромѣ того благословеніемъ преподобнаго основана Знаменская Курихинская женская община (въ 1826 г.) на мѣстѣ подвиговъ пустыниці Анастасіи Логачевой (въ иночествѣ Аеанасіи). На подвигъ пустынножителства этой подвижницы преподобный призвалъ благословеніе Божіей Матери и далъ знаменіе: поселиться тамъ, гдѣ она ощутитъ запахъ курящагося ладана. Ей онъ посоветовалъ, между прочимъ, носить вериги для умерщвленія плоти.

Черезъ него Божія Матерь, Приснодѣва, Начальница цѣломудрія, Верховная Игуменья простирала Свой покровъ и на сестеръ — дѣвъ, собиравшихся во Имя Ея Сына — Верховнаго Строителя и Настоятеля.

Въ 1832 году посѣтилъ о. Серафима блаженный старецъ Тимонь, жившій, какъ извѣстно въ Надѣвской пустыни и не издавшій своего

духовнаго наставника и учителя болѣе двадцати лѣтъ. Въ весеннее время, пѣшій пришелъ онъ въ Саровскую пустынь и, добравшись до келіи о. Серафима, ожидалъ сладостной минуты увидѣть его. Но о. Серафимъ не допускалъ его до себя. На этотъ разъ онъ принималъ всѣхъ. Всѣ безпрепятственно входили къ нему, и мужи и жены: одному Тимону закрыть былъ входъ и онъ тщетно простоялъ у келіи до самаго вечера. Наконецъ было благословлено и ему войти въ келію... «Азь-же — говоритъ старецъ Тимонъ — взошедши, падохъ ему въ ноги, и отъ радости много плакалъ, что черезъ много лѣтъ сподобился видѣть еще его въ живыхъ и сказалъ ему: «Отче святой! за что вы на меня, грѣшнаго, прогнѣвались и цѣлый день меня до себя не допускали?». Онъ же меня посадилъ и началъ говорить: «Нѣтъ, не тако, отче Тимоне! азь тебя люблю; но это я сдѣлалъ потому, что ты монахъ, да еще пустынножитель, потому долженъ ты имѣть терпѣніе; да еще испытывалъ тебя, чему ты научился, живши столько лѣтъ въ пустыни: не пустой ли ты изъ нея вышелъ? А прочіе люди — мірскіе, да еще и больные: ихъ надобно прежде полѣчить и отпустить: ибо *здравию врача не требуютъ, но болящии*, какъ Господь сказалъ. А съ тобой надобно при свободномъ времени больше побесѣдовать». И тако съ нимъ всю ночь препроводили въ бесѣдѣ».

О. Серафимъ далъ ему, между прочимъ, слѣдующее наставленіе: «сѣй, отецъ Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на бѣлой

землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣ-нибудь прозябнетъ и возрастетъ и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего господина; но отдавай его торжникамъ: пусть куплю дѣлаютъ. Еще скажу тебѣ отче Тимоне: не води дружбы и не имѣй союза съ врагами Христовой Церкви»... (50).

О прислуживаніи Церкви и поведеніи въ ней—слова обращенныя къ Ел. Вас. Мантуровой и ея послушницѣ Ксеніи Васильевнѣ:

«Нѣтъ пече послушанія, какъ послушаніе церкви! и если токмо тряпochкою притерешь полъ въ дому Господнемъ, превыше всякаго другого дѣла поставится у Бога! Нѣтъ послушанія выше церкви! И все, что ни творите въ ней и какъ входите и исходите, все должно творить со страхомъ и трепетомъ и никогда не престающею молитвою и никогда въ Церкви, кромѣ необходимо должнаго же церковнаго и о церкви ничего не должно говориться въ ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви! И кого бо токмо убоимся въ ней и гдѣ же и возрадуемся духомъ, сердцемъ и всѣмъ пониманіемъ нашимъ, какъ не въ ней, гдѣ самъ Владыко Господь нашъ, съ нами всегда соприсутствуетъ!» Говоря это, батюшка сіялъ отъ восторга неземною радостію. (51).

ГЛАВА VI.

УЧЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА.

Говоря объ ученіи преподобнаго Серафима, мы должны перенестись мыслью къ тѣмъ временамъ, когда богословіе являлось плодомъ подвига, озареннаго созерцаніемъ высочайшихъ тайнъ. Начиная съ ап. Іоанна Богослова «ученика, котораго любилъ Іисусъ», и кончая такими свѣтилами богословской мысли, какъ Григорій Назіанзинъ, Василій Великій, Григорій Нисскій, Максимъ Исповѣдникъ, Симеонъ Новый Богословъ и др. — всѣ основоположники и излагатели христіанскаго любомудрія прежде всего подвижники.

Для преп. Симеона Новаго Богослова богословствованіе неразрывно связано съ мистическимъ созерцаніемъ Любви-Бога, ибо Богъ «наименовался и есть самосушая и впостасная любовь». Созерцаніе это Григорій Богословъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я люблю Христа, не знаю мѣры въ сей любви и хвалюсь ею».

«Христе Царю! Ты мое отечество, моя крѣпость, мое блаженство, мое все!».

Подобныя же выраженія любящаго созерцанія встрѣчаемъ у преп. Симеона Новаго Богослова:

«Я уязвленъ любовію къ Нему и доколѣ не получу Его, сокрушаюсь духомъ и истаеваю»...

«Оставьте меня одного, я не хочу болѣе видѣть свѣтъ міра сего, ибо я вижу Господа моего... Дозвольте мнѣ не только запереть келью и сидѣть внутри ея, если я даже вырвыши яму, сокроюсь тамъ, и буду проводить жизнь внѣ всего міра, созерцая безсмертнаго Создателя и Господа, желая умереть изъ-за любви къ Нему»

Изъ приведенныхъ текстовъ знаменитыхъ отцовъ церкви, удостоившихся наименованія «богослововъ», мы видимъ, что въ основѣ богословствованія правильнаго, благочестиваго и соразмѣрнаго лежитъ прежде всего любовь. Необходимо вспомнить также, что наиболѣе философское и наиболѣе «богословское» Евангеліе принадлежитъ апостолу любви Іоанну. Настроеніе обоихъ богослововъ—крайне напряженная аскеза. Она-то и выращиваетъ избытокъ любомудрія. «Любомудрствовать о Бсгѣ можно не всякому, это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающимся по землѣ» — вѣщаетъ Григорій Богословъ. Согласно Назіанзину, какъ говоритъ іеромонахъ Пантелеймонъ, «предварительно надо преодолѣть въ человѣкѣ вещественное, надо онистить слухъ и мысли. Безъ этого не безопасно вдаваться въ богословствованіе». Святитель говоритъ съ ироніей о скороспѣломъ богословствованіи, и особенно возстаєтъ противъ

тѣхъ, которые «составили изъ нечестія науку». Вотъ совѣтъ Григорія Богослова желающимъ стать богословами: «Хочешь со временемъ стать богословомъ? соблюдай заповѣди и не выступай изъ повелѣній. *Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію*». Для богослова необходимо «имѣть руководителемъ Духа»... Только при содѣйствіи Его «можно... о Богѣ мыслить и говорить и слушать». Такимъ образомъ, для того, чтобы стать богословомъ, необходимо «очищеніе себя, соблюденіе заповѣдей, созерцаніе и руководство Духа Святого, возможное, конечно, только въ Церкви» (52).

О немъ, объ этомъ пути впервые ясно говорить преподобный Серафимъ и сіяніемъ лика своего подтверждаетъ правду свидѣтельства: «тогда праведники просвѣтятся, какъ солнце»...

Издавна кругъ считается-символомъ вѣчности. Логически «разрѣшить» его невозможно. Остается только одно: включиться въ него, войти въ него — и въ этомъ кругу вѣчности самому стать вѣчнымъ и блаженнымъ. Преподобный Серафимъ не «разрѣшаетъ» только что упомянутого круга «неизглаголанной тайны», и, тѣмъ болѣе, не разрываетъ его... онъ становится внутри его — данъ ему доступъ — и кругъ изъ непроходимой ограды превращается въ сіяющее окруженіе, въ вѣнецъ вѣчнаго блаженства и вѣчной славы.

У этого подвижника, какъ въ житіи, такъ и въ богословіи — благочестіи — древняя вѣра, древніе пути и — новыя достиженія, новыя слова

и дѣла, новыя знаменія. Впрочемъ вѣчное и есть новое. А истинное новое — вѣчное.

Здѣсь опять проступаетъ и выясняется особое отношеніе Преподобнаго къ Божіей Матери.

Приснодѣва Марія есть начало обновленія («радуйся, Ею же обновляется тварь!»). Силою Святого Духа и Личнымъ Своимъ подвигомъ, Она стала «неопалимой купиной», горящей огнемъ *вѣчнаго Богорожденія*, которое и есть обновленіе («безсѣменнаго зачатія Рождество несказанно есть Матере безмужнія нетлѣнень плодъ, Божіе бо рожденіе обновляетъ естество»).

Божія Мать есть Человѣкъ-Тварь (и въ ней идеальное Человѣчество) прежде Страшнаго Суда получившее предѣльное прославленіе. Въ силу этого Ея образъ есть знаменіе удавшагося міра, символъ «наилучшаго изъ всѣхъ возможныхъ міровъ», — символъ и душа вѣчно новой Твари, въ Которой Богъ «всяческая всѣхъ». Отворачиваться отъ Нея значитъ отвариваться отъ своего нуменальнаго, нетлѣннаго, подлежащаго оправданію и блаженству; отходить отъ Нея — значитъ лишать себя Дара Духа святого — истинно человѣческаго, т. е. вѣчно новаго, нетлѣннаго и духоноснаго, значитъ лишить себя Бога «веселящаго юность» и обнавляющаго ее «яко орля». Лишиться ея — значитъ подсѣчь себѣ орлиныя крылья.

Поэтьму отношеніе преп. Серафима къ Божіей Матери есть образъ отношенія къ Ней всякаго, жаждущаго оправданія и блаженства. Объ этомъ отношеніи надо радоваться, какъ о какомъ-то

неслыханно-богатомъ даръ всему Человѣчеству, вложенному «Всемирной Славой» въ чистыя руки праведника. Это есть образъ вѣчнаго блаженства. Ибо Божія Матерь и есть Вѣчное Блаженство («сія бо явися Небо и Храмъ Божества»). Само Блаженство въ конкретномъ выраженіи и воплощеніи: «О тебѣ радуется (т. е. блаженствуетъ), Благодатная, всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣчeskій родъ».

Ставь ученикомъ Божіей Матери (а такимъ мы можемъ назвать преподобнаго Серафима, ибо важнѣйшіе моменты его жизни опредѣлялись Ея посѣщеніями и велѣніями), великій святой могъ постигнуть то, что открыла ему исходящая отъ Отца Сила — особымъ образомъ и въ высочайшей степени почившая на «Госпожѣ Владычицѣ»... Вмѣстѣ же съ этимъ постиженіемъ «Сокрытой Тайны» дано было ему узнать еще на землѣ «вѣчное блаженство», «райскую сладость». И не только самому узнать, но и сдѣлать ея соучастниками и свидѣтелями обыкновенныхъ, только добрыхъ и вѣрующихъ людей. Послѣднее полно глубочайшаго смысла. Даръ Божіей Матери преподобному былъ дѣйствительно даромъ для всѣхъ.

Здѣсь какой-то выходъ изъ традиціонныхъ рамокъ (потому что онѣ добросовѣстно и любовью пройдены), веселая, радостная, счастливая наука, на гранитной основѣ Церкви и Ея преданій.

Признакомъ этой вѣчно обновляемой новизны, того что ап. Павелъ называетъ «многообраз-

ной» (собств. многоцвѣтной) Премудростью Божіей» (Ефес. III, 10) является еще и то, что у преп. Серафима не было учениковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ и онъ самъ, въ томъ же смыслѣ, никогда не былъ учителемъ (отъ всѣхъ настоятельскихъ мѣстъ онъ всегда наотрѣзь отказывался).

И благодаря, быть можетъ, этому, онъ одухотворилъ облагодѣтельствоваль многія тысячи и сталъ свѣтильникомъ русской церкви, выразившимъ черезъ нее стихію православія. «Наставникомъ монаховъ» онъ сталъ, потому что былъ «собесѣдникомъ ангеловъ».

И тѣмъ не менѣе, повторяемъ, никто не можетъ назваться его ученикомъ. Даже Н. А. Мотовиловъ, удостоившійся принять его откровеніе о Св. Духѣ и видѣнія его въ сіяющей славѣ, называлъ себя не болѣе какъ служкою преподобнаго. И это не было только смиреніемъ или скромностью.

Въ области Святого Духа ни науки, ни учительства быть не можетъ. Можетъ быть лишь духоносный образъ отъ созерцанія котораго начинается сіять и блаженствовать и самъ созерцающій. Мы знаемъ такой неизреченный образъ среди Таинствъ Церковныхъ это — Евхаристія, таинство и тайна, тайна абсолютно духовная, Рай на землѣ, трапеза Новаго Іерусалима. Евхаристіи не научаются, ее принимаютъ, ея приобщаются. Такъ же и отъ духовнаго образа. «Почуенія» же (такъ же какъ и подвигъ) — ступени.

Свѣтлый, радостный «сладкій для видѣнія» ликъ подвижника, изнурявшаго себя сверхчеловѣческой аскезой есть знаменіе вѣчныхъ сверхчеловѣческихъ радостей. Пѣніе имъ передъ своимъ отшествіемъ пасхальныхъ пѣсенъ менѣе всего означаетъ только индивидуальныя особенности его молитвенныхъ приемовъ. Пасхальная радость преподобнаго — это радость «Побѣды побѣдившей міръ» — вѣчная радость, «которой никто не отниметь», радость, въ лучахъ которой «скучныя пѣсни земли» просто умолкаютъ и забываются.

Говоря о наставленіяхъ, поученіяхъ и богословскихъ размышленіяхъ, оставленныхъ преподобнымъ, необходимо имѣть въ виду, что они выражаютъ прежде всего церковную святость, внѣ которой нѣтъ подлинно цѣннаго.

Острая, исключительная память и неустанное прилежаніе, помогли ему овладѣть священнымъ Писаніемъ, святоотеческой житійной и аскетической литературой въ небывалыхъ размѣрахъ. Про него можно было сказать, что онъ былъ какъ бы упитанъ святой письменностью и благочестивымъ преданіемъ, и это до такой степени, что малѣйшій изгибъ его собственной, всегда творческой и оригинальной мысли какъ плющемъ обвивался свидѣтельствомъ отъ Писанія и св. Отцовъ. Если присоединить къ этому необыкновенный даръ слова, который вообще лучше всего охарактеризовать словами философа, какъ «способность обыкновеннымъ языкомъ говорить необыкновенныя вещи» — то можно сказать, что

преподобный представлялъ пластическій и богатый матеріаль для формировація его силой Духа въ образъ «доброты древней», надмірной красоты... Заданіе его жизни было выполнено: духовно-прекрасная личность была сформирована и Духъ не замедлилъ осіять ее вѣчной славой въ залогъ вѣчной и святой памяти. Отъ преподобнаго Серафима осталось мало написаннаго, да и это малое оказалось значительно ретушированнымъ. Но и въ такомъ видѣ оставшееся представляетъ неоцѣнимое сокровище: сказанное имъ «на ухо» было возвышено и возвышается «съ кровель».

Важнѣйшій же моментъ его ученія — ученіе о Святомъ Духѣ и о цѣли христіанской жизни было воспроизведено и записано исцѣленнымъ имъ Н. А. Мотовиловымъ, человѣкомъ, какъ мы уже сказали образованнымъ, умнымъ и большой духовности.

* *

*

Записки Николая Александровича Мотовилова пролежали въ Дивѣевскомъ монастырѣ болѣе 60 лѣтъ. Въ 1902 г. С. А. Нилусъ получилъ ихъ отъ старицы Елены Николаевны, вдовы Мотовилова. И съ разрѣшенія игуменьи Маріи С. А. Нилусъ опубликовалъ ихъ въ 1903 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (іюль) подъ заглавіемъ: «Духъ Божій явно почившій на отцѣ Серафимѣ Саровскомъ въ бесѣдѣ его о цѣли христіанской жизни». Впослѣдствіи онѣ были перепечатаны

г. Л. Денисовымъ въ его «Житіи преп. Серафима Саровскаго». Этимъ же текстомъ С. А. Нилуса воспользовался о. П. Флоренскій въ своей книгѣ «Столпъ и утвержденіе истины» (М. 1914 «Письмо пятое»).

Мотовиловъ пишетъ:

— Это было въ четвергъ. День былъ пасмурный. Снѣгу было на четверть на землѣ, а сверху порошила довольно густая, снѣжная крупа, когда батюшка отецъ Серафимъ началъ бесѣду со мной на ближней пожнинкѣ своей, возлѣ той же его ближней пустыньки, противъ рѣчки Саровки, у горы, подходящей близко къ берегамъ ея.

Помѣстилъ онъ меня на пнѣ только что срубленнаго имъ дерева, а самъ сталъ противъ меня на корточкахъ.

— Господь открылъ мнѣ, — сказалъ великій старецъ, — что въ ребячествѣ вашемъ вы усердно желали знать, въ чемъ состоитъ цѣль жизни нашей, христіанской, и у многихъ великихъ духовныхъ особъ вы о томъ неоднократно спрашивали...

Я долженъ сказать тутъ, что съ 12-лѣтняго возраста, меня эта мысль неотпустимо тревожила, и я, дѣйствительно, ко многимъ изъ духовныхъ лицъ обращался съ этимъ вопросомъ, но отвѣты ихъ меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвѣстно.

— Но никто, — продолжалъ отецъ Серафимъ, — не сказалъ вамъ о томъ опредѣлительно. Говорили вамъ: ходи въ церковь, молись Богу, твори заповѣди Божіи, твори добро — вотъ тебѣ и

цѣль жизни христіанской. А нѣкоторые даже негодовали на васъ, за то что вы заняты не богоугоднымъ любопытствомъ и говорили вамъ: вышихъ себя не ищи. Но они не такъ говорили, какъ бы слѣдовало. Вотъ я, убогій Серафимъ, растолкую вамъ теперь, въ чемъ дѣйствительно эта цѣль состоитъ.

Молитва, постъ, бдѣніе, и всякія другія дѣла христіанскія, сколько ни хороши они сами по себѣ, однако, не въ дѣланіи только ихъ состоитъ цѣль нашей христіанской жизни, хотя они и служатъ необходимыми средствами для достиженія ея. Истинная же цѣль нашей христіанской жизни состоитъ въ стяжаніи Духа Святого Божіяго. Забудьте, батюшка, что лишь только ради Христа дѣлаемое доброе дѣло приноситъ намъ плоды Святого Духа. Все же не ради Христа дѣлаемое, хотя и доброе, но мзды въ жизни будущаго вѣка намъ не представляетъ да и въ здѣшней жизни благодати Божіей тоже не даетъ. Вотъ почему Господь Иисусъ Христосъ сказалъ: «всякъ иже не собираетъ со Мною, той расточаетъ». Доброе дѣло нельзя иначе назвать, какъ собираніемъ, хотя оно и не ради Христа дѣлается, однако же добро. Писаніе говоритъ: «во всякомъ языцѣ бойся Бога и дѣлай правду, пріятель ему есть». И какъ видимъ изъ послѣдовательности священнаго повѣствованія, этотъ дѣлай правду до того пріятель Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и дѣлавшему правду, явился ангелъ Господень во время молитвы его и сказалъ: «пошли въ Іоппію къ Симону усмарю,

тамо обрящещи Петра и той ти речеть глаголы живота вѣчнаго, въ нихъ спасешися ты и весь домъ твой».

Итакъ, Господь всѣ свои Божественныя средства употребляетъ, чтобы доставить такому человѣку за свои добрыя дѣла не лишиться награды въ жизни накибытія. Но для этого надо начать здѣсь правою вѣрою въ Господа нашего Іисуса Христа, сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшныхъ спасти и приобрѣтаніемъ себѣ благодати Духа Святого, вводящаго въ сердца наши царствіе Божіе и прокладывающаго намъ дорогу къ приобрѣтенію блаженства жизни будущаго вѣка. Но тѣмъ и ограничивается эта пріятность Богу дѣлъ добрыхъ, не ради Христа дѣлаемыхъ. Создатель намъ даетъ средства на ихъ осуществленіе. За человѣкомъ же остается осуществить ихъ, или нѣтъ. Вотъ почему Господь сказалъ Евреямъ: «аще не бысте видѣли, грѣха не бысте имѣли. Нынѣ же глаголите — видимъ, и грѣхъ вашъ пребываетъ на васъ». Воспользуется человѣкъ, подобно Корнилию пріятностію Богу дѣла своего, не ради Христа сдѣланнаго, и увѣруетъ въ Сына Его, то и такого ради дѣло вмѣнится ему, какъ ради Христа сдѣланное, только за вѣру въ Него. Въ противномъ же случаѣ, человѣкъ не въ правѣ жаловаться, что добро его не пошло въ дѣло. Этого не бываетъ никогда, только при дѣланіи какого-либо добраго дѣла Христа ради, ибо добро ради Него сдѣланное, не только въ жизни будущаго вѣка вѣнецъ правды ходатайствуетъ, но и въ здѣшней жизни пре-

исполняетъ челоуѣка благодати Духа Святаго, и притомъ какъ сказано: «не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа Святаго, Отець бо любитъ Сына и все даетъ въ руцѣ Его».

Такъ-то, ваше Боголюбіе! Такъ въ стяжаніи этого-то Духа Божіяго и состоитъ истинная цѣль нашей жизни христіанской, а молитва, бдѣніе, постъ, милостыня и другія ради Христа дѣлаемыя добродѣтели только средства къ стяжанію Духа Божіяго».

— Какъ же стяжаніе? — спросилъ я батюшку Серафима: я что-то не понимаю.

— Стяжаніе все равно, что приобрѣтеніе — отвѣчалъ мнѣ онъ: — вѣдь вы разумѣете, что значить стяжаніе денегъ. Такъ все равно и стяжаніе Духа Божіяго. Вѣдь вы, ваше Боголюбіе, понимаете, что такое въ мірскрмъ смыслѣ стяжаніе? Цѣль жизни мірской обыкновенныхъ людей есть стяжаніе денегъ, а у дворянъ сверхъ того — полученіе почестей, отличій и другихъ наградъ за государственныя заслуги. Стяжаніе Духа Божія есть тоже капиталъ, но только благодатный и вѣчный, и онъ, какъ денежный, чиновный и временный, приобрѣтается почти одними и тѣми путями, очень сходственными другъ съ другомъ.

Богъ Слово, Господь нашъ Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ уподобляетъ жизнь нашу торжищу и дѣло жизни нашей на землѣ именуется куплею и говоритъ всѣмъ: «купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дніе лукави суть», — то-есть выгадывайте время для полученія не-

бесныхъ благъ черезъ земные товары. Земные товары — это добродѣтели, дѣлаемая Христа ради, доставляющія намъ благодать Все-святаго Духа, безъ Котораго и спасенія никому нѣтъ и быть не можетъ, ибо: «Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется тройческимъ единствомъ священно-тайнъ». Самъ Духъ Святой вселяется въ души наши и это самое вселеніе въ души наши Его, Вседержителя, и сопребываніе съ духомъ нашимъ Его Тройческаго Единства и даруется намъ лишь черезъ всемѣрное съ нашей стороны стяжаніе Духа Святаго, которое и предуготовляетъ въ душѣ и плоти нашей престолъ Божіему Все-творческому съ духомъ нашимъ сопребыванію, по непреложному слову Божіему: «вселюся въ нихъ и похожду и буду имъ въ Бога, и тиі будутъ людіе Мои». Конечно, всякая добродѣтель, творимая ради Христа, даетъ благодать Духа Святаго, но болѣе всего даетъ молитва, потому что она какъ-бы всегда въ рукахъ нашихъ, какъ орудіе для стяженія благодати Духа. Захотѣли бы вы, на примѣръ, въ Церковь сходить, да либо Церкви нѣтъ, либо служба отошла; захотѣли бы нищему подать, да нишаго нѣтъ, либо нечего дать; захотѣли бы дѣвство соблюсти, да по сложенію вашему или по усиліямъ вражескихъ козней, которымъ вы по немощи человѣческой, противостоятъ не можете, силъ нѣтъ этого исполнить; захотѣли бы и другую какую добродѣтель ради Христа сдѣлать, да тоже силъ нѣтъ, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже

это никакъ не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бѣдному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведному, и грѣшнику. Велика сила молитвы, и она болѣе всего приноситъ Духа Божіяго и ее удобнѣе всего всякому исправлять. Молитвою мы съ Всеблагимъ и Животворящимъ Богомъ и Спасомъ нашимъ бесѣдовать удостоиваемся, но и тутъ надобно молиться лишь до тѣхъ поръ, пока Богъ Духъ Святой не сойдетъ на насъ въ извѣстныхъ Ему мѣрахъ небесной Своей благодати. И когда благоволитъ Онъ посѣтить насъ, то надлежитъ уже перестать молиться. Чего же молиться тогда Ему: «прійди, и вселися въ ны и очисти ны отъ всякіе скверны, и спаси, Блаже, души наши», когда уже пришелъ Онъ къ намъ, воеже спасти насъ, уповающихъ на него и призывающихъ Имя Его святое во истинѣ, то есть съ тѣмъ, чтобы смиренно, и съ любовью встрѣтить Его, Утѣшителя, внутрь храминъ душъ нашихъ, алчущихъ и жаждующихъ Его пришествія.

— Ну, а какъ же, батюшка, быть съ другими добродѣтелями, творимыми ради Христа для стяженія благодати Духа Святаго? Вѣдь вы мнѣ только о молитвѣ говорить изволите.

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всѣми другими, ради Христа, добродѣтелями торгуйте тѣми изъ нихъ, которыя вамъ большій прибытокъ даютъ. Собирайте капиталъ благодатныхъ избытковъ благодати Божіей, кладите ихъ въ ломбардъ вѣчный Божій и не по четыре

или по шести на сто, но по сту на одинъ рубль духовный, но даже еще того въ безчисленное разъ больше. Примѣрно: дасть вамъ болѣе благодати Божіей молитва и бдѣніе, бдите и молитесь; много даетъ Духа Божіяго постъ, поститесь; болѣе даетъ милостыня, милостыню творите, и такимъ образомъ, о всякой добродѣтели, дѣлаемой Христа ради, разсуждайте.

Такъ и извольте торговать духовно добродѣтелю. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующимъ, по примѣру свѣщи возженной, которая и сама свѣтитъ, горя земнымъ огнемъ и другія свѣщи, не угашая своего собственнаго огня, зажигаетъ во свѣтлѣніе всѣхъ въ другихъ мѣстахъ. И если это такъ въ отношеніи земного огня, то что мы скажемъ объ огнѣ благодати Всесвятаго Духа Божія?!

— Батюшка, — сказалъ я, — вотъ вы все изволите говорить о стяжаніи благодати Духа Святаго, какъ о цѣли христіанской жизни, но какъ же и гдѣ я могу ее видѣть? Добрыя дѣла видны, а развѣ Духъ Святой можетъ быть виденъ? какъ же я буду знать, со мной Онъ или нѣтъ?

— Мы въ настоящее время, — такъ отвѣчалъ старецъ, — по нашей почти всеобщей холодности къ святой вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа и по невнимательности нашей къ дѣйствию Его Божественнаго о насъ промысла и общенія челоуѣка съ Богомъ до того дошли, что можно сказать, почти вовсе удалились отъ истинной христіанской жизни. Намъ теперь кажутся стран-

ными слова священнаго писанія, когда Духъ Божій устами Моисея говорилъ: «и видѣ Адамъ Господа, ходящаго въ рай» или же когда читаемъ у апостола Павла: «идохомъ въ Ахаію и Духъ Божій иде съ нами». Неоднократно и въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія говорится о явленіи Бога человѣкамъ.

Вотъ нѣкоторые и говорятъ: «эти мѣста непонятны, неужели люди такъ очевидно могли видѣть Бога?» А непонятнаго тутъ ничего нѣтъ. Произошло это непониманіе отъ того, что мы удалились отъ простора первоначальнаго христіанскаго вѣдѣнія и, подъ предлогомъ просвѣщенія зашли въ такую тьму невѣдѣнія что, намъ уже кажется неудобопостижимо то, о чемъ древніе до того ясно разумѣли, что имъ и въ обыкновенныхъ разговорахъ понятіе о явленіи Богу не казалось страннымъ. *Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во снѣ видѣли и не въ мечтаніи, и не въ изступленіи воображенія разстроенаго, а истинно во яви.* Очень ужъ мы стали невнимательны къ дѣлу нашего спасенія, отчего и выходитъ, что мы и многія другія слова Священнаго Писанія приедемъ не въ томъ смыслѣ, какъ бы слѣдовало. А все потому, что не ищемъ благодати Божіей, не допускаемъ Ей по гордости ума нашего вселяться въ души наши, и потому не имѣемъ истиннаго просвѣщенія отъ Господа, посылаемаго въ сердца людей, всемъ сердцемъ ждущихъ и жаждущихъ правды.

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ изволилъ совершить все дѣло спасенія, по воскресеніи

Своемъ, дунулъ на апостоловъ, возобновивъ дыханіе жизни, утраченное Адамомъ, и даровалъ имъ эту самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божіяго. Въ день Пятидесятницы торжественно ниспослалъ Онъ имъ Духа Святаго въ дыханіи бурнѣ въ видѣ огненныхъ языковъ, на cadaго изъ нихъ сѣдшихъ и вошедшихъ въ нихъ и наполнившихъ ихъ силой огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостворно дѣйствующей въ душахъ, причащающейся Ея силѣ и дѣйствіямъ. И вотъ эту то самую огневодохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается намъ всѣмъ вѣрнымъ Христовымъ, въ таинствѣ Святаго Крещенія, запечатлѣваютъ въ главнѣйшихъ, указанныхъ Святою Церковью мѣстахъ нашей плоти, какъ вѣковѣчной хранительницѣ этой благодати. Говорится: «печать дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбіе, кладемъ мы, убогіе, печати свои, какъ не на сосуды, хранящіе какую-нибудь высокоцѣнную нами драгоценность. Что же можетъ быть выше всего на свѣтѣ и что драгоценнѣе Даровъ Духа Святаго, ниспосылаемыхъ намъ свыше въ таинствѣ крещенія, ибо крещенская эта благодать столь велика, и столь необходима, столь живоносна для человѣка, что даже отъ человѣка еретика не отъемлется до самой его смерти: то есть до срока обозначеннаго свыше по Промыслу Божіи для пожизненной пробы человѣка на землѣ — на что де онъ будетъ годенъ и что де онъ въ этотъ Богомъ ему дарованный срокъ, при помощи свыше дарован-

ной ему силы благодати, можетъ совершить. И если бы мы не грѣшили никогда послѣ крещенія нашего, то во вѣкъ пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми отъ всякія скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вотъ въ томъ то и бѣда, что мы, преуспѣвая въ возрастѣ, не преуспѣваемъ въ благодати и въ разумѣ Божіемъ, какъ преуспѣвалъ въ томъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, а напротивъ того, развращаясь мало по малу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божіяго и дѣлаемся въ многоразличныхъ мѣрахъ грѣшными и многогрѣшными людьми. Но когда кто будучи возбужденъ ищущею нашего спасенія Премудростію Божіею, рѣшится ради нея на утренневаніе къ Богу и бдѣніе ради обрѣтенія вѣчнаго своего спасенія, тогда тотъ, послушный гласу ея, долженъ прибѣгнуть къ истинному во всѣхъ грѣхахъ своихъ покаянію и къ совершенію противоположныхъ содѣяннымъ грѣхамъ добродѣтелей, а черезъ добродѣтели Христа ради къ пріобрѣтенію Духа Святаго, внутрь насъ дѣйствующаго и внутрь насъ царствіе Божіе устраивающаго. Благодать Духа Святаго, даруемая при крещеніи во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грѣхопаденія человѣческія, несмотря на тьму вокругъ души нашей, все-таки свѣтится въ сердцѣ искони бывшимъ Божественнымъ свѣтомъ безцѣнныхъ заслугъ Христовыхъ. Этотъ то Свѣтъ Христовъ, при обращеніи грѣшника на путь покаянія, совершенно изглаживаетъ и слѣды содѣянныхъ преступленій, одѣвая бывшаго преступ-

ника снова одеждой нетлѣнія, сотканной изъ благодати Духа Святаго о стяжаніи которой, какъ о цѣли жизни христіанской, я и говорю столько времени вашему Боголюбію.

Если скажу вамъ, чтобы вы еще яснѣе поняли, что разумѣть подъ благодатию Божіею и какъ распознать ее и въ чемъ особливо проявляется ея дѣйствіе въ людяхъ, ею просвѣщенныхъ. Благодать Духа Святаго есть свѣтъ, просвѣщающій человѣка. Господь неоднократно проявлялъ для многихъ свидѣтелей дѣйствіе благодати Духа Святаго тѣхъ людяхъ, которыхъ Онъ освящалъ и просвѣщалъ великими наитіями Его. Вспомните про Моисея послѣ бесѣды съ Богомъ на горѣ Синайской. Люди не могли смотрѣть на него — такъ сіялъ онъ необыкновеннымъ свѣтомъ, окружавшимъ его. Онъ даже принужденъ былъ являться народу не иначе какъ подъ покрываломъ. Вспомните преображеніе Господа на горѣ Фаворѣ.

«И быша ризы Его, блещущіе яко снѣгъ, и ученицы его отъ страха падоша ницъ». Когда же Моисей и Илія явились Ему, то, чтобы скрыть сіяніе свѣта Божественной благодати, ослѣпившей глаза учениковъ, «облако» сказано «осѣни ихъ». И такимъ-то образомъ, благодать Всесвятаго Духа Божія является въ неизреченномъ свѣтѣ для всѣхъ, которымъ Богъ являетъ дѣйствіе ея.

— Какимъ же образомъ, — спросилъ я батюшку отца Серафима, — узнать мнѣ, что я нахожусь въ благодати Духа Святаго?

— Это ваше Боголюбіе очень просто! — отвѣчалъ онъ мнѣ, — поэтому-то и Господь говоритъ: «вся проста суть обрѣтающимъ разумъ»... находясь въ этомъ разумѣ, и апостолы всегда видѣли, пребываетъ-ли Духъ Божій нихъ или нѣтъ, и, проникнувшіе имъ и видя сопребываніе съ ними Духа Божія, утвердительно говорили, что дѣло ихъ свято и вполне угодно Богу. Этимъ и объясняется, почему они въ посланіяхъ своихъ писали: «изволися Духу Святому и намъ», и только на этихъ основаніяхъ и предлагали свои посланія, какъ истину непреложную, на пользу всѣмъ вѣрнымъ, — такъ св. апостолы ощутительно сознавали въ себѣ присутствіе Духа Божіяго... такъ вотъ ваше Боголюбіе, видите-ли вы, какъ это просто?»

Я отвѣчалъ.

— Все таки, я не понимаю, почему я могу быть твердо увѣреннымъ, что я въ Духѣ Божіемъ. Какъ мнѣ самому распознать Его истинное явленіе?

Батюшка о. Серафимъ отвѣчалъ:

— Я уже, ваше Боголюбіе, сказалъ вамъ, что это очень просто, и подробно разскалъ вамъ, какъ люди бываютъ въ Духѣ Божіемъ и какъ должно разумѣть Его явленіе въ насъ... Что же вамъ, батюшка, еще надобно?

— Надобно, — сказалъ я, — чтобы я понялъ это хорошенько!..

Тогда о. Серафимъ взялъ меня весьма крѣпко за плечи и сказалъ мнѣ:

— Мы оба теперь, батюшка, въ Духѣ Бо-

жіемъ съ тобою!.. что же ты не смотришь на меня?

Я отвѣчалъ:

— Я не могу, батюшка, смотрѣть, потому что изъ глазъ вашихъ молніи сыпятся. Лицо ваше сдѣлалось свѣтлѣе солнца, и у меня глаза лопить отъ боли!..

О. Серафимъ сказалъ:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбіе, и вы теперь сами также свѣтлы стали какъ и я самъ. Вы сами теперь въ полнотѣ Духа Божіяго, *иначе вамъ нельзя было бы и меня такимъ видѣть.*

И, преклонивъ ко мнѣ свою голову, онъ тихонько на ухо сказалъ мнѣ:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную къ вамъ милость Его. Вы видѣли, что я не перекрестился даже, а только въ сердцѣ моемъ мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказалъ: Господи, удостой его ясно и тѣлесными глазами видѣть то сошествіе Духа Твоего, которымъ Ты достаиваешь рабовъ Своихъ, когда благоволишь являться въ свѣтѣ великолѣпной славы Твоей. И вотъ, батюшка, Господь и исполнилъ мгновенно смиренную просьбу убогаго Серафима... ,Какъ же не благодарить Его неизреченный даръ намъ обоимъ! Этакъ, батюшка, не всегда и великимъ пустыникамъ являетъ Господь Богъ милость Свою. Это благодать Божія благоволила утѣшить сокрушенное сердце ваше, какъ мать чадолюбивая по предстательству Самой Матери Божіей... — Что же, батюшка, не смотрите мнѣ въ глаза? Смотрите просто и не бойтесь —Господь съ нами!

Я взглянулъ послѣ этихъ словъ въ лицо его, и напалъ на меня еще большій благоговѣйный ужась. Представьте себѣ, въ срединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его полуденныхъ лучей, лицо человѣка съ вами разговаривающаго. Вы видите движеніе устъ его, мѣняющееся выраженіе его глазъ, слышите его голосъ, чувствуете, что кто-то васъ руками держитъ за плечи, но не только рукъ этихъ не видите, не видите ни самихъ себя, ни фигуры его, а только одинъ свѣтъ ослѣпительный, простирающійся далеко, на нѣсколько сажень кругомъ, и даряющій яркимъ блескомъ своимъ снѣжную пелену, покрывающую поляну, и снѣжную крупу осыпающую сверху и меня и великаго старца. Возможно-ли представить себѣ то положеніе, въ которомъ я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? спросилъ меня о. Серафимъ.

— Необыкновенно хорошо! сказалъ я.

— Да какъ же хорошо? Что именно?

Я отвѣчалъ:

— Чувствую я такую тишину и миръ въ душѣ моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбіе, — сказалъ батюшка о. Серафимъ — тотъ миръ, про который Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: «миръ Мой даю вамъ, не яко же міръ даетъ, Азь даю вамъ. Аще бы отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы, но Азь избрахъ васъ отъ міра, сего ради ненави- дитъ васъ міръ. Но дерзайте, яко Азь побѣдихъ

міръ». Вотъ этимъ то людямъ, ненавидимымъ отъ міра сего, избраннымъ же отъ Господа, и «даеть Господь тотъ миръ который вы въ себѣ теперь чувствуете. «Миръ» по слову апостольскому «всякій умъ преимушій»(Фил. 1,7)

Что же еще чувствуете вы? — спросилъ меня о. Серафимъ.

— Необыкновенную сладость! — отвѣчалъ я.

И онъ продолжалъ:

— Это та сладость, про которую говорится въ Священномъ Писаніи: «отъ тука дому Твоего упіются и потокомъ сладости Твоя напоиши я» Вотъ эта-то теперь сладость преисполняетъ и разливается по всѣмъ жиламъ нашимъ неизреченнымъ услажденіемъ. Отъ этой-то сладости наши сердца какъ будто таютъ, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никакимъ языкомъ выражено быть не можетъ... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всемъ моемъ сердцѣ!

И батюшка отецъ Серафимъ продолжалъ:

— Когда Духъ Божій снисходитъ къ чело-вѣку и осѣняетъ его полнотою Своего наитія, тогда душа человѣческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Духъ Божій радостно творить все, къ чему бы онъ ни прикоснулся, это та самая радость, про которую Господь говорить въ Евангеліи Своемъ: «жена, егда рождаетъ, скорбь имать, яко прійде годъ ея; егда же родить отрсча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родился чело-вѣкъ въ міръ. Въ міръ скорбни

будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ». Но какъ бы ни была утѣшительна радость эта, которую вы теперь чувствуете въ сердцѣ своемъ, все таки она ничтожна въ сравненіи съ тою, про которую самъ Господь устами Своего апостола сказалъ, что радости той «ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыдоша благая, яже уготова Богъ любящимъ Его». Предзадатки этой радости даются намъ теперь, и если отъ нихъ такъ сладко, хорошо и весело въ душахъ нашихъ, то что сказать о той радости, которая уготована на небесахъ плачущимъ здѣсь на землѣ?! Вотъ и вы, батюшка, довольно поплакали въ жизни вашей, и смотрите-ка, какою радостью утѣшаетъ васъ Господь еще въ здѣшней жизни.

— Что же вы еще чувствуете, ваше Боголюбіе? Я отвѣчалъ.

— Теплоту необыкновенную!

— Какъ, батюшка, теплоту? Да вѣдь мы въ лѣсу сидимъ. Теперь зима на дворѣ, и подъ ногами снѣгъ, и на насъ болѣе вершка снѣгу, и сверху крупа падаетъ... Какая же можетъ быть тутъ теплота?!

Я отвѣчалъ:

— А такая, такая бываетъ въ банѣ, когда поддадутъ на каменку и когда изъ нея столбомъ паръ валить...

— И запахъ, — спросилъ онъ меня, — такой же, какъ изъ бани?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — на землѣ нѣтъ ни-

чего подобнаго этому благоуханію. Когда, еще при жизни матушки моей, я любилъ танцовать и ѣздилъ на балы и танцевальныя вечера, то матушка моя опрыснетъ меня бывало духами, которые покупала въ лучшихъ модныхъ магазинахъ Казани, но и тѣ духи не издають такого благоуханія...

И батюшка о. Серафимъ, пріятно улыбнувшись сказалъ:

— И самъ я, батюшка, знаю, это точно такъ же какъ и вы, да нарочно спрашиваю у васъ — такъ-ли вы это чувствуете? Сушая правда, ваше Боголюбіе! Никакая пріятность земнаго благоуханія не можетъ быть сравнена съ тѣмъ благоуханіемъ, которое мы теперь ощущаемъ, потому что насъ теперь окружаетъ благоуханіе Святаго Духа Божія. Чго же земное можетъ быть подобно ему? Замѣьте же, ваше Боголюбіе, вѣдь вы сказали мнѣ, что кругомъ насъ тепло какъ въ банѣ, а посмотрите-ка, вѣдь ни на васъ, ни на мнѣ снѣгъ не таетъ и надъ нами такъ же. Столо быть, теплота эта не въ воздухѣ, а въ насъ самихъ. Она то и есть та самая теплота, про которую Духъ Святой словами молитвы заставляеть насъ вопіять ко Господу: «Теплотою Духа Твоего Святаго, согрѣй мя!»! Его-то согрѣваемые пустынники и пустынницы не боялись зимняго мраза, будучи одѣваемы, какъ въ теплыя шубы, въ благодатную одежду, отъ Святаго Духа истканную. Такъ вѣдь и должно быть на самомъ дѣлѣ, потому что благодать Божія должна обитать внутри насъ, въ сердцѣ нашемъ, ибо Господь сказалъ: «цар-

ство Божіе внутрь васъ есть». Подъ Царствіемъ же Божіемъ Господь разумѣлъ благодать Духа Святаго. Вотъ это Царствіе Божіе внутрь васъ теперь и находится, а благодать Духа Святаго и отънѣ осіяваетъ и согрѣваетъ насъ и преисполняя многоразличнымъ благоуханіемъ окружающій насъ воздухъ, услаждаетъ наши чувства пренебеснымъ услажденіемъ, наполняя наши сердца радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положеніе есть то самое, про которое апостоль говоритъ: «царство Божіе нѣсть пища и питіе, но правда и миръ о Дусѣ Святѣ». Вѣра наша состоитъ «не въ убѣдительныхъ чловѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіяхъ духа и силы». Вотъ въ этомъ то состояніи мы теперь съ вами и находимся. Про это состояніе именно и сказалъ Господь: «суть нѣщцы отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже видять царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ»... Вотъ батюшка, ваше Боголюбіе, какой неизреченной радости сподобилъ насъ теперь Господь Богъ!... Вотъ что значитъ быть въ полнотѣ Духа Святаго, про которую Святой Макарій Египетскій пишетъ: «Я самъ былъ въ полнотѣ Духа Святаго». Этою-то полноДуха Святаго инась, тою убогихъ, преисполнилъ теперь Господь... Ну, ужъ теперь нечего болѣе, кажется, спрашивать, ваше Боголюбіе, какимъ образомъ бывають люди въ благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явленіе неизреченной милости Божіей, посѣтившей насъ?

— Не знаю, батюшка! — сказалъ я, — удо-

стоитъ ли меня Господь навсегда помнить какъ живо и явственно, какъ теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвѣчалъ мнѣ отецъ Серафимъ, — что Господь поможетъ вамъ навсегда удержать это въ памяти вашей, ибо иначе благодать его не приклонилась бы такъ мгновенно къ смиренному моленію моему и не предварила бы и такъ скоро послушать убогаго Серафима, тѣмъ болѣе, что и не для васъ однихъ дано вамъ разумѣть это, а черезъ васъ для цѣлаго міра, чтобы вы сами утвердились въ дѣлѣ Божіемъ и другимъ могли бы быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монахъ, а вы мірской человѣкъ, то объ этомъ думать нечего. У Бога взыскуется правая вѣра въ Него и Сына Его Единороднаго. За это подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищетъ сердце преисполненное любовію къ Богу и ближнему, — вотъ престолъ, на которомъ Онъ любитъ возсѣдать и на которомъ Онъ является въ полнотѣ Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь ми сердце твое», говоритъ Онъ — «а все прочее Я самъ приложу тебѣ», ибо въ сердцѣ человѣческомъ Царствіе Божіе. «Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, и нѣсть у Него зрѣнія на лица, Отецъ бо любитъ Сына и вся дастъ въ руцѣ Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца Нашего Небеснаго, истинно по сыновнему. Господь равно слушаетъ и монаха, и мірянина, простого христіанина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога изъ глубины душъ

своихъ и оба имѣли бы въ Него вѣру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинуть горы. «Единъ движеть тысящи, два же тьмы» Самъ Господь говорить: «вся возможно вѣрующему», а ба-тюшка святой апостоль Павелъ всегласно вос-клицаеть: «вся могу о укрѣпляющемъ мя Хри-стѣ». Не давнѣ ли еще этого Господь нашъ Иисусъ Христосъ говорить о вѣрующихъ въ Него: «вѣруай во Мя, дѣла, яже Азь творю, и той сотворить, и больше сихъ сотворить, яко Азь иду ко Отцу Моему и умоляю Его о васъ, да радость ваша исполнена будетъ. Доселѣ не просите ничесоже во Имя Мое, нынѣ же просите и примете».... Такъ то, ваше, Боголюбіе, все, о чемъ бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспримите, лишь бы только то было въ славу Божию, или на пользу ближняго, потому что и пользу ближняго Онъ же къ славѣ Своей относить, почему и говорить: «вся, яже единому отъ меньшихъ сихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе». Такъ не имѣйте никакого сомнѣнія, что Господь Богъ не исполнилъ вашихъ прин-шеній, лишь бы только они шли къ славѣ Бо-жіей, шли къ пользамъ и назиданію ближнихъ относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или въ пользу, или выгоды вамъ что-либо было нужно, и это даже все столь скоро и благопослушливо Господь Богъ изволить по-слать вамъ, только бы въ томъ *крайняя* нужда и необходимость настояла, ибо любить Господь лю-бящихъ Его; благъ Господь всяческимъ, волю же боящихся Его сотворить и молитву услышать».

Такое же наглядное свидѣтельство о Духѣ Святомъ въ неразрывной связи съ опытомъ вѣчнаго блаженства былъ данъ преп. Серафимомъ послушнику Іоанну Тихонову (впослѣдствіи игумень Іоасафъ, въ схимѣ Серафимъ). Только здѣсь на первое мѣсто выступаетъ опытъ блаженства такъ же какъ и въ бесѣдѣ съ Н. А. Мотовиловымъ. Іоаннъ Тихоновъ передаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ.

— Вотъ я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ, — сказалъ мнѣ старецъ: нѣкогда, читая въ Евангеліи отъ Іоанна слова Спасителя, что *въ дому Отца Моего Его обители многи суть*, я убогій остановился на нихъ мыслію, и возжелалъ видѣть сіи небеснѣя жилища. Пять дней и ночей провелъ въ бдѣніи и молитвѣ, прося у Господа благодати того видѣнія. И Господь дѣйствительно по великой Своей милости, не лишилъ меня утѣшенія по вѣрѣ моей, и показалъ мнѣ сіи вѣчные крowy, въ которыхъ я, бѣдный странникъ земной, минутно туда восхищенный (*въ тѣлѣ или безтѣлесно*, не знаю) видѣлъ неисповѣдимую красоту небесную и живущихъ тамъ: великаго Предтечу и Крестителя Господня Іоанна, апостоловъ, святителей, мучениковъ и предподобныхъ отецъ нашихъ: Антонія Великаго, Павла Фивейскаго, Савву Освященнаго, Онуфрія Великаго, Марка Браческаго, и всѣхъ святыхъ, сіяющихъ въ неизреченной славѣ и радости, какихъ *око не видѣло ухо не слышало, и на помышленія чловѣку не*

приходило, но какія уготоваль Богъ любящимъ Его.

Съ этими словами о. Серафимъ замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ, голова его съ закрытыми очами поникла долу, и простертою дланію правой руки онъ одинаково тихо водилъ противъ сердца. Лице его постепенно измѣнялось и издавало чудный свѣтъ, и наконецъ до того просвѣтилось, что невозможно было смотрѣть на него; на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что по истинѣ, можно было назвать его въ это время земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственнаго своего молчанія, онъ какъ будто что-то созерцалъ съ умиленьемъ и слушалъ что-то съ изумленіемъ. Но чѣмъ именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, — знаетъ одинъ Богъ. Я же, недостойный, сподобясь видѣть о. Серафима въ такомъ благодатномъ состояніи, и самъ забылъ бранный составъ свой въ эти блаженные минуты. Душа моя была въ неизъяснимомъ восторгѣ, духовной радости и благоговѣніи. Даже досель, при одномъ воспоминаніи, чувствую необыкновенную сладость и утѣшеніе.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, снова заговорилъ о. Серафимъ. Вздохнувши изъ глубины души, съ чувствомъ неизъяснимой радости, онъ сказалъ мнѣ: «ахъ, если бы ты зналъ, какая радость, какая сладость ожидаетъ душу праведнаго на небеси, то ты рѣшился бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія

и клевету съ благодареніемъ. Если бы сама эта келія наша была полна червей, и если бы черви эти ѣли плоть нашу во всю временную жизнь, то со всякимъ желаніемъ надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготоваль Богъ любящимъ Его. Тамъ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія тамъ сладость и радость неизглаголанная, тамъ праведники просвѣтятся, какъ солнце. Но если той небесной славы и радости не могъ изъяснить и самъ батюшка-апостоль Павелъ, то какой же другой языкъ человѣческой можетъ изъяснить красоту горняго селенія, въ которомъ водворяются праведныя души! (53).

* *

*

Только что приведенныя свидѣтельства прекрасно подкрѣпляютъ и дополняютъ другъ друга. Въ нихъ можно стличать двѣ стороны: ученіе и свидѣтельство. «Бесѣда съ Мотовиловымъ», главнымъ образомъ ученіе, подкрѣпляемое свидѣтельствомъ. Откровеніе же сдѣланное Іоанну-Іоасафу главнымъ образомъ свидѣтельство, поясненное ученіемъ.

Оно сосредоточено преп. Серафимомъ въ словахъ Іисуса сына Сирахова, обозначающихъ отношеніе Бога и человѣка: «Сыне, даждь Ми сердце твое, а все прочее Я Самъ приложу тебѣ». Эта формула есть въ сущности предшественница евангельскаго реченія: «ищите Царствіе Божіе

и это все приложится вамъ» (Лк. XII, 31). Въ подлинномъ (греческомъ) текстѣ собственно говорится такъ: «ищите царствія Его» то есть, Отца (что видно изъ контекста). Царствіе же Отца, есть Духъ Святой; преп. Симеонъ Новый Богословъ молится Святому Духу такъ: «прииди, царская багряница и священнаго величества десница». Второе прошеніе молитвы Господней: «да приидеть Царствіе Твое» есть несомнѣнно и моленіе о св. Духѣ, какъ учить объ этомъ св. Григорій Нисскій.

Теперь мы вошли въ «кругъ идей» преподобнаго Серафима. Отъ человѣка-твари требуется только исканія Царства Божія, т. е. Святаго Духа. Исканія не въ смыслѣ самочинныхъ шатаній, а въ смыслѣ вольной обращенности («даждь ми сердце твое»). Обращенность же состоитъ въ посвященіи добраго дѣла Богу, въ жертвѣ, такъ сказать, добрымъ дѣломъ. Передъ Господомъ должна быть зажжена свѣча добраго дѣла — въ зависимости отъ силъ и возможностей приходящаго. Такъ какъ духъ нашъ всегда съ нами, то естественно первой и всегда надлежащей жертвой должна быть сама обращенность духа къ Богу. А это и есть молитва. Если у человѣка можетъ и не быть «свѣчи» подъ рукою, то самъ онъ всегда можетъ стать свѣчей, горящей огнемъ молитвы. И отвѣтомъ на этотъ огонь является вся мощь Фаворскаго свѣта, превращающая небольшое пламя тварнаго свѣта въ блескъ нездѣшняго Солнца. вмѣстѣ же со свѣтомъ приходятъ и всѣ прочіе дары: миръ, тишина,

сладость, благоуханіе, теплота. Доброе дѣло начинается благоухать и сіять красотой.

Но условіе одно: свѣча должна горѣть передъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Потому что «Отець любитъ Сына и все далъ въ руки Его». Отвергающій же Сына отвергаетъ и Отца.

Какъ бы велико ни было доброе дѣло — оно несоизмѣримо съ Даромъ Духа Святаго. Поэтому Господомъ принимается не количество, а качество. И лепта вдовицы была оцѣнена качественно. Въ акаѳистѣ Иисусу Сладчайшему говорится: «прими малое сіе моленіе наше, яко же пріялъ еси вдовицы два лепта». Этимъ, между прочимъ, и указывается на жертвенный характеръ молитвы: «Воздѣянiе руку моею жертва вечерняя» т. е. воздѣянiя рукъ моихъ какъ вечерняя жертва. (Пс. СХС, 2).

* *

*

Полнота христіанства есть православное ученіе о Пресвятой Троицѣ и пронизанность, опредѣлимость этимъ ученіемъ мельчайшихъ деталей православнаго міропониманiя. Но такъ какъ высказаться объ одномъ лицѣ Святѣйшей Троицны нельзя, не высказавшись о Ней цѣликомъ, т. е. о Прочихъ Лицахъ, то и откровеніе объ Одномъ Лицѣ есть Откровеніе и, Прочихъ Лицахъ.

Откровеніе преп. Серафима о Св. Духѣ есть новый опытъ о Пресвятой Троицѣ.

«Богъ есть любовь». «Отець любитъ Сына». «Святъ Господь Богъ нашъ». Это все предложе-

нія одного и того же значенія. Святость Божія есть любовь Отца къ Сыну. Богъ святъ любовью. Изліяніе Святого Духа на тварь въ единомъ актѣ животворенія-любви, есть начало творческое; «ниспосланіе Его Сыномъ» есть уже не внутри-троичный таинственный процессъ, а дѣло милости, соизволеніе, даръ ничего не имѣющему нищему отъ всеимѣющаго Богача. Необходимо только жаждать этого дара. Тогда нищій станетъ богатымъ, тогда онъ насытится. Нищіе духомъ приобрѣтають Царствіе Небесное, алчущіе насыщаются имъ.

Само сердце — есть даръ Божій и если Господь говоритъ: «чадо, даждь ми сердце твое», то исполнить это сладостное повелѣніе значить лишь воздать «Божіе Богови». Давъ же Богу свое сердце, т. е. полюбивъ Его, мы получаемъ Его отвѣтную впостасную Любовь — Святой Духъ съ Его дарами. На крупицу человѣческой любви Онъ отвѣчаетъ «прилаганіемъ всего прочаго», что «одно только нужно» — Царства Божія, Любви Своей, Духа Своего Святаго.

Нужно только знаменоватъ эту отдачу сердца Богу. Въ этомъ то и состоитъ дѣло. Его и благословляетъ Господь безмѣрнымъ приумноженіемъ въ вѣчности. Стяжаніе Духа Святаго есть, такимъ образомъ, пребываніе въ любви Божіей, которая «николи же престааетъ» (I Кор. XIII, 8). Вотъ о чемъ свидѣтельствовали преп. Серафимъ, давая вкушать своимъ собесѣдникамъ райское блаженство. Какъ Богъ святъ Духомъ Своимъ Святымъ, такъ и людей освящаетъ Онъ

тѣмъ же Духомъ. Опытъ Святости, опытъ блаженства, опытъ любви — едино. Это Единое и даль понять и пережить преп. Серафимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ и опытъ вѣчности во времени, наглядно показывающій стяжаніе вѣчнаго за временное.

Человѣку дано время и во времени сущій міръ. Среди этого безконечнаго разнообразія ему остается лишь выбрать — чѣмъ бы и на чемъ отдать Богу сердце.

Такимъ образомъ, изложенное ученіе о благодати Святаго Духа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ученіе о цѣлеположности времени, оцѣночно-цѣлеположная точка зрѣнія на нихъ *sub specie aeternitatis* (въ образѣ вѣчности) освящающая Даръ.

Святость Бога — Его цѣнность и вообще источникъ цѣнности. Въ стяжани Духа Святаго заключается высшая осмысленность человѣка и содѣяннаго имъ о Господѣ.

Понятіе и образы «богатства», «имущества», «имѣнія», «сокровища», «платы», такъ много и такъ часто фигурируютъ въ Евангеліи (главнымъ образомъ въ синоптикахъ), что было бы ошибочно видѣть здѣсь только литературный приѣмъ, аллегорію, — тѣмъ болѣе, что въ Евангельскомъ контекстѣ часто указывается на реальное соотношеніе этихъ «имущественныхъ» образовъ (нерѣдко взятыхъ въ буквальномъ смыслѣ) съ вѣчными судьбами человѣка.

Здѣсь, дѣйствительно, точная, совершенная аналогія: и геніальная экзегеза преп. Серафима

все время погружена всѣми своими корнями въ самую гущу евангельской онтологіи.

Христіанская постановка вопроса о направленіи, смыслѣ и содержаніи временной и вѣчной жизни сводится у него къ чеканно образной формулѣ:

— «выгадывайте время для полученія небесныхъ благъ черезъ земные товары».

Вся та сторона бесѣды съ Н. А. Мотовиловымъ, которую можно назвать учительской (ученіе) — есть не что иное какъ рядъ грандіозныхъ и геніальныхъ варіацій на эту тему въ своемъ нарастающемъ развитіи заканчивающихся «свидѣтельствомъ истины». «Учительство» переходитъ въ «свидѣтельство» и само движется имъ, какъ присущимъ ему началомъ. Сама «бесѣда» есть дѣло Того Слова, о Которомъ въ ней идетъ рѣчь.

Для того, чтобы охватить хорошенько столь простое, а въ дѣйствительности бездонно глубокое пониманіе «выгадыванія времени», обратимся къ родственной идеѣ Сень-Мартенъ (Louis-Claude Saint-Martin жилъ 1743—1803 гг., значить старшій современникъ преп. Серафима). Сущность ея сводится къ слѣдующему.

«До грѣхопаденія человѣка времени не было. Время есть результатъ первороднаго грѣха, оно — необходимый спутникъ рожденія и смерти. Но въ то же время онъ есть источникъ нашего возстановленія», такъ какъ не имѣя времени, чтобы искупить грѣхъ, мы были бы обречены на вѣчную гибель: «Одна изъ самыхъ величественныхъ и самыхъ утѣшительныхъ идей, какія только

можетъ человѣкъ себѣ представить — это идея о томъ, что время есть только *деньги вѣчности*. Да, время есть только подраздѣленная вѣчность, и это то и должно сообщить человѣку столько радости, столько мужества и надежды. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ-ли мы жаловаться на то, что не обладаемъ болѣе вѣчностью, если давъ намъ деньги (т. е. время), намъ дали въ то же время средство пріобрѣсти ее?» (54). О прямомъ вліяніи идей Сень-Мартэна на преп. Серафима не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Зато легко установить преемство ученій Саровскаго чудотворца у преп. Симеона Новаго Богослова. Такое преемство станетъ особенно яснымъ если мы сопоставимъ ученіе преподобнаго Серафима съ мыслями, развиваемыми преп. Симеономъ въ «словѣ» 34 (55). Кромѣ того преп. Серафимъ не разъ прямо ссылается на этого отца церкви и въ другихъ случаяхъ.

Преп. Серафимъ показываетъ и свидѣтельствуется при какихъ обстоятельствахъ конечная, условно-возможная цѣнность времени и во времени (доброе дѣло) возрастаетъ въ безконечность, въ цѣнность безусловно дѣйствительную, пребывающую во вѣки.

Но для того, чтобы эта свобода реализировалась, стала дѣйствительностью, т. е. вошла въ личное обладаніе, пріобрѣла персональный ликъ, необходимо сочетаніе съ Абсолютной Истиной, сочетаніе со Христомъ — совершеніе добраго дѣла во Имя Христа. Христось, какъ Абсолютная Личность реализируетъ персональную воз-

возможность абсолютной цѣнности въ данной эмпирической личности, сотворяя въ ней обитель со Отцомъ и этимъ водворяя въ ней Царство Отче-Сыновой Любви, т. е. царство Духа Святаго.

Царство же Духа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Царство Свободы.

Краткое разсужденіе это легко и точно аргументируется Св. Писаніемъ

1) «Духъ дышетъ гдѣ захочетъ» (Іоаннъ III, 8) — т. е. царство Духа есть царство свободы. Въ Духа нѣтъ свободы, ибо «такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа». Но сама свобода дается лишь познаніемъ Истины, ибо она(свобода) какъ частное благо исходитъ отъ Блага Верховнаго — отъ Предвѣчной Истины. Истина же дается только черезъ Христа, такъ какъ она пребываетъ въ немъ: «если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики и познаете истину и истина освободитъ васъ» (Іоаннъ VIII, 31-32). Въ истины нѣтъ свободы, а есть только рабство: «всякій дѣлающій грѣхъ, рабъ есть грѣха» (Іоаннъ, VIII, 34). Такимъ образомъ, по Христову ученію свобода и необходимость («рабство») не суть равноправныя черезъ отрицаніе соотносящіяся понятія, какъ напр. полярныя понятія сѣвера и юга, а разнокачественныя состоянія, выражающія пребываніе въ различныхъ планахъ, въ различныхъ мірахъ: въ подлинномъ вѣчномъ бытіи и небытіи. *Познающая свобода въ истинѣ и заблуждающееся рабство во грѣхѣ* — вотъ эти уклоны. Первый проводитъ къ возраста-

нію въ блаженствѣ, второй — къ уничтоженію въ мукахъ.

«Опытъ» даютъ только Истина и Праведность. Зло же не даетъ и познанія своей собственной сущности. Находясь въ злѣ, «лежа во злѣ», не приобретають и «знанія зла» (грѣха). Самопознание зла и черезъ зло — завѣдомое *contradictio in adjecto* (внутреннее противорѣчіе). Чѣмъ грѣшнѣе разумное существо, тѣмъ менѣе оно освѣдомлено о смыслѣ имъ творимаго, путаясь лишь въ солипсически-психологистическомъ зломъ чувствѣ, въ отъединенно-эгоистическихъ душевныхъ переживаніяхъ злой воли, злой эмоціи, которую правильнѣе было бы назвать злымъ безвольемъ. «Опытъ» есть только у сочетавшихся съ Истиной — Христомъ и въ высочайшей мѣрѣ у Самого Бога-Слова. Съ высоты Своей познающей и всезнающей любви Оно и сказало: «Отче отпусти имъ *не вѣдятъ бо что теорятъ*» (Лк. XXIII, 34).

Опытъ содержится только въ совершенной любви, ибо познать что-либо это значить полюбить. Безконечное знаніе (всезнаніе) Слова есть Его безконечная любовь — почившая на Немъ отъ Отца. Къ вѣчному Царству, знающей Любви — Духа приобщается, Его «стяжаетъ» тотъ, кто принялъ во Христѣ даръ времени — свободы. «Не въ мѣру дается Духъ» — и всякая заслуга тонетъ въ Его богатствѣ и безконечной щедрости — подобно тому, какъ всякій, какой угодно большой отрѣзокъ времени ничтоженъ въ соотнесеніи съ вѣчностью.

При свѣтѣ откровенія даннаго преп. Серафимомъ находимъ ключи къ пониманію труднаго и таинственнаго смысла двухъ притчей Господнихъ: о Домовладыкѣ, нанимавшемъ въ разные часы рабочихъ для Своего виноградника (Мѡ. XVI, 1-16) и о домоправителѣ неправедномъ (Лк. XVI, 12). Въ обѣихъ притчахъ подзаконность не знающаго вѣчности (хорошей безконечности) морально-юридическаго раціонализма («око за око» — законъ тожества) всецѣло уступаетъ мѣсто Царству благодати, возвышающей надъ разсудочными мѣрками и напоющей «до сытости» всякаго рано или поздно сотворившаго «дѣло Господне». (Въ дальнѣйшемъ обозначимъ курсивомъ временныя отношенія).

«Царство Небесное, подобно хозяину дома, который вышелъ *рано по утру* нанять работниковъ въ виноградникъ свой. И, договорившись съ работниками по динарію въ день, послалъ ихъ въ виноградникъ свой. Вышедъ около *третьяго часа*, онъ увидѣлъ другихъ стоящихъ на торжищѣ праздно, и сказалъ имъ: идите и вы въ виноградникъ мой и что слѣдовать будетъ, дамъ вамъ. Они пошли. Опять вышедъ около *шестого и десятаго часа* сдѣлалъ то же. Наконецъ вышедъ около *одинадцатаго часа*, онъ нашелъ другихъ, стоящихъ, праздно, и говоритъ имъ: что вы стоите здѣсь цѣлый день праздно. Они говорятъ ему: никто насъ не нанялъ. Онъ говоритъ имъ: идите и вы въ виноградникъ мой, и что слѣдовать будетъ, получите. Когда же наступилъ *вечеръ*, говоритъ господинъ виноградника правителю

своему: позови работниковъ и отдай имъ плату, начавъ съ послѣднихъ до первыхъ. Пришедшіе же первыми думали, что они получаютъ больше; но получили и они по динарію. И получивши, стали роптать на хозяина дома. И говорили: эти послѣдніе работали *одинъ часъ*, и ты сравниваешь ихъ съ нами, перенесшими тягость дня и зной. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ одному изъ нихъ: другъ! Я не обижаю тебя; не за динарій-ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; я же хочу дать этому послѣднему то же, что и тебѣ; развѣ я не властенъ дѣлать въ своемъ что хочу? Или глазъ твой завистливъ отъ того, что я добръ? Такъ будутъ послѣдніе первыми и первые послѣдними» (Мѡ. XX, 1-10).

Въ этой притчѣ (помимо ея традиціоннаго толкованія, которое надлежитъ пріять цѣликомъ) раскрывается этико-онтологическій и провиденціальныи смыслъ времени. Все начинается съ «утра». Павшему человѣку дается «*время*» («я далъ ей время покаяться». Откр. II, 21), въ той его формѣ, которую мы знаемъ. Время является какъ многообразіе возможностей (модальность свободы). Первый, третій, шестой, девятый, одиннадцатый часы — все это есть многообразіе даннаго и нужнаго въ каждомъ частномъ случаѣ. Цѣною же всѣхъ этихъ модусовъ временнаго многообразія является *динарій* — вѣчность наступающая *вечеромъ*, когда по слову откровенія «*времени уже больше не будетъ*» (Откр. X, 16). Чтобы принять вечерній динарій вѣчности надо избрать какой-нибудь изъ модусовъ временнаго

многообразія, но обязательно въ виноградникѣ Господнемъ. Двухъ вѣчностей нѣтъ. Царство Божіе едино, какъ одинъ Богъ. Оно уготовано всѣмъ, какъ всѣмъ даны времена и сроки. Различіе начинается тамъ, гдѣ начинаются «счеты» съ Дающимъ и «присвоеніе» себѣ заслугъ, дающихъ «право» принять динаріи. Ропщущіе на Домовладыку, въ вѣчность входятъ со старыми временными мѣрками, они не захотѣли «обновленія», они вошли на бракъ не въ брачной одеждѣ. Поэтому тотъ же самый динаріи вѣчности, всеполнота блаженства въ Царствіи Божіемъ, которая цѣликомъ пріемлется не знающими никакой своей заслуги (работавшіе одинъ часъ, «рабы неключимые» — нестоящіе) — отвергаются приписывающими себѣ обладаніе правами на большее (какъ будто можетъ быть большее Царства Божія). Они въ своемъ высокомеріи оказываются послѣдними. У нихъ по словамъ другой притчи «отнимается то, что имъ кажется, что они имѣютъ» и отнимается ими же самими. У твари нѣтъ ничего. Ей все дано. А какъ только она говоритъ: «имѣю», «заслужила», «получила право» — наступаетъ самообкрадываніе для вѣчности и первыя дѣлаются послѣдними. Яркую литургическую иллюстрацію динаріи вѣчности (рая) полученнаго цѣною часа дѣланія о Господѣ — мы видимъ въ церковной пѣсни о разбойникѣ благоразумномъ:

«Разбойника благоразумнаго о единѣмъ часѣ надл. сейчасъ же, въ тотъ же день — (время) раеви (вѣчность) сподобилъ еси Господи». (Великій пятокъ утро. Экзапостилларій).

Полное освобождение от подзаконно-юридических оков тожества возвращает притча о домоправителѣ неправедномъ (замѣтимъ кстати, что проклетіе бесплодной смоковницы, согласно святоотеческой традиціи есть именно осужденіе голаго законничества «возвращающаго обратно свой талантъ» и беспомощнаго для вѣчности).

Эта притча характеризуетъ и выявляетъ низшій типъ добраго дѣла, который все еще годенъ для вѣчности и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ подчеркиваетъ неимѣніе у твари ничего своего, ея полную неоправданность и неоправдимость съ точки зрѣнія подзаконнической. «Не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ, яко не оправдится предъ тобой всякъ живой» (Пс. CXLII, 3) молится Псалмопѣвецъ, онъ въ полномъ сознаниіи своей несостоятельности именно съ подзаконнической точки зрѣнія, и просить «милости» и «правды», а не справедливости», на базисѣ которой вообще нѣтъ ни оправданія, ни искупленія.

«Одинъ человекъ былъ богатъ и имѣлъ управителя, на котораго донесено было ему, что онъ расточаетъ имѣніе его. И призвавъ его, сказалъ ему: что это я слышу о тебѣ? дай отчетъ въ управленіи твоёмъ, ибо ты не можешь болѣе управлять. Тогда управительъ сказалъ самъ въ себѣ: что мнѣ дѣлать? господинъ мой отнимаетъ у меня управленіе домою: копать не могу, просить стыжусь. Знаю, что сдѣлать, чтобы приняли меня въ дома свои когда отставленъ буду отъ управленія домою. И призвавъ должниковъ господина своего, каждаго порознь, сказалъ первому: сколь-

ко ты долженъ господину моему?—Онъ сказалъ: сто мѣръ масла. И сказалъ ему: возьми твою росписку и садись скорѣе напиши: пятьдесятъ. Потомъ другому сказалъ: а ты сколько долженъ? Онъ отвѣчалъ: сто мѣръ пшеницы. И сказалъ ему: возьми твою росписку и напиши: семьдесятъ. И похвалилъ господинъ управителя не вѣрнаго что догадливо поступилъ, ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ. И я говорю вамъ: приобретайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители». (Лука XVI, 1-9).

Основнымъ моментомъ всей притчи является то, что «домоправитель» (тварь) не имѣетъ ничего своего. И должники его, суть должники не его, а Господина. Самъ же онъ («домоправитель») болѣе всѣхъ долженъ Господину. Его богатство, — богатство неправедное («несправедливое» — *de jure* — по праву — ему не принадлежащее). Оно можетъ быть отнято отъ него во всякій моментъ и тогда «нечего ему дѣлать»: онъ созданъ изъ ничего, очутится лицомъ къ «ничто», и «ничто»—его единственное достояніе. Лишь благостью Господина дана возможность принять его въ вѣчныя обители черезъ дѣяніе «несправедливое», но доброе: отпуская долгъ должникамъ, онъ дѣлаетъ имъ добро и это добро важнѣе для благого Господина, чѣмъ «убытокъ» въ разсудочной справедливости, который онъ безслѣдно покрываетъ Своимъ «богатствомъ». За «отпусканіе» пятидесяти мѣръ масла и двадцати мѣръ пшени-

цы, не принадлежащихъ ему, а Господину, принимается онъ въ вѣчныя обители. «Чаша холодной воды, поданная одному изъ малыхъ сихъ» не теряетъ награды своей. Къ тому же и вода, и пшеница, и масло — все Господина. Общій же смыслъ таковъ: всюду и вездѣ (даже въ самой гущѣ несправедливости «богатства неправеднаго») есть возможность на конечное обрѣсти безконечное и дѣланнымъ во времени пройти въ вѣчность. Безконечное разнообразіе и пестроту міра и его отношеній надо разсматривать именно какъ представленіе этихъ спасительныхъ возможностей. Всегда и всюду можетъ быть сдѣлано доброе дѣло во имя Господа и обрѣтено Его Царствіе — Его Духъ. Притча заканчивается словами:

«Вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ а невѣрный въ маломъ невѣренъ и во многомъ. Итакъ, если вы въ неправедномъ богатствѣ не были вѣрны, кто повѣритъ вамъ истинное? И если въ чужомъ не были вѣрны, кто дастъ вамъ ваше?» (Лк. 16 10-11).

Эти слова являясь въ данномъ случаѣ въ условной формѣ — въ притчѣ о талантахъ высказываются Господомъ категорически:

«Хорошо, добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставляю; войди въ радость господина твоего» (Мѡ. 25 21). Врядъ-ли можно сомнѣваться, что рѣчь здѣсь идетъ о требованіи использованія въ благо «таланта» въ чемъ бы онъ ни состоялъ — хотя бы и въ жалкой возможности неправеднаго домопра-

вителя — простить долги, сдѣланные его господину.

Если бы «домоправитель» былъ только справедливъ, то онъ не далъ бы истиннаго богатства тому, кто оказалъ нерадѣніе въ распоряженіи чужимъ богатствомъ,—потому тотъ, кто только справедливъ не имѣетъ абсолютной благодати; Богъ же абсолютно благъ. Такому невѣрному въ чужомъ Богъ не захотѣлъ бы дать въ полное безотчетное распоряженіе вѣчной собственности если бы Онъ дѣйствовалъ только по справедливости. Но справедливость Божія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и благодать. Зная, что въ управленіи «имуществомъ», т. е. въ мірскомъ житіи, жизни во времени, освященномъ вѣчными дарами (и прежде всего воплощеніемъ Слова) «домоправитель» окажетъ нерадѣніе, онъ все же даетъ ему во владѣніе свое «имущество» И «отставляетъ» лишь по благодати, ибо дальнѣйшее управленіе значило и еще большее умноженіе грѣха нерадѣнія. Казалось бы что, пренебрегшему великимъ даромъ угрожаетъ полное банкротство, полная несостоятельность, уходъ въ небытіе, въ тьму кромѣшную. Но здѣсь-то и выступаетъ безпредѣльная благодать и «премудрость въ тайнѣ сокровенная». И вотъ, въ силу незначительнаго добра, сдѣланнаго домоправителемъ за счетъ Господина (въ сущности единственное, что мы, тварь, можемъ сдѣлать на землѣ) онъ прощаетъ всѣ недочеты и оставляетъ его въ домахъ тѣхъ, кого онъ сдѣлалъ причастниками вѣчности — и добро, имъ сдѣланное, проникаетъ, какъ сдѣланное себѣ.

Онъ одинъ можетъ за малое давать безконечное и за временное — вѣчное. И не прощаетъ Онъ одного — пренебреженія своей добротой (— «зарыванія таланта въ землю»), что и есть хула на любовь, на Духа Святаго.

«Вѣчная радость за одинъ день подвига на землѣ» — «Eternellement en joi pour un jour d' exercice sur terre» (Паскаль) — теперь намъ должно быть очевидно, что эти exercices, эти «тяготы» во имя Христа переносимые, управженія ради Него совершаемыя, уже есть само блаженство, сама сладость, которыя расцвѣтають, какъ показалъ намъ преп. Серафимъ, въ истинный рай уже здѣсь. Про полную же награду за «работу Господина» нѣтъ возможности говорить, ибо это выше всякаго слова, да и для того, кто существуетъ еще во времени—«невыносимо». Отъ произнесенія слова о «наградѣ» не «въ мѣру данной», отказался и самъ преподобный, свидѣтельствуя о ней лишь молчаніемъ и сіяніемъ лика.

Приведемъ еще Евангельскій и новозавѣтный свидѣтельства, бывшія источникомъ ученія преподобнаго Серафима о приобрѣтеніи вѣчнаго за временное.

«Собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ, ибо гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мѡ. VI, 20-21) . Еще выпуклѣе, въ тѣснѣйшей связи съ идеей преп. Серафима эта мысль выражена въ евангеліи отъ Луки:

«Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ влагалища неветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ» (Лука XII, 33).

«Пойди, все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ» (Мрк. X-21).

«Кто принимаетъ пророка во имя пророка, получить награду пророка; и кто принимаетъ праведника во имя праведника, получить награду праведника. И кто напоить одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей» (Мат. X, 41-42). На томъ текстѣ сдѣдуетъ остановиться, ибо въ немъ находится одинъ изъ *ключей* къ пониманію притчи о домовладѣтелѣ неправедномъ. Въ самомъ дѣлѣ, доброе дѣло, дѣлаемое во имя не только непосредственно самаго Христа приносить плодъ, но приносить оно его, будучи совершаемо для того, кто подвизается ради Христа («пророкъ», «праведникъ», «ученикъ»). Такъ и въ притчѣ: добро дѣлается для *тѣхъ, кто имѣетъ вѣчныя обители* и значитъ имѣетъ силу «выхлопотать» въ нихъ пріютъ для «обѣднѣвшаго», но обращающагося къ нимъ съ «дѣломъ». Послѣдняя тайна признанія дѣла, что оно совершено во имя Христа есть, конечно, тайна Самаго Христа. Пути отъ дѣла ко Христу безконечно разнообразны и всецѣло въ Его власти.

Приводимъ далѣе текстъ св. ап. Павла.

«Богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщай,

чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живого, дающаго намъ все обильно для наслажденія. Чтобы они благодѣтельствовали, богатыли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни». (Тим. V, 1719).

* * *

«Наставленія» преп. Серафима въ своемъ первоначальномъ подлинникѣ никогда напечатаны не были, и, повидимому, не сохранились. Приложенныя къ рукописи перваго житія преподобнаго, (написано іеромонахомъ Сергіемъ въ 1837 г.) они были ретушированы митр. Филаретомъ. Какого типа это была ретушь видно изъ словъ самаго митрополита въ письмѣ къ архим. Антонію:

«Я позволилъ себѣ перемѣнить или дополнить нѣкоторыя выраженія, частію, чтобы языкъ былъ правильнѣе, частію, чтобы мысли, не довольно полно или не довольно обыкновенно выраженныя, оградить отъ неправильнаго разумѣнія и прекословія» (56). Ясно — здѣсь рѣчь идетъ о сглаживаніи особенностей индивидуальнаго генія богодуховеннаго старца и сообщеніи «наставленіямъ» обычнаго, быть можетъ, даже казеннаго склада. Мы не должны слишкомъ сурово осуждать за это досточтимаго Владыку: изъ всей цензурной процедуры съ изданіемъ перваго

житія (появилось въ 1841 г., значить через 4 года послѣ написанія) — видно, что имъ руководило лучшее желаніе — дать поскорѣе ходъ этимъ замѣчательнымъ наставленіямъ и не подвернуть ихъ одной участи съ «житіемъ». Тяжелой цѣной значительнаго искаженія драгоцѣннаго литературнаго наслѣдія это было достигнуто. «Наставленія» изъ Сергіева «житія» были напечатаны въ книгѣ «Краткое начертаніе жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка» (1839 г.; давно уже библиографическая рѣдкость). Получилась картина довольно необычная: «Наставленія» преп. Серафима въ видѣ приложенія къ житію схимонаха Марка (весьма замѣчательнаго, впрочемъ, подвижника).

Число наставленій въ этомъ «житіи» равно 33 — то же, что и въ первоначальномъ текстѣ іеромонаха Сергія. По нашему мнѣнію, нѣкотораго довѣрія заслуживаютъ лишь они. Появившіеся позже въ различное время и въ различныхъ изданіяхъ — по меньшей мѣрѣ сомнительны. Поэтому мы приводимъ здѣсь, главнымъ образомъ, наставленія изъ Сергіева текста, пользуясь изданіемъ Л. Денисова, куда они включены вмѣстѣ со всѣми другими. (Съ другой стороны, изданіе 1839 г. подверглось наиболѣе жестокой цензурной урѣзкѣ. По указанной причинѣ, мы будемъ пользоваться и позднѣйшими изданіями, особенно если духъ текста явно изобличаетъ авторство Саровскаго Чудотворца).

1. *О Богѣ*. «Богъ есть огонь, согрѣвающій и разжигающій сердца и утробы. Итакъ, если мы

ощущаемъ въ сердцахъ своихъ хладъ, который отъ діавола, ибо діаволь хладенъ, то призовемъ Господа, и Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію, не только къ Нему, но и къ ближнему. И отъ лица теплоты изгонится хладъ доброненавистника» (57).

2. *О таинствѣ Святыя Троицы.* (58). Опускаемъ; стиль, языкъ и содержаніе этого фрагмента дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ густой ретушью, но и съ урѣзкой до неузнаваемости исказившей оригиналь.

3. *О причинахъ пришествія въ міръ Іисуса Христа.* «Причины пришествія въ міръ Іисуса Христа, Сына Божія, суть:

1-я. Любовь Божія къ роду человѣческому: *такъ возлюби Богъ міръ яко и Сына своего едиnorodнаго далъ єсть* (Іоан. 3, 16).

2-я. Возстановленіе въ падшемъ человѣкѣ образа и подобія Божія, какъ о семъ воспѣваетъ Св. Церковь (1-й кан. на Рождество Господне, пѣснь 1-я): *истлѣвши преступленіемъ по Божію образу бывшаго, всего тлѣнія суца, лучшія отпадоша Божественныя жизни, паки обновляетъ мудрый Содѣтель.*

3-я. Спасеніе душъ человѣческихъ: *не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасетя Имъ міръ* (Іоан. III, 17).

Итакъ мы, слѣдуя цѣли Искупителя нашего Господа Іисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному уче-

нію, дабы черезъ сіе получить спасеніе душамъ нашимъ» (59).

Можно сдѣлать тоже замѣчаніе что и о предыдущемъ фрагментѣ.

4. *О вѣрѣ*. (Можно сказать то же самое.

5. *О надеждѣ*. «Всѣ, имѣющіе твердую надежду на Бога, возродятся къ Нему и просвѣщаются сіяніемъ вѣчнаго свѣта. Если человѣкъ не имѣетъ излишняго попеченія о себѣ изъ любви къ Богу и для дѣлъ добродѣтели, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человѣкъ все упованіе свое возлагаетъ на свои дѣла, къ Богу же обращается съ молитвою лишь тогда, когда его постигаютъ непредвидѣнныя бѣды, и онъ, не видя въ собственныхъ силахъ средствъ къ отвращенію ихъ, начинаетъ надѣяться на помощь Божію, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищетъ единственно царствія Божія, и увѣрена, что все земное, потребное для жизни временной, несомнѣнно дано будетъ». (Чрезвычайно характерное для преподобнаго выраженіе. Далѣе пропускаемъ и приводимъ заключеніе). «Сердце не можетъ имѣть мира, доколѣ не стяжаетъ этой надежды. Она умиротворитъ его и волеетъ въ него радость. Она - то вполне умиротворитъ его и внесетъ радость въ него. О сей надеждѣ сказали святѣйшія уста Спасителя: *Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и Азь упокою вы* (Матѣ. XI, 28), т. е. надѣйся на Меня, и утѣшишися отъ труда и страха» (60).

6. *О любви къ Богу.* «Стяжавшій совершенную любовь существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ. Ибо считаетъ себя чуждымъ для видимаго, съ нетерпѣніемъ ожидая невидимаго. Онъ весь измѣнился въ любовь къ Богу и забылъ всякую другую любовь» (далѣе приводимъ конецъ)... «Душа, исполненная любви Божіей, во время исхода своего изъ тѣла, не убоится князя воздушнаго, но со ангелами возлетитъ, какъ бы отъ чужой страны на родину». (61).

7. *О страхѣ Божіемъ* (повидимому сильно ретушировано. Приводимъ интересный фрагментъ). Два вида страха: «если не хочешь дѣлать зла, то бойся Господа, и не дѣлай; а если хочешь дѣлать добро, то бойся Господа и дѣлай (62).

8. *О храненіи познанныхъ истинъ.* Не должно безъ нужды открывать сердца своего; изъ тысячи можно найти только одного, который бы сохранилъ твою тайну.

Когда мы сами не сохраняемъ ее въ себѣ, то какъ можемъ надѣяться, что она можетъ быть сохранена другими.

Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вещахъ; съ человѣкомъ же, имущимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ.

Исполненные духовною мудростію люди разсуждаютъ о духѣ какого-либо человѣка по Священному Писанію, смотря — сообразны ли слова его съ волею Божіею: и потому дѣлаютъ о немъ заключеніе.

Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно; особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію.

Надобно въ семъ случаѣ слѣдовать ученію св. Діонисія Ареопагита (въ книгѣ о небесной іерархіи гл. 2): «содѣлавшись самъ божественень божественныхъ вещей познаніемъ, и въ тайнѣ ума святая сокрывъ отъ неосвященнаго народа, яко единообразная, храни: не бо праведно есть, яко же писаніе глаголетъ, повергнути въ свинія умныхъ маргаритовъ чистое, свѣтовидное и драгоцѣнное благоукрашеніе. Надобно содержать въ памяти слово Господне: *не пометайте бисеръ предъ свиніями да не попрутъ ихъ ногами своими и вращеся расторгнутъ вы*» (Матѣ. VII, 6).

«А потому всѣми мѣрами должно скрывать въ себѣ сокровище дарованій.

Въ противномъ случаѣ потеряешь, и не найдешь (далѣе цитату изъ Исаака Сирина опускаемъ).

Когда же надобность потребуеть, или дѣло дойдетъ, то откровенно во славу Божию дѣйствовать должно по глаголу: потому что путь уже открылся»(63).

Приведенный фрагментъ надо считать чрезвычайно соотвѣтствующимъ всему духовному укладу святого съ его внутреннимъ и внѣшнимъ цѣломудреннымъ молчаніемъ, накапливающимъ духовное богатство. Отрывокъ этотъ по содержанію своему вплотную примыкаетъ къ слѣдующему.

9. О многословіи. «Одного многословія съ

тѣми, которые противныхъ съ нами нравовъ, довольно разстроить внутренность внимательнаго человѣка.

Но всего жалостнѣе, что отъ сего можетъ погаснуть тотъ огонь, который Господь нашъ Иисусъ Христосъ пришелъ возвести на землю сердца: ибо ничто же тако не устужаетъ огонь, отъ Святого Духа вдыханный въ сердце инока ко освященію души, яко же соображеніе и многословіе и собесѣдованіе, кромѣ онаго, еже со чады таинъ Божіихъ, еже къ возвращенію разума и приближенію»(Исаака Сир. слово 8).

Далѣе опускаемъ: (64).

10. *О молитвъ.* «Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу, должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвы ко Иисусу Христу, говоря уомъ: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго; въ часы же послѣобѣденные можно говорить сію молитву такъ; Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы помилуй мя грѣшнаго; или же прибѣгать собственно ко Пресвятой Богородицѣ, моляся: Пресвятая Богородице, спаси насъ, или говорить поздравленіе ангельское: Богородице Дѣво, радуйся. Таковымъ упражненіемъ при сохраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти, можнв приблизиться къ Богу и соединиться съ Нимъ. Ибо по словамъ св. Исаака Сирина, кромѣ непрестанная молитвы мы приблизиться къ Богу не можемъ (слово 69).

Образъ молитвы весьма хорошо расположилъ

св. Сумеонъ новый Богословъ (Добротолюб. часть I, листъ 61, Слово о трехъ образахъ молитвы).

Достоинство же оной хорошо изобразилъ св. Златоустъ: веліе, говорить онъ, есть оружіе молитвы, сокровище неоскудное, богатство никогда же иждиваемое, пристанище безволненно, тишины вина и тьмамъ благихъ корень, источникъ и мати есть (Маргарить, слово 5, о непостижимомъ). (Далѣ немного пропускаемъ).

Если въ молитвѣ случится плѣниться умомъ въ расхищеніе мыслей, тогда должно смириться передъ Господомъ Богомъ и просить прощенія говоря: согрѣшихъ, Господи, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами.

Почему всегда должно стараться, чтобы не предавать себя разсѣянію мыслей: ибо черезъ сіе уклоняется душа отъ памяти Божіей и любви Его ко дѣйствию діавола, какъ святой Макарій говоритъ: все супостата нашего тщаніе сіе есть, да мысль нашу отъ памятованія о Богѣ и страха и любви отрѣшитъ (слово 2, гл. 15).

Когда же умъ и сердце будутъ соединены въ молитвѣ и помыслы души не разсѣяны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка.

Далѣ небольшой пропускъ до конца (65).

11. *О слезахъ.* «Всѣ святые и отрекшіеся отъ міра иноки во всю жизнь свою плакали, въ чаяніи вѣчнаго утѣшенія, по увѣренію Спасителя

міра: *блажени плачущіе, яко ти утѣшатся.*
(Матѣ. 5, 4).

Такъ и мы должны плакать объ оставленіи грѣховъ нашихъ. Къ сему да убѣдятъ насъ слова Порфироснаго: ходящій хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же придуть съ радостію, вземлюще рукояти своя (Пс. СХХV, и слова св. Исаака Сирина: омочи ланите твои плачемъ очію твоего, да почиеть на тебѣ Святый Духъ и омыеть тя отъ скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами да придетъ къ тебѣ (слово 68, объ отреченіи міра).

Когда мы плачемъ въ молитвѣ, и тутъ же вмѣшивается смѣхъ; то сіе есть отъ діавольскія хитрости. Трудно постичь врага нашего тайныя и тонкія дѣйствія.

У кого текутъ слезы умиленія, такового сердце озаряють лучи Солнца Правды, Христа Бога» (66).

12. *О печали.* (Начало пропускаемъ)... «душа, исполненная печали, дѣлаясь безумною и изступленною, не можетъ спокойно ни принимать благого совѣта, ни кротко отвѣчать на предлагаемые вопросы» (далѣе пропускаемъ). «Печаль есть червь сердца, гризущій рождающую его мать». (далѣе пропускаемъ). «Кто побѣдилъ страсти, тотъ побѣдилъ и печаль. А побѣжденный страстями не избѣжитъ оковъ печали. Какъ больной видимъ по цвѣту лица, такъ обладаемый страстію обличается отъ печали.

Кто любитъ міръ, тому невозможно не печалиться. А презрѣвшій міръ, всегда веселъ.

Какъ огонь очищаетъ золото, такъ печаль по Бозѣ очищаетъ грѣховное сердце»(67),.

13. *О скукъ и уныніи.* (Начало пропускаемъ). «Болѣзнь сія врачуется молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ; потому что что и рождается она отъ малодушія и праздности, и празднословія» (Антіохъ сл. 26. Ис. стр. 212). Далѣе пропускаемъ до конца и приводимъ весьма важное терминологическое замѣчаніе: «Уныніе у св. отцевъ иногда называется праздностію, лѣнностію и разлѣненіемъ*)

14. *Объ отчаяніи.* Какъ Господь печется о нашемъ спасеніи, такъ челоуѣкоубійца діаволь старается привести челоуѣка въ отчаяніе. (Далѣе пропускаемъ немного).

«Иуда предатель былъ малодушень и не искусенъ въ брани, и потому врагъ, видя его отчаяніе, напалъ на него и принудилъ его удавиться; но Петръ — твердый камень, когда впалъ въ великій грѣхъ, какъ искусный въ брани, не отчаялся и не потерялъ духа, но пролилъ горькія слезы отъ горячаго сердца, и врагъ, увидя ихъ, какъ огнемъ палимый въ глаза, далеко убѣждалъ отъ него съ болѣзненнымъ воплемъ.

Итакъ, братія, учить пр. Антіохъ, когда отчаяніе будетъ нападать на насъ, не покоримся ему, но, укрѣпляясь и ограждаясь свѣтомъ вѣры, съ великимъ мужествомъ скажемъ лукавому духу: «что намъ и тебѣ, отчужденный отъ Бога,

бѣглець съ неба и рабъ лукавый? Ты не смѣешь сдѣлать намъ ничего. Христось, Сынъ Божій, власть имѣеть и надъ нами, и надъ всѣмъ. А ты, пагубный, удались отъ насъ. Укрѣпляемые честнымъ Его кресломъ, мы попираемъ твою зміную голову»(69).

15. *О болѣзняхъ.* Тѣло есть рабъ, душа царица, а потому сіе есть милосердіе Господне, когда тѣло изнуряется болѣзнями: ибо отъ сего ослабѣвають страсти, и человекъ приходитъ въ себя; да и самая болѣзнь тѣлесная рождается иногда отъ страстей.

«Отними грѣхъ и болѣзни оставятъ...»(далѣе пропускаемъ)«Господь создалъ тѣло.а не недугъ; душу,а не грѣхъ. Что же паче всего полезно и нужно? соединеніе съ Богомъ и общеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Теряя любовь сію, мы отпадаемъ отъ Него, а отпадая подвергаемъ различнымъ и многообразнымъ недугамъ. Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ, тому вмѣняется она вмѣсто подвига и даже болѣе»(70).

Съ геніальною краткостью здѣсь набросана превосходная теодицея: «болѣзнь» есть *privilegium odiosum* твари, желающей оставаться «при себѣ».

16. *О терпѣніи и смиреніи.*«Надобно всегда терпѣть что-нибудь Бога ради съ благодарностью.

Наша жизнь — одна минута въ сравненіи съ вѣчностью; и потому *не достойны* по апостолу

страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ (Рим. VIII, 18).

Въ молчаніи переноси, когда оскорбляетъ врагъ, и Господу открывай сердце свое.

Когда твою честь кто уничижаетъ, то всѣми мѣрами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелія: отъ взимающаго твоя не истязуй (Лук. VI, 30).

Когда насъ люди поносятъ, то мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то бы всѣ кланялись намъ.

Мы всегда и предъ всѣми должны уничижать себя, и слѣдуя ученію св. Исаака Сирина: уничижи себя, и узриши славу Божию въ себѣ (глава 57, л. 121).

Посему возлюбимъ смиреніе и узримъ славу Божию; идѣ же бо истекаетъ смиреніе, тако слава Божія источается.

Не сущу свѣту, вся мрачна; такъ и безъ смиренія ничего нѣтъ въ чловѣкѣ, какъ одна тьма» (71).

Здѣсь мы узнаемъ центральную идею преподабнаго о добываніи небеснаго земнымъ: слава Божія «сіяніе Божества» добывается добродѣтелью смиренія, которая есть высшая добродѣтель (между прочимъ уже потому, что неразрывно связана съ любовью).

17. *О милостынѣ.* (Начало опускаемъ). «Примѣръ Петра Хлѣбодара (Чет. Мин. сент. 22), который за кусокъ хлѣба, поданный нищему, получилъ прощеніе во всѣхъ его грѣхахъ, какъ это было показано ему въ видѣніи — да подвигнетъ насъ къ тому, чтобы и мы были милости-

вы къ ближнимъ: ибо и малая милостыня много способствуетъ къ полученію царствія небеснаго. Творить милостыню должны мы съ душевнымъ благорасположеніемъ, по ученію св. Исаака Сирина (слово 89, л. 168 об.): аще даси что требующему, да предварить даяніе твое веселіе лица твоего, и словеса благими утѣшай скорбь его (72). Такъ какъ милостыня можетъ быть средствомъ стяжанія Духа Святаго только въ томъ случаѣ, если она совершается о Христѣ (хотя во всѣхъ случаяхъ остается добрымъ дѣломъ), то «душевное благорасположеніе», «словеса благія», «веселіе лица»—надо считать признаками о Христѣ совершаемой милостыни» (72).

18. *О должностяхъ и любви къ ближнимъ* (хотя, повидимому, сильно ретушировано, но черты индивидуальности преподобнаго замѣтны; приводимъ только начало):

«Съ ближнимъ надобно обходиться ласково, не дѣлая даже и видомъ оскорбленія» (далѣе опускаемъ). «Духъ смущеннаго или унывающаго человѣка надобно стараться ободрить любовнымъ словомъ» (въ концѣ приведена цитата изъ св. Дмитрія Ростовскаго). «О семь предметъ весьма хорошо разсуждаетъ св. Димитрій Ростовскій (Часть 2, поученіе 2 л. 165): тамъ видна неправдивая къ Богу въ христіанскомъ человѣкѣ любовь, гдѣ тварь съ Творцомъ сравнивается, или болѣе тварь, нежели Творецъ, почитается: а тамъ видна правдивая любовь, гдѣ одинъ создатель паче всего созданія любитя и предпочитается. (73).

19. *О должностяхъ подчиненныхъ къ начальникамъ* (повидимому подверглось сильнѣйшей ретуши — если не цѣликомъ интерполировано — и интереса не представляетъ).

20. *О неосужденіи ближняго.* «Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видѣлъ кого согрѣшающимъ, или коснѣющимъ въ преступленіи заповѣдей Божіихъ, по слову Божию: *Не судите да не судими будете* (Матѳ. VII, 1), и паки: *ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоитъ или падаешъ, станеть же, силенъ бо Богъ поставити его* (Рим. XIV, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себѣ на память апостольскія слова: *мняй стояти да блюдется, да не падеть* (1 кор. X, 12).

Ибо не извѣстно, сколько времени мы можемъ въ добродѣтели пребывать, какъ опытомъ своимъ дознавшій пророкъ говоритъ: *Рѣхъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ* (Пс. XXIX, 78)» (74). Тамъ же очень важный фрагментъ: «Богъ заповѣдалъ намъ вражду только противъ змія, т. е. противъ того, кто изначала обольстилъ человѣка и изгналъ изъ рая — противъ человѣкоубійцы-дѣвола. Повелѣно намъ враждовать и противъ Мадіанитянъ, т. е. противъ нечестивыхъ духовъ блуда и студодѣянія, которые сѣютъ въ сердца нечестивые и скверные помыслы».

21. *О прощеніи обидѣ.* (Приводимъ характерное для преподобнаго заключеніе). «Итакъ, если мы будемъ, сколько есть силы, стараться все сіе исполнять, тогда можемъ надѣяться, что

рано возсіяеть свѣтъ Божественный въ душахъ нашихъ, открывающій намъ путь къ горнему Іерусалиму» (75).

22. *О попеченіи о душѣ.* (Приводимъ характерное аскетическое замѣчаніе)... Намъ все стараніе должно имѣть о душѣ; тѣло же подкрѣпляютъ для того только, чтобы оно способствовало къ подкрѣпленію духа.

Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то таковое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели». (76).

23. *Чтѣнь должно снабдѣвать душу.* (въ виду чрезвычайной важности содержанія и характерности для умонастроенія самаго автора, приводимъ цѣликомъ). «Душу снабдѣвать надобно словомъ Божиимъ: ибо слово Божіе, какъ говоритъ Григорій Богословъ, есть хлѣбъ ангельскій, имъ же питаются души, Бога алчущія. Всего же болѣе должно упражняться въ чтеніи Новаго Завѣта и Псалтири. Отъ сего бываетъ просвѣщеніе въ разумъ, который измѣняется измѣненіемъ Божественнымъ.

Надобно такъ себя приобучить, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ законѣ Господнемъ, которымъ, руководствуясь, должно управлять жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтеніемъ слова Божія въ уединеніи, и прочитатъ всю Библию разумно. За одно таковое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставляетъ

человѣка Своею милостію, но исполняетъ его дара разумѣнія.

Когда же человѣкъ снабдитъ душу свою словомъ Божиимъ, тогда исполняется разумѣніемъ того, что есть добро и что есть зло.

Чтеніе слова Божія должно быть производимо въ уединеніи, для того чтобы весь умъ чтущаго углубленъ былъ въ истины Священнаго Писанія, и принималъ бы отъ сего въ себя теплоту, которая въ уединеніи производитъ слезы, отъ сихъ человѣкъ согрѣвается весь, и исполняется духовныхъ дарованій, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова. Слѣдуетъ также снабдить душу и познаніями о Церкви, какъ она отъ начала и доселѣ сохраняется, что терпѣла она въ то или другое время; знать же сіе не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущихъ встрѣтиться противоположеній.

Болѣе же всего оное дѣлать должно собственнo для себя, чтобы пріобрѣсти миръ душевный, по ученію Псаломника: миръ многъ, любящимъ законъ Твой, Господи (Пс.СХVIII,77)»

Только что приведенная небольшая статья представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образчиковъ высоты и силы ума, измѣненнаго тѣмъ самымъ «измѣненіемъ Божественнымъ», о которомъ въ ней говорится. Специфическая психологія религіознаго познанія, его этика, и аскетическая гигиена построены здѣсь на началахъ той соборной свободы которая столь характерна для православія съ его отвра-

щеніемъ, какъ къ «киченію разума» (раціонализмъ), такъ и къ похоти властвованія. Цѣлью чтенія, «снабдѣванія души» здѣсь оказывается то же самое «умопремѣненіе»—*покаяніе*, что и въ другихъ видахъ подвига Христа ради. Отсюда и слезы, отсюда и миръ душевный, играющій такую большую роль въ богословіи преподобнаго въ виду его пріятія какъ дара Духа Святаго (см. Бесѣду съ Мотовиловымъ).

24. *О мирѣ душевномъ.* (Приводимъ цѣликомъ эту статью, не вездѣ, повидимому, подлинную, но тѣсно связанную съ предыдущею, и вмѣстѣ съ нею и послѣдующею, каковая представляетъ представляющую дополненіе и развитіе того ученія о мирѣ, который данъ въ «Бесѣдѣ съ Мотовиловымъ»).

«Ничто же лучше есть во Христѣ мира, въ немъ же разрушается всякая брань воздушныхъ и земныхъ духовъ: *Нѣсть бо наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ и ко властемъ и къ міродержателемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12).

Признакъ разумной души, когда человекъ погружаетъ умъ внутрь себя и имѣетъ дѣланіе въ сердцѣ своемъ.

Тогда благодать Божія пріосѣняетъ его, и онъ бываетъ въ мирномъ устроеніи, а посредствомъ сего и въ премірномъ: въ мирномъ, то есть съ совѣстію благою; въ премірномъ же, ибо умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Святого Духа, по слову Божію: *въ мирѣ мѣсто Его* (Пс. LXXV).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнѣе бываетъ, когда умъ видитъ внутреннимъ окомъ солнце правды, Христа. Тогда, воистину радуется радостію ангельскою; о семъ-то и апостоль сказалъ: наше житіе на небесѣхъ есть (Филип. III 20).

Когда кто въ мирномъ устроеніи ходитъ, тотъ какъ бы лжицею черпаетъ духовные дары.

Святые отцы, имѣя мирное устроеніе, и будучи осыняемы благодатію Божіею, жили долго.

Когда человѣкъ приидеть въ мирное настроеніе, тогда можетъ отъ себя и на прочихъ издавать свѣтъ просвѣщенія разума; прежде же всего человѣку надобно повторить сіи слова пророчицы: *да не изыдетъ велерѣчіе изъ устъ вашихъ* (1 Цар. II 3), и слова Господни: *Лицемѣре! изми первѣе бревно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѣ. VII 5).

Сей миръ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище оставилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ ученикамъ своимъ передъ смертію Своею, глаголя: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV 27). О немъ также говоритъ и апостоль: *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разуменія ваша о Христѣ Иисусѣ* (Филип. IV 7).

Итакъ мы должны всѣ свои мысли, желанія и дѣйствія сосредоточивать къ тому, чтобы и съ

Церковію всегда вопіять: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ!*» (78).

25. *О сохраненіи мира душевнаго.* «Всѣми мѣрами надобно стараться, чтобы сохранить миръ душевный и не возмущаться оскорбленіями отъ другихъ. Для сего нужно всячески стараться удерживать гнѣвъ, и посредствомъ вниманія умъ и сердце соблюдать отъ непристойныхъ движеній» (Далѣе приводимъ конецъ).

«Для сохраненія мира душевнаго также всячески должно избѣгать осужденія другихъ. Неосужденіемъ и молчаніемъ сохраняется миръ душевный: когда въ такомъ устроеніи бываетъ человѣкъ, то получаетъ Божественныя откровенія.

Чтобы избавиться отъ осужденія, должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать постороннихъ мыслей и быть ко всему мертву» (79).

26. *О храненіи сердца* (Очевидно подлинная и очень цѣнная статья). «Мы неусыпно должны хранить сердце свое, отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній, по слову Приточника: *Всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце, отъ сихъ бо исходяща живота* (Притч. IV, 23).

Отъ всегдашняго храненія сердца рождается въ немъ чистота, въ которой зрится Господь, по увѣренію Истины вѣчныя: *Блаженіи чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8).

Что втекло въ сердце лучшаго, того мы безъ надобности выливать не должны: ибо тогда только собранное можетъ быть въ безопасности отъ ви-

димыхъ и невидимыхъ враговъ, когда оно х^нится во внутренности сердца.

Сердце тогда только кипить, будучи возжигаемо огнемъ Божественнымъ, когда въ немъ есть вода живая; когда же сія выльется, то оно хладнеть и человѣкъ замерзаетъ. (77).

27. *О распознаваніи дѣйствій сердечныхъ* (цитируемъ начало).

«Когда человѣкъ приметъ что-либо Божественное, то въ сердцѣ радуется; а когда діавольское, то смущается (80).

«Сердце христіанское, принявъ что-либо Божественное, не требуетъ сторонняго убѣжденія въ томъ, что сіе есть отъ Господа, но самымъ тѣмъ дѣйствіемъ убѣждается, что воспріятіе его есть небесное; ибо ощущаетъ въ себѣ плоды духовные: *люби радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 12).

А діаволь, хотя бы преобразился въ *Англа Свѣтла* (2 кор. XI, 14), или представлялъ мысли самыя благовидныя, сердце все будетъ чувствовать какую-то неясность, волненіе въ мысляхъ и смятеніе чувствъ.

Объясняя сіе, св. Макарій Египетскій говоритъ: хотя бь сатана и свѣтлыя видѣнія представлялъ, благого обаче дѣйствія подати отнюдь не возможетъ: черезъ что и извѣстный знакъ его дѣла бываетъ (сл. 4, гл. XIII)».

Итакъ по разнообразнымъ дѣйствіямъ сердечнымъ человѣкъ можетъ познать, что есть Божественное и что діавольское, какъ о семъ

пишетъ св. Григорій Син. ить: «Отъ дѣйства убо
возможешь познать возсіявый свѣтъ въ душѣ
твоей Божій-ли есть или сатанинъ»(81).

28. *О свѣтъ Христовомъ.* (Одна изъ важнѣй-
шихъ статей; ярко характерная для подвижника.
Приводимъ цѣликомъ).

«Дабы пріять и узрѣть въ сердцѣ свѣтъ Хри-
стовъ, надобно сколько можно отвлечь себя отъ
видимыхъ предметовъ. Предочистивъ душу по-
каяніемъ и добрыми дѣлами, и съ вѣрою въ
Распятаго, закрывъ тѣлесныя очи, погрузить
умъ внутрь сердца, гдѣ вопіять призываніемъ
имени Господа нашего Іисуса Христа; и тогда
по мѣрѣ усердія и горячести духа къ возлюблен-
ному находить человѣкъ въ призываемомъ имени
услажденіе, которое возбуждаетъ желаніе искать
высшаго просвѣщенія.

Когда черезъ такое упражненіе укоснить
умъ въ сердцѣ, тогда возсіяваетъ свѣтъ
Христовъ, освѣщая храмину души своимъ Бо-
жественнымъ осіяніемъ, какъ говоритъ пророкъ
Малахія: *и возсіяетъ вамъ боящимся имене Моего
солнце правды* (Малах. IV, 2).

Сей свѣтъ есть купно и жизнь по Евангель-
скому слову: *въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ
свѣтъ* *человѣкомъ* (Іоан. 1, 4).

Когда человѣкъ созерцаетъ внутренно свѣтъ
вѣчный, тогда умъ бываетъ чистъ и не имѣетъ
въ себѣ никакихъ чувственныхъ представленій,
но, весь будучи углубленъ въ созерцаніе несо-
зданной доброты (44), забываетъ все чувственное,
не хочетъ зрѣть и себя (45); но желаетъ скрыться

въ сердце земл, только бы не лишиться сего истиннаго блага — Бога (82).

29. *О помыслахъ и плотскихъ движеніяхъ.*

Ежели мы не согласны со влагаемыми отъ діавола злыми помышленіями, то мы добро творимъ.

Нечистый духъ только на страстныхъ имѣеть сильное вліяніе, а къ очистившимся отъ страстей приражается только со стороны или внѣшно (83)

30. *О вниманіи самому себѣ* (приводимъ два отрывка).

Умъ внимательнаго человѣка есть какъ бы поставленный стражъ, или неусыпный охранитель внутренняго Іерусалима. Стоя на высотѣ духовнаго созерцанія, онъ смотритъ окомъ чистоты на обходящія и приаржающіяся къ душѣ его противныя силы; по Псаломнику: *и на враги моя воззръ око мое* (Пс. LIII, 9).

...наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужія дѣла, не мыслить, не говорить о нихъ по Псаломнику: *не возглаголютъ уста моя дѣль человѣческихъ* (Пс. XVI, 4), а молить Господа: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего* (Пс. XVIII, 13, 14)»(84).

31. *Противъ излишней попечительности.* (Обычное аскетическое замѣчаніе, врядъ ли пренадлежащее преподобнаму; опускаемъ).

32. *Объ отреченіи отъ міра.* (Приводимъ отрывокъ).

«Не освободясь отъ міра, душа не можетъ любить Бога искренно. Ибо житейское, по словамъ

преп. Антиоха, для нея есть какъ бы покрывало.»

33. *О подвигахъ.* (Приводимъ отрывокъ очень характерный для преподобнаго).

«Должно снисходить душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпѣть другихъ, но не облѣняться и побуждать себя къ лучшему» (86).

34. *О покаяніи.* (Приводимъ отрывокъ, изъ котораго видно, что преподобный въ согласіи съ духомъ православія, мыслилъ покаяніе на основѣ душевнаго покоя и обращенной внутрь душевной зоркости — что и есть умопремѣненіе)

«Начало покаянія происходитъ отъ страха Божія и вниманія, какъ говоритъ св. мученикъ Вонифатій (Чет. Мин. 19 декабр., въ житіи его): страхъ Божій есть отецъ вниманія, а вниманіе — мать внутренняго покоя, той же рождаетъ совѣсть, которая сіе творить, да душа якоже въ водѣ нѣкоей чистой и невозмущенной, свою зрѣть некрасоту, и тако рождаются начатки и коренія покаянія».(87).

35. *О постѣ.* (Очень характерный и, повидимому, подлинный фрагментъ)

«Чтобъ наложить на себя строгое правило воздержанія во всемъ, или лишить себя всего, что можетъ служить къ облегченію немощей, сіе вмѣстить не всякій можетъ.

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобъ тѣло, укрѣпясь, было другомъ и помощникомъ души въ совершеніи добродѣтели; а иначе можетъ быть то, что изнемогшу тѣлу, и душа ослабѣваетъ».

По пятницамъ и средамаъ, особенно же въ четыре поста, пищу употреблять одинъ разъ въ день, и ангель Господень прилѣпится къ тебѣ». (88).

36. *О бодрствованіи противу искушеній.* (Приводимъ конецъ).

...«Мы должны всегда во смиреніи призывать Господа и молить, да не попуститъ на насъ быти искушенію выше силы нашея; но да избавитъ насъ отъ лукаваго.

Ибо когда Господь оставитъ челоуѣка самому себѣ, тогда діаволь готовъ стереть его, яко мельничный жерновъ пшеничное зерно (89).

37. *О уединеніи и молчаніи.* (Повидимому, подлинникъ или во всякомъ случаѣ композиція изъ подлинныхъ изреченій преподобнаго; приводимъ полностью).

«Паче всего должно украшать себя молчаніемъ; ибо Амвросій Медиоланскій говоритъ: молчаніемъ многихъ видѣлъ я спасающихся; многоглаголаніемъ же — ни одного. И паки нѣкто изъ отцевъ говоритъ, что молчаніе есть таинство будущаго вѣка, слова же орудіе суть міра сего (Добротол., иноковъ Каликста и Игнатія, часть 2, л. 54).

Ты только седи въ келіи во вниманіи и молчаніи и всѣми мѣрами старайся приблизить себя ко Господу, а Господь готовъ сдѣлать тебя изъ челоуѣка ангеломъ; *на кого бо, говоритъ, воззрю; токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (Исаи 66, 2).*

Когда мы въ молчаніи пребываемъ, тогда врагъ — діаволь ничего не успѣетъ относительно къ потаенному сердца человѣку: сіе же должно разумѣть о молчаніи въ разумѣ. Проходящій таковой подвигъ, долженъ все упованіе свое возложить на Господа Бога, по ученію апостола: *всю печаль вашу возверзите нань, яко Той печется о васъ* (1 Нетр. V, 7).

Оный долженъ быть постоянень въ семь подвигъ, послѣдуя въ семь случаѣ примѣру св. Іоанна молчальника и пустынника (Чет. Мин. 3. въ житіи его), который въ прохожденіи пути сего утверждался сими Божественными словами: *не имамъ тебѣ оставить, ниже имамъ отъ тебе отступить* (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь возложенными отъ настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, оставшееся отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе, и за сіе малое не оставитъ Господь Богъ ниспослать благодатную свою милость.

Отъ уединенія и молчанія рождаются умиленіе и кротость; дѣйствіе сей послѣдней въ сердцѣ человѣческомъ можно уподобить водѣ оной тихой Силоамской, которая течетъ безъ шума и звука, какъ говорить о ней пророкъ Исаія: *воды Силоамли текущія тиси* (Ис. VIII, 6).

Пребываніе въ келіи въ молчаніи, упражненіи молитвѣ и поученіи день и ночь Закону Божию дѣлаетъ человѣка благочестивымъ; ибо, по словамъ св. отецъ, келія инока есть пещь Вавилон-

ская, въ ней же трое отроцы Сына Божія обрѣтоша»(90).

38. *О безмолвіи.* (Можно сдѣлать то же замѣчаніе, что и о предыдущемъ, хотя текстуальная подлинность совершенно сомнительна. Приводимъ однако полностью).

«Совершенное безмолвіе есть крестъ, на которомъ долженъ человекъ распять себя со всѣми страстями и похотями. Но подумай, Владыка нашъ Христось, сколько напередъ претерпѣлъ поношеній и оскорбленій, и потомъ уже восшелъ на крестъ. Такъ и намъ нельзя пріити въ совершенное безмолвіе и надѣяться святого совершенства, если не постраждемъ со Христомъ. Ибо, говоритъ апостоль, *аще съ нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся. Другого пути нѣтъ* (Варс. отв. 342).

Пришедшій въ безмолвіе долженъ непременно помнить, зачѣмъ пришелъ, чтобы не уклонилось сердце его къ чему-либо другому»(91).

39. *О жизни дѣятельной и умозрительной.* (Приводимъ отрывокъ. Сквозь явную и густую ретушь со всею мщью проступаетъ индивидуальность автора).

«Къ умосозерцательной жизни приступать должно со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многими испытаніемъ Святыхъ Писаній, и, если можно найти, подъ руководствомъ какого-либо искуснаго старца; а не съ дерзостію и самочиніемъ: дерзый бо и презорливый, по словамъ Григорія Синаита (о прелести и о иныхъ многихъ предлогахъ.

Доброт. часть 1, л. 95), паче достоинства своего взыскавъ съ киченіемъ, понуждается до того прежде времени dospѣти. И паки: аще мечтається кто мнѣніемъ высокая достигнути, желаніе сатанино, а не истину стяжавъ, — сего діаволь своими мрежами удобъ уловляетъ, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущаго руководствовать къ умосозерцательной жизни, то въ такомъ случаѣ должно руководствоваться Священнымъ Писаніемъ, ибо Самъ Господь повелѣваетъ намъ учиться отъ Священнаго Писанія, глаголя: *испытывайте Писанія, яко вы мните имѣти въ нихъ животь вѣчный*. (Іоан. V 39).

(Мы позволяемъ себѣ привести теперь начало этого фрагмента, гдѣ дается опредѣленіе жизни дѣятельной и умосозерцательной; *здѣсь, повидимому, подлинник*).

«Путь дѣятельной жизни составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесные подвиги, составляющіе тѣсный путь и прискорбный, который по слову Божію вводитъ въ животь вѣчный (Матѣ. V 14).

Путь умосозерцательной жизни состоитъ въ возношеніи ума къ Господу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ, и созерцаніи чрезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ». (Закончимъ отрывкомъ тоже, повидимому, подлиннымъ и представляющимъ огромный цѣнности аскетическій совѣтъ).

«Не должно оставлять дѣятельную жизнь и тогда, когда бы въ ней челоуѣкъ имѣлъ преспѣяніе и прищель бы уже въ умосозерцательную: ибо она содѣйствуетъ умосозерцательной жизни и ее возвышаетъ»(92).

40. *Наставленіе новонаначальному иноку.* (Изъ этого № приведемъ замѣчательное по тонкости и художественности описаніе сущности и дѣйствія молитвы Іисусовой).

«За рукодѣльемъ, или будучи гдѣ-либо на послушаніи, твори безпрестанно молитву: Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго. Въ молитвѣ внемли себѣ, т. е. умъ собери и соедини съ душою. Сначала день, два и множае твори молитву сію однимъ умомъ, раздѣльно, внимая каждому особо слову. Потомъ, когда Господь согрѣетъ сердце твое теплотою благодати своея, и соединить въ тебѣ оную въ единъ духъ: тогда потечетъ въ тебѣ молитва оная безпрестанно, и всегда будетъ съ тобою, наслаждая и питая тебя. Сіе-то самое есть реченное пророкомъ Ісаіею: *роса бо, яже отъ Тебѣ, исцѣленіе имъ есть* (Ис. XXVI 19). Когда же будешь содержать въ себѣ оную сію пищу душевную, т.е. бесѣду съ Самимъ Господомъ, то за чѣмъ ходитъ по келіямъ братій, хотя къмъ и будешь призываемъ»(93).

41. *Отвѣтъ одному брату, требовавшему на-, ставленія къ прохожденію пустынной жизни.* (Приводимъ важный по мотивировкѣ пустыничества отрывокъ).

«Мы бѣгаемъ не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то же имя Христово; но

пороковъ, ими творимыхъ, какъ и великому Арсенію сказано было: бѣгай людей, и спасешися (94).

42. *Каковъ долженъ быть настоятель?* (Приводимъ изреченіе).

Отличительнымъ характеромъ настоятеля должна быть любовь къ своимъ подчиненнымъ. (95).

43. *Наставленіе настоятелю какъ управлять братією* (96) (Опускаемъ).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Всякое житіе если оно только написано чело-
вѣкомъ, живущимъ въ міру и не усовершен-
ствовавшимся духовно на столько, чтобы
имѣть возможность принять славу святого
въ свою душу — недостаточно. Полностью же
ликъ святого неопишумъ и житіе его неизъ-
яснимо — какъ неизъяснима вообще личность
въ святости обрѣтающая особую высоту и
цѣнность. Святому дается «новое имя, котораго
никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ»
(Откр. II-17).

Это имя — отъ Господа Саваоѳа, отъ Отца
отъ Его закрытой тайны. Всякая личность въ
предѣлѣ абсолютно неопишума и доступна лишь
Творцу. Личность — неизреченна, закрыта: она
есть «не я» и носить на себѣ печать Бога Отца,
Господа Саваоѳа, Абсолютной Индивидуальности
и въ то же время Абсолютной Объективности.
Въ частности же придется подчеркнуть особую
неопознанность и непознаваемость преподобнаго
Серафима. Въ немъ мы до нѣкоторой степени
начинаемъ сознать, что значить Образъ Божій

въ челоѣкѣ. Онѣ троиченѣ, ибо отражаетъ Тривпостаснаго Бога и состоитъ, полагаемъ мы, въ слѣдующемъ.

1) Одинѣ челоѣкѣ абсолютно непознаваемъ до конца другимъ (сердцевѣдѣнїе, какъ показаль преп. Серафимѣ, дается не непосредственно, а черезъ Бога). Это абсолютно непознаваемое есть въ то же время и творческое, ибо творчество есть проявленїе во внѣ личнаго неизреченнаго. Эта неизреченная, творческая природа, являющаяся въ то же самое время источникомъ власти есть признакъ Отчей Впостаси. Челоѣкѣ творить мїръ видимый — матерїальныя цѣнности и мїръ невидимый — цѣнности духовныя. Онѣ властвуетъ надъ тѣми и другими. Далѣе 2) неизреченное изрекаетъ челоѣкомѣ, его разумомѣ, осмысленностью его личности и творчества, ихъ оформленностью. Эта разумно-оформляющая сторона, изрекающая смыслъ, логосъ, и его выражающая, есть признакъ Сыновней Впостаси. Она актуализируетъ творческую тайну и безъ нея «ничто же бысть еже бысть». 3) Наконецъ, это же неизреченное изъ нѣдръ своихъ изводитъ объединяющее начало, которое одушевляетъ сотворенное, полагаетъ его, изливается на него какъ выраженїе все проникающей Любви. Это то, чѣмъ «не я» дѣлается соучастникомъ «я», единосущнымъ ему, т. е. то, что соединяетъ Отчую Впостась съ Сыновней. Въ ней изрекается потребность для другого, объективная цѣнность. Потому и взываетъ преп. Свмеонѣ Новый Богословѣ къ Св. Духу: «зачѣмъ бы ты сокрылъ себя,

— ты никого изъ всѣхъ не презирающій, никого не боящійся?».

Какъ всѣ Лица Троицаго Бога еднородны другъ другу и въ то же время Каждое обладаетъ Своимъ свойствомъ и Своимъ ликомъ, такъ есть и люди въ которыхъ запечатлѣна та или иная сторона «трижды свѣтящаго Свѣта». Достигнувъ столь большихъ высотъ богоуподобленія, посвѣщенный «свѣтомъ разума» Христова, стяжавъ безмѣрный даръ Духа Святаго Саровскій угодникъ какъ-то по особенному таинствененъ. Онъ «наполовину уже не монахъ», какъ вѣрно замѣчаетъ П. Флоренскій Мало того, онъ почти уже не человѣкъ. «Лице человѣческое, сіяюще посреди солнца въ ослѣпительномъ влскѣ его полученныхъ лучей». Включенный въ родъ Богоматери и осѣненный Святымъ Духомъ, онъ сталъ «въ кровѣ крылу» Всевышняго. И среди святыхъ явно носить печать Бога Саваоа, Бога-Адонаи, по преимуществу. Его ласка наряду съ услажденіемъ приноситъ страхъ и трепетъ (*mysterium tremendum*). Немногіе даютъ себѣ отчетъ въ томъ неизреченномъ отъединеніи отъ «міра лежащаго во злѣ», въ которое его восхитилъ Господь, включая въ родъ Преподобной.

Творческое слово, знаніе, распоряженіе судьбами и возвѣщеніе ихъ — все это дѣлаетъ его «огнемъ пополающимъ», и приближаться къ нему надо со страхомъ и благоговѣйной любовью.

Еще не достаточно даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что за страшная сила въ испепеляющемъ теплѣ

ласки Преподобнаго, въ его пронизывающемъ тайну душъ и судебъ взорѣ, въ его властности вплоть до распоряженія часомъ смертнымъ. Еще недостаточно прославляютъ Бога, «давшаго такую власть человѣкомъ».

Богословская вдумчивость и простота вѣры должны здѣсь идти рука объ руку. Потому-то такъ трудно, такъ опасно писать о величайшемъ старцѣ земли Русской.

Познать и научиться почитать Саровскаго Чудотворца значить познать и научиться почитать православіе, сосредоточившее въ немъ, какъ въ фокусъ, свои сильнѣйшіе лучи. А оно, вѣримъ мы, и есть Новый Іерусалимъ, гдѣ скинія Бога и Агнца.

Въ образѣ Преподобнаго мы существенно познаемъ смыслъ и красоту Новаго Израиля, Вѣчнаго Израиля, въ Которомъ Господь показалъ свою вѣчно - эсхатологическую, вѣчно «будущую», вѣчно «Новую» природу. (Іегова — JHVH, «ich werde sein der ich sein werde», «я буду тѣмъ, который будетъ») (97).

Но бѣлизна и тепло Православія не есть выходъ изъ сферы Древняго Израиля, ибо Израиль, такъ же какъ и сыновство Авраама, есть категория вѣчная и сверхъ-національная. «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ. Не нарушить пришелъ Я, а исполнить»; и еще: «скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ одна іота или черта закона пропадетъ». Новый Израиль бѣлъ, потому что довелъ до бѣлаго каленія богоизбранное горѣніе Израиля Древняго. Хотя

лишь въ Новомъ Израилѣ открылся «Свѣтъ Тихій» Отчей Впостаси — черезъ Словоуплощеніе, и Ея любовь — Духа Святаго, но грозная суровая закрытость сказалась и въ этомъ сіяніи и въ этой любви. Въ нихъ обѣтованіе блаженства неразрывно связано съ грядущей грозой, «огненнымъ прещеніемъ» и карой геенны. Бытіе — не шутка, и улыбаться здѣсь безнаказанно никому не дано.

Темный огонь, черное пламя геенны, уготованное для хулящихъ Любовь и не пріемлющихъ Ее, преодолевается и побѣждается бѣлокзеною, свѣтомъ пламенѣющею устремленностью Духа.

Вѣчное блаженство достигается хожденіемъ по узкому пути «наибольшаго сопротивленія.» Такимъ и былъ путь Саровскаго Чудотворца. Онъ до конца умеръ во Христвъ — и потому такъ радостна Его Пасха. Томленіе Геесиманской ночи, бичеваніе въ преторіи Пилата, Голгоѳа, богооставленность, сошествіе во адъ — вотъ что лежитъ въ основѣ Ново-Завѣтной Пасхи, вотъ что преобразившись, «адъ умерщвляетъ блистаніемъ Божества».

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!

ИСТОЧНИКИ.

Въ основаніе настоящаго очерка легли два крупныхъ собранія матеріаловъ о Саровскомъ Подвижникѣ и лицахъ такъ или иначе съ нимъ соприкасавшихся.

1) «Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго Монастыря», сост. Архимандритомъ Серафимомъ (въ міру Леонидъ Чичаговъ). Изданіе второе Серафимо-Дивѣвскаго Монастыря. С.-Петербургъ 1903, стр. XVI+851.

2) Житіе преподобнаго отца нашего Серафима Саровскаго. Леонида Денисова. Москва 1904 г., изд. А. Д. Ступина. (Безпорядочное изложеніе очень затруднило пользование этимъ сборникомъ, въ большей своей части къ тому же представляющемъ компіляцію изъ лѣтописи).

Біографіи преподобнаго полной и законченной еще не появлялось. Это впрочемъ и невозможно до критическаго изданія архивно-рукописныхъ источниковъ о немъ. Считаемо необходимымъ перечислить эти источники, руководствуясь порядкомъ ихъ въ «Лѣтописи».

Тетрадь № 1: разсказъ объ основателѣ нашемъ старцѣ священно-іеромонахѣ Серафимѣ (сообщеніе старицы и монахинь).

Тетрадь № 2: того же содержанія.

Тетрадь № 3: Достоверныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣвскихъ обителяхъ Н. А. Мотовилова и объ исцѣленіи его великимъ старцемъ Серафимомъ.

Тетрадь № 4: лѣтописныя сказанія Серафимо-Дивѣва монастыря, составленныя изъ записокъ протоіерея о. Василія Садовскаго и Николая Александровича Мотовилова: а) предисловіе; б) г-жа Агаеія Семеновна Мельгунова въ монашествѣ матушка Александра; в) первоначальная, такъ называемая Общежительно-Богоугодная, при Казанской церкви полковницы Мельгуновой женская

община; г) Марія Семеновна Мелюкова, въ схимонасѣхъ Марѳа; д) Елена Васильевна Мантурова.

Тетрадь № 5: описаніе женскаго общежительнаго Серафимо-Дивѣвскаго монастыря, составленное вслѣдствіе указа о томъ Преосвященнаго Модеста, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго въ 1885 г. и хранящеся въ Духовной Консистоіи.

Тетрадь № 6: лѣтописное сказаніе Серафимо-Дивѣва монастыря, составленное изъ записокъ протоіерея о. Василія Садовскаго и Николая Александровича Мотовилова и по рассказамъ Михаила Васильевича Мантурова: а) основаніе старцемъ Серафимомъ второй мельничной Дивѣвской общинки, при селѣ Дивѣвѣ; б) построеніе двухъ-поставной вѣтряной мельницы въ Серафимовомъ Дивѣвѣ; в) Михайль Васильевичъ Мантуровъ; г) построеніе первоначальныхъ Рождественскихъ церквей Серафимо-Дивѣва. Разсказъ протоіерея о. Василія Садовскаго; д) 81 разсказъ старицъ о предреченіяхъ батюшки о. Серафима.

Тетради № № 7 и 8: о блаженной Пашѣ Саровской.

Тетрадь № 9: жизнеописаніе блаж. Пелагеи Ивановны.

Тетрадь № 10: разсказы о Прасковіи и Маріи Семеновнахъ Мелюковыхъ.

Тетрадь № 11: (черная въ переплетѣ): а) жизнеописаніе монахини Елены, въ міру дѣвицы Е. В. Мантуровой и б) разсказы разныхъ лицъ.

Тетрадь № 12: краткое описаніе Серафимо-Дивѣвской обители.

Тетрадь № 13: свѣдѣнія о Серафимо-Дивѣвскомъ монастырѣ.

Тетради № № 14 и 15: краткое повѣствованіе о Свято-Троицкомъ соборѣ Серафимо-Дивѣва Монастыря.

Тетрадь № 16: кончина матушки Агаѳіи Симеоновны и основаніе батюшкой Серафимомъ мельничной общины.

Тетрадь № 17: о Прасковіи Семеновнѣ Мелюковой.

Тетрадь № 18: воспоминаніе о жизни старца Антонія.

Тетрадь № 19: свѣдѣнія о блажен. Наталіи Дмитріевой.

Тетрадь № 20: тридцать разсказовъ объ исцѣленіи батюшки о. Серафима.

Тетрадь № 21: сказаніе о послѣднихъ двухъ дняхъ жизни старицы Прасковіи Семеновны Мелюковой, переданное Оеодорой Ероѳеевой.

Тетрадь № 22 (черновые) рассказы о батюшкѣ о. Серафимѣ, чудесахъ его и о болящихъ старицахъ, записанные В. А. Карамзиной.

Тетради № 23-28: лѣтопись о первыхъ первоначальницахъ общины и тетради (5) о цѣлительныхъ свойствахъ воды батюшки Серафима.

Тетради № 29-33: (черновые) рассказы о батюшкѣ о. Серафимѣ, о чудесахъ его, о Мантуровѣ и о первоначальницахъ.

Тетрадь № 34: письмо и записки исправника Павла Бетлинга.

Тетрадь № 35: древнія бумаги М. В. Мантурова о покупкѣ земли и о построеніи Рождественской церкви.

Тетрадь № 36: (черновая) записи В. А. Карамзиной о чудесахъ батюшки о. Серафима.

Тетрадь № 37: нѣкоторыя замѣчанія на книгу: «Сказанія о подвигахъ старца Серафима».

Тетрадь № 38: свѣдѣнія о батюшкѣ о. Серафимѣ изъ Слободскаго Вятскаго монастыря, съ копіей письма Преосвящ. Агаѳангела Епископа Вятскаго

Тетрадь № 39: письма и телеграммы, относящіяся къ юбилею игуменіи Маріи.

Тетради № 40-60: записки Н. А. Мотовилова.

ЛИТЕРАТУРА О ПРЕП. СЕРАФИМѢ.

Такъ какъ систематически обработанной и критически провѣренной біографіи преп. Серафима, какъ мы выше сказали, нѣтъ, то и вышедшіе о немъ печатные труды въ большинствѣ надо отнести, независимо отъ цѣнности, тоже къ источникамъ по преимуществу. Помимо приведенныхъ уже двухъ сборниковъ слѣдуетъ отмѣтить:

1) Сказанія о подвигахъ жизни старца Серафима, іеромонаха, пустытника и затворника съ присовокупленіемъ очерка жизни первоначальницы Дивѣвской женской обители Агаѳіи Симеоновны Мельгуновой. Изданіе іеромонаха Іоасафа. СПБ. 1849 г.

2) Изданіе второе СПБ. 1856.

3) Житіе старца Серафима Саровской обители

іеромонаха, пустынножителя и затворника. СПб. 1863 г. Изд. Саровской пустыни.

4) Изданіе четвертое. Муромъ 1893 г. Изд. Саровской пустыни.

5) Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки въ ней подвизавшіеся. Москва. 1884 г. изд. 4-е.

6) Житіе и подвиги іеросхимонаха Іоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни. Муромъ 1892 г.

7) Краткое жизнеописаніе старца Серафима Саровскаго и полковницы Агаѳіи Семеновны Мельгуновой, основателей Серафимо-Дивѣва женскаго монастыря. Изд. Серафимо-Дивѣва монастыря. Москва 1874 г.

8) Серафимо-Дивѣвскій общежительный женскій монастырь съ приложеніемъ жизнеописаній о. Серафима и матери Александры. Составлено княжной Еленой Горчаковой. Москва. 1889 г.

9) Двадцатипятилѣтнее юбилейное торжество игуменіи Маріи, настоятельницы Серафимо-Дивѣвскаго монастыря. Нижній-Новгородъ. 1887 г.

10) Сказаніе о Христа ради юродивой подвижницѣ Пелагеѣ Ивановнѣ Серебrenиковой. Тверь. 1891 г.

11) Преосвященный Антоній, Архіепископъ Воронежскій и Задонскій. Воронежъ. 1890 г.

12) Преосвященный Ѳеофанъ затворникъ Вышенскій. Москва 1895 г.

13) Преосвященнѣйшій Іеремія, Епископъ Нижегородскій. Нижній Новгородъ 1886 г.

14) Схи-игуменъ Серафимъ, бывший настоятель Павло-Обнорскаго монастыря о. Іоасафъ. Священника А. Братановскаго. Ярославль. 1885 г.

15) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго. Т. IV и т. V (часть первая).

16) Письма Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Тверь 1888 г.

17) Письма Митрополита Московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Архимандриту Антонію. Ч. IV. Москва 1884.

Къ этому списку, данному въ «Лѣтописи», прибавимъ еще:

«Сказаніе о подвигахъ Серафима». «Маякъ» 1845, т. XVI.

«Краткое начертаніе жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и подвижника Марка». М. 1839. (въ ней помѣщены *духвныя наставленія* Преподобнаго Серафима въ количествѣ 33-хъ №№).

Елагинъ. «Сказаніе о подвигахъ Серафима» 1856 г.

Е. Поселянинъ. «Преподобный Серафимъ Саровскій Чудотворецъ» (съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). СПб. 1903 г.

А. С. Волжскій. «Въ обители преподобнаго Серафима». М. 1914 г.

КЪ МОЛИТВЕННОМУ ПРИЗЫВАНІЮ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА.

Память преподобнаго Серафима празднуется дважды въ году: 2 января (день кончины) и 19 іюля (день рожденія и открытія честныхъ мощей).

Приводимъ важнѣйшіе литургическіе тексты, касающіеся молитвеннаго почитанія и призванія его.

Тропарь, гласъ 4: Отъ юности Христа возлюбилъ еси блаженне, и тому Единому работати пламенне вожделѣвъ, непрестанною молитвою и трудомъ въ пустыни подвизался еси, умиленнымъ же сердцемъ любовь Христову стяжавъ, избранникъ возлюбленъ Божія Матере явился еси. Сего ради вопіемъ ти: спасай насъ молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче нашъ.

Кондакъ, гласъ 2: Міра красоту и яже въ немъ тлѣнная оставивъ, преподобне, въ Саровскую обитель вселился еси: и тамо ангельски поживъ, многимъ путь былъ еси ко спасенію; сего ради и Христосъ тебѣ, отче Серафиме, прослави, и даромъ исцѣлений и чудесъ обогати. Тѣмъ же вопіемъ ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче нашъ.

Величаніе: Ублажаемъ тя, преподобне отче Серафиме, и чтимъ святую память твою, наставниче монаховъ и собесѣдникъ ангеловъ.

Изъ акаѳиста молитва I: О пречудный отче Серафиме, великій Саровскій Чудотворче, всѣмъ прибѣгающимъ къ тебѣ скоропослушный помощникъ! Во дни земного житія твоего никто же отъ тебе тощъ и неутѣшенъ отиде, но всѣмъ въ сладость

бысть видѣніе лика твоего и благоувѣливый гласъ словесъ твоихъ. Къ симъ же и даръ исцѣленій, даръ прозрѣнія, даръ немоцныхъ душъ врачеванія, обилень въ тебѣ явися. Егда же призва тя Богъ отъ земныхъ трудовъ къ небесному упокоенію, николиже любовь твоя преста отъ насъ, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся яко звѣзды небесныя: се бо ко всѣмъ концемъ земли нашаея людемъ Божиимъ являешися и даруеши имъ исцѣленія. Тѣмъ же и мы вопіемъ ти: о претихій и кроткій угодниче Божій, дерзновенный къ Нему молитвинниче, николиже призывающыя тя отрѣваяй, вознеси отъ насъ благопомощную твою молитву ко Господу силъ, да укрѣпитъ державу... да даруетъ намъ вся благопотребная въ жизни сей и вся къ душевному спасенію полезная и оградить насъ отъ паденій грѣховныхъ и истинному покаянію научить насъ, во еже безпреткновенно внити намъ вѣчное небесное царство, идѣже Ты нынѣ въ незаходимой сіяеши славою, и тамо воспѣвати со всѣми святыми живоначальную Троицу до скончанія вѣка. Аминь.

Молитва II. О великій угодниче Божій преподобне и богоносне отче нашъ Серафиме! призри отъ горнія славы на насъ смиренныхъ и немощныхъ, обремененныхъ грѣхми многими, твояея помощи и утѣшенія просящихъ. Приинки къ намъ благосердіемъ твоимъ и помози намъ заповѣди Господни непорочно сохранять, вѣру православную крѣпко содержать, покаяніе во грѣсѣхъ нашихъ усердно Богу приносить, во благочестіи христіанствѣмъ благодатно преуспѣвати и достойны быти твоею о насъ молитвеннаго къ Богу предстательства. Ей святче Божій, услыши насъ молящихся тебѣ съ вѣрою и любовію и не призри насъ требующихъ твоего заступленія: нынѣ и въ часъ кончины нашаея помози намъ и заступи насъ молитвами твоими отъ злонныхъ навѣтовъ діавольскихъ, да не обладаеъ нами тѣхъ сила, но да сподобимся помощію твоею наслѣдовати обители райскія. На тя бо упованіе наше нынѣ возлагаемъ, отче благосердый: буди намъ воистину ко спасенію путевождь и приведи насъ къ невечернему свѣту жизни вѣчныя богоприятнымъ предстательствомъ твоимъ у престола Пресвятыя Троицы, да славимъ и поемъ со всѣми святыми достопоклоняемое имя Отца, Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Велицѣй Вечерни. Подобенъ: Преславное чудо, подвижникъ благочестія въ Саровѣ является, и молитвенникъ къ Богу теплый Серафимъ пречудный намъ бываетъ: веселися, обитель Саровская, имущи въ себѣ мощи преподобнаго: възграйте, православныхъ множества, предивнаго Серафима имуща въ бѣдахъ заступника и вопіюще къ нему: радуйся, свѣтильниче Россійскія земли, тьмы сопротивныхъ далече отрѣвай и Господеви молися, даровати душамъ нашимъ миръ и велію милость.

На стиховнѣ гласъ 6: Преподобне отче Серафиме, кто исповѣсть труды твоя и болѣзни? Или кій языкъ изречеть жестокое пустынное твое житіе, бдѣніе же и пощеніе, еще въ затворѣ пребываніе, устенъ безмолвіе и моленіе непрестанное? Воистину явился еси постникомъ украшеніе, молитвинниче къ Богу непостыдный. Тѣмъ же къ тебѣ вопіемъ: радуйся иноческаго житія правило: радуйся, въ бѣдѣхъ и скорбехъ великое утѣшеніе и теплый всѣмъ предстателю: молися, преподобне, спастися душамъ нашимъ.

КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО ПРЕП. СЕРАФИМА.

Прежде начатія Псалтири читай сіе:

Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. *Поклонъ.*

Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклонъ.*

Безъ числа согрѣшихъ, Господи прости мя. *Поклонъ.*

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. *Поклонъ.*

Боже, прости моя беззаконія и согрѣшенія. *Поклонъ.*

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ. *Поклонъ.*

Господи, аще словомъ или дѣломъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя, и прости ми грѣшному, милости Твоя ради.

Достойно есть. Слава и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды. Благослови.*

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. *Трисвятое: по Отче нашъ:*

На Славахъ:

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды*. Господи помилуй, *трижды*. *По семь*: Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ и на всякомъ мѣстѣ владычества Твоего православно живущія: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное: и ихъ святыми молитвами и мене окаяннаго помилуй.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотець, отецъ и братіи нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставльшихся; подаждь имъ, Господи, царствіе и причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

*По окончаніи кависмы читай:
Тропари и кондаки.*

Въ беззаконіяхъ зачався азъ блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человѣколюбіе Твое, зову: Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя.

Аще праведникъ едва спасется, азъ гдѣ явлюся грѣшный? Тяготы и зноя дневного не понесомъ иже съ наемниками единодесятаго часа сопричти мя Боже, и спаси мя.

Объятія Отче отверсти ми потщися: блудно мое иждихъ житіе, на богатство неизживаемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе: нынѣ обнищавшее мое да не презреша сердце; Тебѣ бо, Господи, во умиленіи зову: согрѣшихъ на небо и предъ Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца*.

Согрѣшихъ къ Тебѣ, Спасе, яко блудный сынъ: пріими мя, Отче, кающагося, и помилуй мя. Боже.

Милосердія сущи источникъ, милости сподоби насъ, Богородице; призри на люди согрѣшившія, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе, радуйся, вопіемъ Ти, яко же иногда Гавріиль, безплотныхъ архистратигъ.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства! Чистоты запечатлѣнной и дѣвству храниму, Мати позналася еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душамъ нашимъ.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ, Христе Боже: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости наполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ.

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему (или въ наше «время людемъ твоимъ») на сопротивныя даруя и Твое сохраняя крестомъ Твоимъ жительство.

Небесныхъ воинствъ архистратизи, молимъ васъ присно мы недостойніи, да вашими молитвами оградите насъ кровомъ крылъ невещественныя вашей славы, сохраняюще ны припадающіе прилежно и вопіющіе: отъ бѣдъ избавите ны, яко чиновначальницы вышнихъ силъ.

Боже отецъ нашихъ, творяй присно съ нами ко Твоей кротости, не остави милости Твоея отъ насъ; но молитвами ихъ въ мирѣ управи животъ нашъ.

Глубиною мудрости челоуѣколюбно вся строяй и полезное всѣмъ подаваяй, едине Содѣтелю, упокой Господи души рабъ Твоихъ: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога ашего.

Со святыми упокой, Христе души рабъ Твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Упованіе христіанъ, Пресвятая Дѣво, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли съ горними силами, дати оставленіе грѣховъ намъ всѣхъ, и наставленіе житіи, вѣрою и любовію присно Тя чтущимъ.

Господи помилуй. *Сорокъ. И молитву святого Ефрема:*

Господи и Владыко... *Поклонъ.*

Духъ же цѣломудрія... *Поклонъ.*

Ей Господи царю... *Поклонъ. Также малыхъ дванадцать поклоновъ, глаголюще на кіиждо поклонъ: Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. И паки послѣди молитву всю: Господи и Владыко.*

По окончаніи трехъ каѳисмъ глаголи:

Создавый мя, Господи, помилуй мя.

Безъ числа согрѣшивъ, Господи, прости мя.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Боже, прости моя беззаконія и согрѣшенія.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.

Господи, аще словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грѣшному, милости Твоя ради.

Достойно есть: Слава, и нынѣ. Господи помилуй, трижды. Благослови. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ; Царю небесный: Трисвятое: По Отче нашъ: Господи помилуй, дванадцать. Приидите поклонимся, трижды. И псаломъ пятидесятый; и Вѣрую во единого Бога Отца.

Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святыи: Троице Святая, слава Тебѣ.

Отче нашъ, и проч.

Богородице Дѣво, радуйся, и проч.

Кресту Твоему, и прочее.

Возбранный Воеводо и Господи, и проч.

Взбранной Воеводѣ побѣдительная, и проч.

Преславная Приснодѣво, и проч.

Все упованіе мое, и проч.

Богородице Дѣво, не презри мене грѣшнаго, и прочее.

Упованіе мое Отецъ, и проч.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго и проси моя беззаконія и согрѣшенія.

Всемилющая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дѣво, Богородице Маріе, Мати Божія, спаси мя грѣшнаго.

Святіи архангели и ангели, херувими, серафими и вся силы небесныя, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Святыи ангеле Господень, хранителю мой святыи, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Богородице Дѣво, радуйся, и проч.

Спаси Господи и помилуй отца нашего строителя іеромонаха (имя рекъ), со всею о Христѣ братією: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе,

вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами и меня окаяннаго помилуй.

Спаси, Господи, и помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ на всякомъ мѣстѣ владычества Твоего, и подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами меня окаяннаго помилуй.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотець, отецъ и братій нашихъ здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставльшихся, и подаждь имъ, Господи, причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды*. Слава. Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ и проч.

И нынѣ. Упокой, Господи, души усопшихъ, и прочее. *Поемъ*. О Тебѣ радуется: Слава, и нынѣ. Господи помилуй, *трижды*. Благослови. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная же и невольная, яже въ словѣ и дѣлѣ, яже въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, яже во дни и въ нощи, яже въ умѣ и помышленіи, вся намъ прости, яко благъ и человѣколюбець.

Ненавидящихъ и обидящихъ мя прости, Господи, человѣколюбче, и проч.

Богородице Дѣво, радуйся, и проч.

Свѣтися, свѣтися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне, Ты же Чистая красуйся Богородице о возстаніи рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповѣдуемъ спасеніи Тобою, Дѣво чистая, съ безплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, и проч.

Радуйся, дѣвственная похвало, радуйся, Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными пѣснями величаетъ.

Предстательство христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грѣшныхъ моленій гласы, но предвари яко Благая на помощь насъ, вѣрно зовущихъ Ти: ускори на молитву и потщися на умиленіе, предстательствующи присно Богородице чтущихъ Тя.

Милосердія двери отверзи намъ, и проч.
Нескверная, неблѣдная, нетлѣнная, и проч.
Молитва на повеч.

Слава, и нынѣ. Господи помилуй, трижды.

Благослови. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ,
Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ.
Аминь. (См. у Елагина, СПб. 1863, стр. 50-56
приложеніе, Денисовъ, стр. 465-471).

КРАТКОЕ МОЛИТВЕННОЕ ПРАВИЛО ПРЕП. СЕРАФИМА ДЛЯ МІРЯНЪ.

(См. іеромонаха Іоасафа, Сказаніе о подвигахъ и
событіяхъ жизни старца Серафима, СПб. 1849,
стр. 74-76, (Денисовъ стр. 471-472).

Воставши отъ сна, всякій христіанинъ, оградивъ
себя крестнымъ знаменіемъ, пусть читаетъ ту спа-
сительную молитву, которую самъ Господь и Богъ
нашъ Іисусъ Христосъ предалъ ученикамъ своимъ:
Отче нашъ до конца трижды, въ честь Божіей Ма-
тери, *Богородице Дѣво радуйся* до конца, также
трижды; наконецъ, единожды *Символь вѣры* (*Вѣрую
во единого Бога...*).

Совершивъ это утреннее правило, всякій хри-
стіанинъ, какого бы онъ ни былъ пола, званій или
рода, пусть отходитъ на свое дѣло, на которое онъ
поставленъ или призванъ.

Отправляясь же въ путь, или занимаясь дѣлами
дома, пусть онъ читаетъ тихо: *Господи Іисусе Хри-
сте, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго* (или
грѣшную).

А если окружаютъ его по какой либо обязан-
ности люди, тогда онъ, занимаясь дѣломъ, пусть
говоритъ умомъ только: *Господи помилуй*, и это
продолжаетъ до самаго обѣда.

Передъ обѣдомъ же пусть совершаетъ выше-
сказанное утреннее правило.

Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій хри-
стіанинъ пусть читаетъ также тихо: *Пресвятая
Богородице, спаси мя грѣшнаго* (или *грѣшную*), и
это продолжаетъ до самаго сна.

Когда же случится ему проводить время въ уе-
диненіи, тогда онъ пусть читаетъ *Господи Іисусе
Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго* (или
грѣшную).

Приближаясь же къ минутамъ сна, всякъ христіанинъ долженъ повторить вышесказанное утреннее правило, т. е. трижды *Отче нашъ*, трижды *Богородице* и единожды *Символь вѣры*, и послѣ того пусть засыпаетъ съ крестнымъ знаменіемъ. (Игумень Георгій (1845, стр. 48) и іеромонахъ Сергій (1839, стр. 85), сохраняя сущность этого правила, передають его, однако, въ сокращенной редакціи (Денисовъ стр. 472).

Преподобный говорилъ, что всякій христіанинъ, держась этого малаго правила, какъ спасительнаго якоря среди волнъ мірской суеты и со смиреніемъ исполняя его, можетъ достигнуть до мѣры христіанскаго совершенства и любви Божественной, потому что эти три молитвы суть основаніе христіанства: первая, какъ слова самаго Господа, которая онъ поставилъ въ образецъ всѣхъ молитвъ; вторая принесена съ неба архангеломъ въ привѣтствіе Пресвятой Дѣвѣ, Матери Господа, и въ камень краеугольный Новаго Завѣта; послѣдняя же заключаетъ въ себѣ вкратцѣ всѣ догматы христіанской вѣры. (Денисовъ 472-475).

Если христіанинъ держась этого правила, имѣетъ еще нѣсколько свободнаго времени, тогда пусть онъ присоединяетъ къ нему и другія спасительныя чтенія и молитвословія, какъ-то: нѣсколько зачалъ изъ священнаго Евангелія и Апостольскіе каноны, акаѳисты, псалмы и молитвы, — и притомъ вдвойнѣ и со смиреніемъ благодарить Господа за то, что удостоился принести Ему въ жертву еще что-нибудь изъ священныхъ плодовъ. Чрезъ это онъ входитъ мало по малу на верхъ христіанской добродѣтели.

Если же кому-нибудь бываетъ невозможно выполнять и этого малаго правила, напр. слугѣ по обязанностямъ его къ своему господину, прислужающему по обязанностямъ къ своей должности, то преподобный совѣтовалъ исполнять это правило и на постели, и въ ходѣбѣ, и при самомъ исполненіи дѣла, поминая слово Божіе: *всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется*. Рим. 10, 13. Іеромонахъ Авель (см. Краткая духовная лѣствица. М. 1848, стр. 51) относитъ эти слова преп.

Серафима къ такъ называемому у иноковъ «умному дѣланію», т. е. къ молитвѣ Иисусовой (*Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*) и передаетъ ихъ въ такомъ видѣ:

— Въ этомъ да будетъ все твое званіе и обученіе. Ходя и сидя, дѣлая и въ церкви стоя, входя и исходя, сіе непрестанное вопіаніе да будетъ и въ устахъ и сердцѣ твоёмъ. Съ нимъ найдешь покой, приобрѣтешь чистоту духовную и тѣлесную, и вселится въ тебя Духъ Святой, источникъ всякихъ благъ, и управитъ жизнь твою въ святыхъ и во всякомъ благочестіи и чистотѣ (Денисовъ 473).

КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО, ПРЕПОДАННОЕ ПРЕП. СЕРАФИМОМЪ ИНОКИНЯМЪ ДИВЪ- ЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Вставъ съ постели, утромъ прочитатъ: утреннія молитвы, сіе правильце: 1 разъ Достойно, 3 раза Отче, 3 раза Богородице Дѣво, радуйся, 1 разъ Символь Вѣры, 2 раза: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную; 1 разъ: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ; 2 раза: Господи, Иисусе Христе, Госпожею Марією Богородицею помилуй насъ грѣшныхъ; 12 разъ: Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! 12 разъ: Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси насъ грѣшныхъ! Все это по келіямъ. До трапезы мысленно читатъ: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную! потомъ вечернее правило въ церкви: 12 избранныхъ псалмовъ, покаянныхъ, поученій; 100 разъ: Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, съ поясными поклонами; 100 разъ: Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси насъ грѣшныхъ, съ поясными же поклонами и батюшкино правильце вышеупомянутое. Затѣмъ до ночи мысленно читатъ: Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя! и ложась въ постель: молитвы на сонъ грядущимъ и его правильце каждой у себя въ келіи. (см. краткое жизнеописаніе старца Серафима Саровскаго, 3 изданіе Серафимо-Дивѣва монастыря, Казань, 1906, стр. 81-82, Денисовъ 474).

ЗАПОВѢДЬ ПРЕП. СЕРАФИМА ИНОКІЯМЪ ДИВѢВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

1) Пѣть передъ литургіей каждое воскресеніе Параклисисъ Божіей Матери безъ упущенія. «Если будутъ свято исполнять это, то никакія бѣды обитель не постигнуть», говорилъ батюшка. «Если же оставять, то безъ бѣды бѣду наживутъ!». подтверждалъ онъ нѣсколько разъ Серафимо-Дивѣева монастыря протоіерею о. Василию Садовскому.

2) Постоянно, и день и ночь, читать псалтирь въ нижней Рождества Богородицы церкви: «Она вѣчно обитель питать будетъ, батюшка! — тоже нѣсколько разъ подтвердилъ онъ протоіерею Садовскому.

3) Церковныя должности дьячка и пономаря чтобы исполняли сами сестры, но только дѣвицы монастыря, точно такъ же какъ и всѣ начальническія должности послушанія.

4) Чтобы никогда сестры не жили въ келіи по одной, точно такъ же во время Богослуженій, не оставались бы по одной и никуда не выходили бы и не выѣзжали по одной.

5) Приобщаться всѣмъ неупустительно во всѣ св. посты, и по желанію во всѣ дванадесятые праздники.

6) Передъ образомъ мѣстнымъ Спасителя въ Рождественской церкви неугасимо горитъ свѣча, и передъ извѣстной иконою Богоматери въ той же церкви неугасимо горитъ лампада.

Все вышесказанное, какъ заповѣдано батюшкой, такъ и понынѣ исполняется въ Серафимо-Дивѣевскомъ монастырѣ». (Тамъ же, стр. 80-81), (Денисовъ стр. 475).

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Е. Поселянинъ. «Русская церковь и русскіе подвижники 18-го вѣка.» С.-Петербургъ 1905, стр. 244.
2. Тихонравовъ. «Лѣтописи русской литературы», т. II, стр. 5.
3. Тамъ-же. «Лѣтописи русской литературы», стр. 25.
4. Тамъ-же, стр. 9.
5. Тамъ-же, стр. 12 и сл.
6. Акаѣистъ преподобному Серафиму, икосъ 6. О видѣніи преп. Серафиму Христа см. «Сказаніе игумена Георгія» цит. у Л. Денисова въ «Житіи», стр. 70. «Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря», стр. 55-57.
7. Акаѣистъ преподобному, кондакъ 5.
8. «Лѣтопись», стр. 72-73.
9. Разказъ старицы Матроны Плещеевой у іеромонаха Іоасафа «Сказаніе», 1885 г. стр. 178-182. Денисовъ, стр. 88. «Лѣтопись» стр. 249-251.
10. Акаѣистъ преподобному, икосъ 12.
11. Изъ «Великаго Канона» св. Андрея Критскаго. О моленіи на камнѣ см. «Лѣтопись», стр. 81-83.
12. Акаѣистъ преподобному, кондакъ 8.
13. «Лѣтопись», стр. 409.
14. «Лѣтопись», стр. 196.
15. «Лѣтопись», стр. 198.
16. «Лѣтопись», стр. 282-283.
17. 1-ое Саровское изданіе, СПБ. 1863, стр. 268-272. Денисовъ, стр. 380-384.
18. «Лѣтопись», стр. 322-323.
19. «Лѣтопись», стр. 233.
20. «Лѣтопись», стр. 448-450.
21. Е. Голубинскій. «Исторія канонизаціи Святыхъ Русской Церкви», 1903 г., стр. 17.

22. Анаѣистъ преподобному, икосъ 10.
О блаженной кончинѣ преп. Серафима, см. «Лѣтопись», стр. 474-476.

23. «Лѣтопись», стр. 458.
24. «Лѣтопись», стр. 399.
25. «Лѣтопись», стр. 398-399.
26. «Лѣтопись», стр. 397.
27. «Лѣтопись», стр. 398.
28. «Лѣтопись», стр. 215-216.
29. «Лѣтопись», стр. 454.
30. Денисовъ, стр. 277.
31. Денисовъ, стр. 211-212.

32. Геромонахъ Авель. «Краткая духовная лѣствица», 1848 г., стр. 51. Денисовъ, стр. 109.

33. См. у іером. Іоасафа, стр. 222-223. Денисовъ, стр. 256.

34. См. у іером. Іоасафа, стр. 133-134, Денисовъ, стр. 261-262.

35. См. у іером. Іоасафа, стр. 254-255. Денисовъ, стр. 339-340.

36. См. у іером. Іоасафа, стр. 249-254, Денисовъ, стр. 346-348.

37. См. у іером. Іоасафа, стр. 243-245. Денисовъ, стр. 338-339.

38. «Лѣтопись», стр. 312-315. Денисовъ, стр. 315-318.

39. См. у іером. Іоасафа, стр. 207-208. Денисовъ, стр. 385.

40. «Лѣтопись», стр. 222-223.

41. Надежда Аксакова. «Отшельникъ 1-й четверти XIX столѣтія и паломники сего времени», Вильна, 1903 г., стр. 21-24. Денисовъ, стр. 366-367.

42. См. у Елагина, стр. 314. Денисовъ стр. 409.

43. «Лѣтопись», стр. 418.

44. Записки протоіерея Василя Садовскаго и Н. А. Мотовилова; показанія Ксеніи Васильевны.

45. «Лѣтопись», стр. 266-269.

46. «Лѣтопись», стр. 256.

47. «Лѣтопись», стр. 255.

48. «Лѣтопись», стр. 258.

49. «Лѣтопись», стр. 465.

50. Путеш. Порѣенія, ч. I, стр. 196-197; «Лѣтопись», стр. 443-444.

51. «Лѣтопись», стр. 279.

52. См. статью іером. Пантелеймона «Три богослова» («Богословскій Вѣстникъ», Январь 1913).

53. См. у игум. Георгія, 1845 г., стр. 51-52 и у іером. Іоасафа, 1849 г., стр. 81-82. Денисовъ, стр. 386-388.

54. Ad. Franck. «La philosophie mystique en France à la fin du XVIII-ème siècle.» Saint-Martin, 1866, р. 168-169. Перев. проф. И. И. Лапшина.

55. См. «Слова» преп. Симеона Новаго Божьслова, въ перев. еп. Теофана, Москва, 1838.

56. Митр. Филаретъ. Письма архимандриту Антонію, т. I., стр. 292; Денисовъ, стр. 418.

57. Архим. Сергій, 4 изд. М. 1856 г., стр. 63-64, № 1, Денисовъ, стр. 420.

58. Іером. Сергій, М. 1839 г., стр. 58, № 27. Денисовъ, стр. 421.

59. Іером. Сергій, стр. 59-60, № 28; Денисовъ, стр. 422. Въ «Лѣтописи» подъ № 29, на стр. 145.

60. «Лѣтопись», стр. 114-115. Варіантъ, слегка отличающійся отъ приведеннаго въ указанныхъ источникахъ. Далѣе пропущено до конца. Іером. Сергій, стр. 65-66, № 3; Денисовъ, стр. 423. «Лѣтопись» помѣщаетъ этотъ фрагментъ подъ № 3.

61. Сергій, стр. 66, № 4; Денисовъ, стр. 423-424. Въ «Лѣтописи» подъ № 4 на стр. 115.

62. Сергій, 1839 г., стр. 22-23, № 5, Денисовъ, стр. 425. Въ «Лѣтописи» подъ № 7, на стр. 116.

63. Сергій, стр. 26-28, № 7. Денисовъ, стр. 426. Въ «Лѣтописи» этого фрагмента нѣтъ.

64. Сергій, стр. 29-31, № 6; Денисовъ, стр. 426. Въ «Лѣтописи» подъ № 18, стр. 132-133.

65. Сергій, стр. 34-37, № 11; Денисовъ, стр. 427-429. Въ «Лѣтописи» этого фрагмента нѣтъ.

66. Сергій, стр. 39-40, № 13; Денисовъ, стр. 429. Въ «Лѣтописи» подъ № 14 на стр. 126-127.

67. Антиохъ, слово 25-ое. У архим. Сергія, 1856 г., стр. 114, № 32; Денисовъ, стр. 429-430. Въ «Лѣтописи» подъ № 27, стр. 142-143.

68. У архим. Сергія, тамъ-же, стр. 115-118, № 33, Денисовъ, стр. 430-433. Въ «Лѣтописи» не имѣется.

69. Антиохъ, слово 27-ое. Архим. Сергій, тамъ-же, стр. 118-119, № 34; Денисовъ, стр. 434. Въ «Лѣтописи» подъ № 28, стр. 143-144.

70. Конецъ опущенъ, см. у іером. Сергія, 1839 г., стр. 45, № 17; Денисовъ, стр. 434. Въ «Лѣтописи» подъ № 20, стр. 134.

71. Іером. Сергій стр. 48-49, № 20; Денисовъ, стр. 434-435. Въ «Лѣтописи» подъ № 23, стр. 136-138.

72. Тамъ-же, стр. 46-47. Въ «Лѣтописи» подъ № 21, ст. 134-135.

73. Іером. Сергій, стр. 51-52, № 22; Денисовъ, стр. 436-437. Въ «Лѣтописи» подъ № 24, стр. 138-139.

74. Іером. Сергій, стр. 52-53, № 23; Денисовъ, стр. 438. Въ «Лѣтописи» подъ № 25, стр. 139-141.

75. Тамъ-же, стр. 53-54, № 24. Денисовъ, стр. 439.

76. Тамъ-же, стр. 13-14, № 1; Денисовъ, стр. 439. Въ «Лѣтописи» подъ № 9, стр. 120-121.

77. Тамъ-же, стр. 14-16, № 2; Денисовъ, стр. 440-441. Въ «Лѣтописи» этого номера не имѣется.

78. См. у іером. Сергія, стр. 16-18, № 3, Денисовъ, стр. 441-442. Въ «Лѣтописи» подъ № 10, стр. 121-123.

79. Тамъ-же, стр. 18-22, № 4, Денисовъ, стр. 442-444. Въ «Лѣтописи» подъ № 11, стр. 124-125.

80. Далѣе полностью вариантъ изъ «Лѣтописи». См. іером. Сергій, стр. 40-41, № 14. У Денисова на стр. 445-446 вариантъ болѣе яркій и, повидимому, подлинный.

81. «Добротолюбіе» ч. I, листъ 96 на обор. «О безмолвіи». Въ «Лѣтописи» подъ № 19, на стр. 133.

82. У іером. Сергія, стр. 37-38 № 12, Денисовъ стр. 446-447. Въ «Лѣтописи» подъ № 13 на стр. 126.

83. Далѣе опускаемъ. См. у іером. Сергія, стр. 47, № 19; Денисовъ, стр. 447. Въ «Лѣтописи» подъ № 21, стр. 135.

84. У іером. Сергія, стр. 23-26, № 6; Денисовъ стр. 447-448.

85. См. у архим. Сергія 1856 г., стр. 68-69, № 6; Денисовъ, стр. 450. Въ «Лѣтописи» подъ № 6, стр. 116-117.

86. См. у іером. Сергія 1839 г., стр. 32-34, № 10; Денисовъ, стр. 450-452. Въ «Лѣтописи» подъ № 12, стр. 124-126.

87. См. у іером. Сергія 1839 г., стр. 41-44, № 15; Денисовъ, стр. 452-453. Въ «Лѣтописи» подъ № 15, стр. 127-130.

88. Тамъ-же, стр. 44, № 16; Денисовъ, стр. 453. Въ «Лѣтописи» подъ № 16, стр. 130-131.

89. Тамъ-же, стр. 54-55, № 25; Денисовъ, стр. 454. Въ «Лѣтописи» этого фрагмента не имѣется.

90. «Добротолюбіе», ч. 3 Петра Дамаскина, кн. I, стр. 58. У іером. Сергія, стр. 56-58, № 26;

Денисовъ, стр. 454-456. Въ «Лѣтописи» этого номера нѣтъ.

91. См. у архим. Сергія 1856 г. стр. 69-70, № 7; Денисовъ, стр. 456. Въ «Лѣтописи» (№ 7 на стр. 117-118) этому фрагменту предшествуетъ небольшая цитата изъ преп. Варсонофія.

92. См. у іером. Сергія 1839 г., стр. 60-64, № 29; Денисовъ, стр. 456-458.

93. Тамъ-же, стр. 68-71, № 32; Денисовъ, стр. 459-460. Въ «Лѣтописи» этого номера нѣтъ.

94. Четьи Минеи 8-го мая. См. у іером. Сергія, стр. 71-73, № 33; Денисовъ, стр. 461-462. Въ «Лѣтописи» этого номера нѣтъ.

95. Тамъ-же, стр. 64-66, № 30; Денисовъ, стр. 462-463. Въ «Лѣтописи» этого номера нѣтъ.

96. Въ «Лѣтописи» этого номера нѣтъ.

97. Wetzler und Welter. Kirchenlexikon VI Bd. Freiburg 1889. Col. 1274-1282.